

классика детектива

Джон
Диксон

КАРР

классика детектива

Джон Диксон

КАРР

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

классика детектива

классика детектива

John Dickson

CARR

THE LOST GALLOWS

■

BELOW SUSPICION

Novels

классика детектива

ДЖОН ДИКСОН

КАРР

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

Романы

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)
К21

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Карр Дж.Д.
К21 Вне подозрений: детективные романы / Пер. с
англ. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 380 с.

ISBN 978-5-9524-4017-3 (Вып. 27)
ISBN 5-9524-1962-3

На глазах у знаменитого детектива, шефа парижской полиции Анри Банколена, разворачивается драматическое действие: некий пешеход едва не попадает под колеса несущегося автомобиля, за рулем которого... мертвец («Тень убийства»). Другой, не менее знаменитый сыщик-любитель Гидеон Фелл распутывает головоломку с отравлениями и сатанинскими оргиями («Вне подозрений»)

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-9524-4017-3 (Вып. 27)
ISBN 5-9524-1962-3

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2009
© Художественное
оформление серии,
ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

Глава 1

Тюрьма Холлоуэй, предназначенная для женщин, ожидающих суда, находится в Ислингтоне¹. Оказаться здесь не слишком приятно даже летом. А уж нынешний вечер, с холодным мартовским ветром, обрушивавшимся с завыванием на немногочисленные уличные фонари, вполне тянул на вечер перед казнью.

Лимузин «роллс-ройс», чьему владельцу закон запрещал водить даже маленький автомобиль, но кто мог позволить себе лимузин с шофером, подъехал к тюремным воротам. В его салоне сидели мистер Чарлз Денем, солиситор², и мистер Патрик Батлер, королевский адвокат, барристер³.

Когда Батлер открыл дверцу машины, а Денем сделал движение, собираясь последовать за ним, барристер знаком остановил своего спутника.

— Нет, — произнес он дружелюбным тоном.

Брови Денема, темнеющие на фоне худого простодушного лица, беспокойно сдвинулись.

— Тебе не кажется, что я должен присутствовать при твоём разговоре с ней?

— Только не на первом разговоре, Чарли. Нет. Я хочу... — Батлер взмахнул рукой и улыбнулся, — измерить ее эмоциональную температуру.

---

¹ Ислингтон — район на севере Большого Лондона. (*Здесь и далее примеч. пер., кроме примеч. авт.*)

² Солиситор — в Великобритании адвокат, выполняющий обязанности юрисконсульта клиента и передающий его дело барристеру. Имеет право выступать только в суде низшей инстанции.

³ Барристер — в Великобритании адвокат, имеющий право выступать в суде любой инстанции.

Улыбка и непринужденные манеры, казавшиеся странными для сравнительно молодого человека, словно причиняли Денему чисто профессиональные мучения.

— Но ее обвиняют в убийстве! — воскликнул он.

— Конечно, — весело согласился Батлер. — Иначе я не был бы здесь, верно?

— Ну... — пробормотал Денем, словно наполовину соглашаясь с этим выводом, и высунулся в окошко, глядя на безобразное, тускло освещенное здание Холлоуэя. — Ненавижу женские тюрьмы! — добавил он.

Импозантный мистер Патрик Батлер, известный одним как «Великий защитник», а другим как «этот чертов ирландец», засмеялся, стоя одной ногой на подножке автомобиля и заглядывая в салон. Лет через десять он, возможно, стал бы слишком толстым, а его лицо — слишком красным. Сейчас же он выглядел на тридцать лет, хотя ему исполнилось сорок. Вызывающе торчащий нос был скомпенсирован широким улыбающимся ртом, а выражение интеллектуального превосходства над окружающими — веселыми искорками в голубых глазах. Не будь он искренне доброжелательным и щедрым до идиотизма, нашлись бы люди, которые его бы не выносили.

— Говорю тебе, — повторил Денем. — Я ненавижу женские тюрьмы.

— Ты превозносишь женщин, — сухо отозвался Батлер. — А я люблю их. Люблю их причуды, их глаза, их губы... — Он перечислил и другие атрибуты. — Но я предпочитаю видеть женщин на подобающем им месте, Чарли. Ты когда-нибудь разговаривал с Фергюсоном?

— А кто это?

— Начальник тюрьмы.

Денем, напряженное выражение лица которого старило его, хотя в действительности он был моложе Батлера, раздраженно тряхнул головой, словно прочищая ее содержимое.

— Фергюсон! — воскликнул он. — Ну конечно! Как глупо с моей стороны! Но...

— Знаешь, как сделать женщин счастливыми в тюрьме? — дружелюбно продолжал Батлер. — Дать каждой в камеру зеркало, приличный гребень и не замечать, какую фантастическую замену они находят для пудры и помады. Кроме того, разве в нынешнем 1947 году их жизнь в тюрьме намного хуже, чем наша на воле?

Денем судорожно глотнул.

— Послушай, — сказал он. — Мы приехали сюда не беседовать о женщинах-заключенных, а помочь мисс Эллис, невинной девушке... — Его голос стал резким. — Ведь ты считаешь ее невинной?

Веселье Батлера мгновенно улетучилось. Его лицо стало серьезным и почти напыщенным.

— Ну конечно, дорогой мой! Дай мне полчаса на разговор с ней — это единственное, о чем я прошу.

И он зашагал прочь походкой императора.

Спустя четверть часа Патрик Батлер стоял со шляпой в руке в маленькой комнате с побеленными стенами и двумя зарешеченными окнами, обращенными на запад, за которыми адело небо. Единственная электрическая лампа свисала с потолка в проволочной клетке. Тени решеток сплетали паутину вокруг стола и двух стульев.

Патрик Батлер был в Холлоуэе много раз. Тем не менее, несмотря на легкомысленный тон, заметный в разговоре с Денемом, ему никогда не нравилось здесь находиться. Слишком уж это напоминало запертую комнату в сердцевине Великой пирамиды, к тому же возникало неприятное ощущение, будто невидимые руки колотят в решетки вокруг... Высокий и вальяжный в своем великолепном пальто, приобретенном после долгих махинаций с купонами на черном рынке, Батлер сидел у стола. Вскоре надзирательница привела мисс Джойс Эллис.

«Господи! — подумал Батлер. — Да ведь она красotka! Правда, не мой тип, но чертовски привлекательна. Ей бы еще добавить красок...»

Джойс Эллис, темноволосая девушка среднего роста, с большими серыми глазами, выглядела испуганной, когда он поднялся из-за стола. Ей пришлось прочистить горло, прежде чем она смогла заговорить.

— А где мистер Денем? — спросила она, оглядываясь в поисках Чарли.

— Боюсь, мистер Денем не смог прийти, — ответил Батлер тоном и с улыбкой старшего брата. — Надеюсь, вы не возражаете выслушать меня? Я ваш адвокат. Меня зовут Батлер — Патрик Батлер.

— Патрик Батлер? — переспросила девушка.

Имя явно произвело впечатление.

Надзирательница не осталась с ними в комнате, но, очевидно, она встала за дверь, наблюдая в стеклянный глазок, чтобы вернуться при малейшей попытке Батлера хотя бы обменяться рукопожатием с клиенткой. Когда дверь закрылась, Джойс Эллис некоторое время стояла молча.

— Но я... у меня нет денег! — воскликнула она. — Я не могу...

Батлер расхохотался. Он был продуктом Вестминстера и колледжа Церкви Христовой в Оксфорде, но часто сознательно использовал в своей речи дублинский акцент, на который попадались многие англичане.

— И какое это имеет значение?

— Разве не имеет?

— Ни малейшего, — честно ответил Батлер. Он настолько искренне презирал финансовые вопросы, что фортуна, в свою очередь, осыпала его деньгами. — Если вас это утешит, дорогая моя, я получу свой гонорар с первого же богатого спекулянта на черном рынке, который действительно виновен.

На глаза девушки невольно навернулись слезы.

— Значит, вы верите, что я этого не делала?

Улыбка Батлера предполагала согласие. Но его ум, подобно точным весам, хладнокровно оценивал за и против.

«У нее прекрасная фигура, хотя это скрывает убогое платье. Вероятно, она чертовски страстная. Рад, что в этом деле не замешан мужчина. На свидетельском месте она будет отлично смотреться. Эти сдерживаемые слезы выглядят почти как настоящие».

— Мне следовало знать, что вы не можете верить в мою виновность, — сказала Джойс. — Я... я читала о вас.

— Мои скромные заслуги переоценивают.

— Нет! — Джойс сплела пальцы рук и опустила взгляд. Она сидела за столом напротив Батлера, и тени оконных решеток падали на ее лицо. — Как бы то ни было, отложим мои благодарности на потом. Вы хотите, чтобы я рассказала вам о... о происшедшем?

Батлер немного подумал.

— Не совсем так, — ответил он. — Позвольте мне рассказать об этом, а попутно я смогу задавать вопросы. Например, сколько вам лет?

— Двадцать восемь. — Джойс удивленно посмотрела на него.

— А как насчет вашей семьи, дорогая моя?

— Мой отец был священником на севере Англии. — Она вздохнула. — Знаю, что это звучит как глупая шутка в книге, но это правда. Отец и мать погибли во время авианалета в Халле в 1941 году.

— Расскажите что-нибудь о себе.

— Боюсь, рассказывать нечего. Дома мне приходилось тяжело работать, но меня не научили делать что-нибудь полезное. Во время войны я служила в Женском вспомогательном корпусе авиации. Мне это не слишком нравилось, хотя, полагаю, я не должна так говорить.

— Продолжайте.

Информация была случайной и даже непоследовательной. Тем не менее присутствие Батлера излучало уверенность, как печка тепло, вытягивая напряжение из тела девушки, а отчаяние — из ее ума.

— После войны мне, конечно, было нелегко устроиться. Хорошо, что я смогла получить место компаньонки-сиделки-секретарши у миссис Тейлор.

— Вас обвиняют, — спокойно сказал Батлер, — в отравлении миссис Тейлор сурьмой, или рвотным камнем, вечером 22 февраля.

В этот момент оба почувствовали взгляд надзирательницы в стеклянный глазок, словно он проник в комнату.

Джойс молча кивнула, уставясь на стол. Ее указательный палец прочертил на крышке вертикальную линию, а затем горизонтальную «перекладину» в нижнем ее конце. Черные волосы, старомодно завитые сзади, поблескивали при свете лампы. Стены тюрьмы, где она ожидала суда уже две недели, снова стали давить на нее.

— Сколько времени вы пробыли с миссис Тейлор?

— Почти два года.

— И каково было ваше мнение о ней?

— Она мне нравилась. — Джойс перестала чертить пальцем на столе.

— Согласно моим сведениям, — продолжал Батлер, — возраст миссис Тейлор приближался к семидесяти. Она была очень богатой, очень толстой и воображала себя инвалидом.

Серые глаза сверкнули.

— Погодите! — сказала Джойс. — «Воображала» — это не совсем точно... О, не знаю, как это описать!

— Постарайтесь, дорогая моя.

— Ну, у нее была страсть к всевозможным лекарствам. Если она думала, что у нее нелады с сердцем, и случайно натыкалась на чью-то коробочку с таблетками от расстройства пищеварения, то все равно принимала их с целью посмотреть, что произойдет. И она постоянно накачивала себя эпсомской солью и солью Немо¹.

Батлер кивнул.

— Насколько я понимаю, — продолжал он, — после смерти мужа миссис Тейлор жила в Бэleme, на краю Тутинг-Коммон², в большом старомодном доме с каретным сараем позади.

— Да.

— Но в доме ночевали только вы и миссис Тейлор?

— Да. Слуги спали в комнатах над каретным сараем. Вот что делает мое положение таким ужасным!

— Еще бы, дорогая моя! — Дублинский акцент вновь успокоил девушку.

На румяном лице Батлера было написано сочувствие. Джойс Эллис прекрасно изображает страдающую невинность, с восхищением думал он.

— Понимаете, — настаивала девушка, — миссис Тейлор редко покидала дом и ненавидела автомобили. Если ей нужно было куда-нибудь поехать, кучер возил ее в экипаже, именуемом ландо. К каретному сараю пристроена конюшня, где миссис Тейлор годами держала лошадь. И как раз там...

— Как раз там кто-то раздобыл яд?

— Боюсь, что да.

— В деревянном шкафчике, прикрепленном к стене конюшни, — продолжал Батлер, — стояла старая банка из-под английской соли, которая была на четверть наполнена смертельным ядом под названием сурьма. Кучер... как его звали?

— Гриффитс, — ответила Джойс. — Билл Гриффитс.

— Кучер использовал ядовитый раствор для придания блеска шкуре лошади. — Батлер устремил взгляд на девушку. — Сурьма — белый кристаллический порошок, легко растворяющийся в воде и выглядящий точь-в-точь как соль Немо.

— Говорю вам, я ее не убивала!

---

¹ Имеются в виду обезболивающие и успокоительные средства.

² Тутинг-Коммон — пустошь на юге Лондона.

— Ну конечно, не убивали. А теперь расскажите в точности, что происходило днем и вечером перед ее смертью.

— Ничего особенного.

Очевидно, лицо Батлера, помимо воли его обладателя, выразило раздражение. В серых глазах девушки мелькнули испуг и раскаяние.

«Черт возьми! — подумал Батлер. — Она в меня влюбляется!» С его клиентами женского пола такое случалось нередко, и это приводило к весьма неловким ситуациям.

— День был холодный и ветреный. — Джойс отвела взгляд, словно устремив его в прошлое. — Миссис Тейлор с утра не вставала с постели, а в камине горели дрова. Утром я приводила в порядок ее волосы — миссис Тейлор, несмотря на возраст, любила, чтобы они были цвета медного чайника, — и она не казалась такой жизнерадостной, как обычно. А после полудня у нее были посетители.

— Какие?

— Доктор Бирс, ее лечащий врач, заглянул около половины третьего. Молодая миссис Реншо (она и ее муж — единственные родственники миссис Тейлор) пришла около трех. Меня это удивило.

— Вот как? Почему?

Джойс сделала неуверенный жест.

— Ну, Реншо живут далеко — в Хампстеде. Они редко выбираются в такие пустоши Южного Лондона, как Бэлем и Тутинг-Коммон. Тем не менее Люсия Реншо приходила в тот день. Она натуральная блондинка и очень хорошенькая.

«В отличие от меня», — давал понять тон Джойс. Она собиралась что-то добавить, но передумала и закусила губу.

— Продолжайте! — подбодрил ее Батлер.

— Миссис Тейлор, миссис Реншо и доктор Бирс были в спальне миссис Тейлор — ее используют и как гостиную — с большой старомодной деревянной кроватью, в передней части дома. Я была в своей спальне на задней стороне и читала, когда в моей комнате зазвонил электрический звонок. Понимаете, миссис Тейлор нуждалась в уходе, но не желала, чтобы кто-то «суетился», как она выражалась, рядом, когда ей хотелось побыть одной. Поэтому она установила в моей комнате электрический звонок. Это... это приведет меня на виселицу. Нет, не прерывайте! — вскрикнула Джойс, когда ее собеседник

попытался заговорить. — Услышав звонок, я помчалась в комнату миссис Тейлор. Доктор Бирс и миссис Реншо уже ушли. Миссис Тейлор сидела в кровати, держа руку на шнуре звонка. Такие белые шнуры бывают в больницах — их прикрепляют к стене за изголовьем кровати. Иногда его отбрасывает в сторону, и приходится вставать, чтобы ухватиться за него.

Миссис Тейлор была в ярости. Я никогда не видела ее в таком состоянии. Знаю, что это звучит нелепо, но причина была в том, что она пошла в ванную и банка с солью Немо оказалась пустой. Она жаждала этой соли, как пьяница — виски. Вид у нее был ужасный, в розовой шелковой ночной рубашке она казалась еще толще, чем на самом деле.

Я сразу предложила сбежать в деревню и купить другую банку. В действительности это не деревня, а пригородный торговый центр в начале Бедфорд-Хилл-роуд, около станции метро. Но, пройдя полпути, я внезапно вспомнила, что сегодня четверг и магазин закрывается рано. Я бы успела в аптеку, только если бы проехала на метро до Вест-Энда.

Я беспомощно глядела по сторонам, не зная, что делать. Деревья качались на ветру, а дома казались замерзшими. Миссис Тейлор велела вернуться сразу же, поэтому я пошла назад. Когда я вернулась...

— Одну минуту, — прервал Батлер. — В комнате миссис Тейлор был кто-нибудь еще, когда вы ввернулись?

— Да, Алиса Гриффитс — жена кучера. Она вроде горничной и прислуги за все. Алиса уже немолода и с причудами, но всегда была очень славной.

— Продолжайте.

— Когда я объяснила миссис Тейлор, что сегодня четверг, и предложила, что поеду в Вест-Энд, она так рассердилась, что не пожелала и слышать об этом. Миссис Тейлор заявила, что не получит соли Немо, даже если ее жизнь будет от этого зависеть и что все против нее. Потом она посмотрела на меня и крикнула: «Я знаю одну молодую леди, которая лишится наследства, когда я позвоню своему поверенному!» И Алиса слышала ее.

Понимаете, миссис Тейлор завещала мне пятьсот фунтов, хотя я ничем этого не заслужила. Все это знали. Пожалуйста, поверьте мне, мистер Батлер, что я не стала бы никого убивать из-за пятисот фунтов и вообще из-за денег. Беда в том, что это

нелегко объяснить. Больше ничего не произошло, пока не случилось самое страшное.

Джойс закрыла лицо руками, прижав пальцы к глазам, потом скрипнула зубами и заговорила снова:

— В половине восьмого я принесла миссис Тейлор на подносе обед. Она... ну, немного оттаяла, хотя пару раз упоминала о том, как хорошо действует соль Немо на ее пищеварение. Я просто не знала, что сказать, поэтому молчала.

Не помню, говорила я вам, что в доме было трое слуг, если не считать меня служанкой? Это Билл и Алиса Гриффитс и кухарка Эмма. Все они, по приказу миссис Тейлор, должны были уйти из дому к девяти вечера. Они так и сделали.

Потом я, как обычно, перестелила кровать миссис Тейлор и положила на ночной столик несколько книг и пачку сигарет. Моей обязанностью перед сном было обойти дом и запереть все двери и окна, как в крепости. Последнее, что я сделала, — это заперла заднюю дверь.

Моя спальня находится около нее. Я немного почитала, а потом заснула, несмотря на вой ветра. И всю ночь, мистер Батлер, звонок в моей спальне не звонил!

Джойс склонилась вперед, стиснув пальцы.

— Они говорят, что я лгу, что звонок был в рабочем состоянии — и это правда — и что миссис Тейлор должна была позвонить, почувствовав страшную боль. Но я клянусь, что она не звонила! Я чутько сплю и услышала бы звонок.

Господи, мне почти хочется, чтобы я солгала — сказала, что приняла пару таблеток снотворного. Их было полно в аптечке миссис Тейлор. Но я думала, что закон не может повредить невинному. Нас учили этому верить. Я ведь, в сущности, еще не жила, а теперь заперта здесь, ожидая, пока меня повесят.

«Еще не жила? — подумал Батлер. — С таким лицом и такой фигурой? Ну-ну!»

Но на его румяной длинноносой физиономии не появилось и намека на сардоническую усмешку.

— Вы забегаете вперед, — резко напомнил он, словно давая пощечину истеричке.

— Простите. — Джойс взяла себя в руки. — Если вы верите в мою невинность, на моей стороне целая армия.

— Да. — Батлер неожиданно покраснел. — А что произошло утром?

— Каждое утро я просыпаюсь в восемь, чтобы отпереть заднюю дверь и впустить Алису. Она зажигает огонь на кухне и в каминах. Немного позже приходит кухарка Эмма, готовит миссис Тейлор утренний чай и относит его хозяйке в половине девятого.

В то утро я проснулась — совершенно автоматически; вы знаете, как это бывает, — без нескольких минут восемь. Когда Алиса постучала в заднюю дверь, я вышла в халате и впустила ее. Но было очень холодно, поэтому я вернулась в постель и еще немного подремала. Миссис Тейлор обычно не звала меня до десяти.

Затем, ровно без четверти девять, звонок начал трезвонить. Он звонил долго с маленькими промежутками. Я подумала, что миссис Тейлор опять рассердилась, поэтому побежала, даже не одевшись. Но это была не миссис Тейлор. Когда я добралась до ее комнаты...

Джойс сделала паузу, ее передернуло.

— Алиса Гриффитс встретила меня в переднем коридоре и привела в спальню. Она встала с одной стороны кровати с чайным подносом, а с другой стороны стояла Эмма, только что отпустив шнур звонка, который болтался рядом со щекой миссис Тейлор.

Сама миссис Тейлор лежала на боку, скорчившись, среди скомканного белья. Я сразу увидела, что она мертва, — ее лицо казалось высеченным из камня, как бывает у мертвецов. Алиса и Эмма уставились на меня остекленевшими глазами, словно накачались наркотиками.

На столике у кровати стоял стакан с чайной ложкой и беловатым осадком на дне, а рядом со стаканом — открытая банка из-под соли Немо. На этой банке остались отпечатки пальцев миссис Тейлор. — Джойс добавила тем же тоном: — И мои.

Глава 2

Небо за двумя зарешеченными окнами из мутно-красного стало сине-черным. Свет электрической лампы сделался еще более резким, холодным и безжалостным.

Серая шляпа и перчатки Патрика Батлера оставались лежащими на столе. Синее пальто распахнулось, когда он откинул-

ся назад, заставив стул скрипнуть. Глядя в угол потолка, Батлер загадочно улыбался. Потом он выпрямился и посмотрел на Джойс.

— Значит, банка из-под соли Немо хранилась в конюшне. Она содержала только сурьму?

— Да.

— Но соль Немо не шипуча, — продолжал Батлер. — Если кто-то дал ей эту банку...

— Дал ей! — Джойс закрыла глаза. В ее голосе звучала жуткая насмешка.

— Миссис Тейлор, должно быть, насыпала две или три чайные ложки чистой сурьмы в стакан воды, размешала ее и выпила, не заметив ничего дурного. Сурьма, как и мышьяк, не имеет ни запаха, ни вкуса.

— Но только я могла дать ей банку! Неужели вы этого не понимаете?

— Ну-у... — Он поджал губы.

— Я была с ней одна. Дом был заперт изнутри. Никто не мог войти. Мне не верят, когда я говорю, что звонок не звонил. Я унаследовала деньги от миссис Тейлор и... была сердита на нее в тот день. — Далее последовал вопрос, которого она с самого начала старалась избегать: — Мистер Батлер, у меня есть хоть какой-то шанс?

— Послушайте, — серьезно отозвался барристер. — Я прошу вас уделить мне еще одну-две минуты, чтобы я мог разобраться в фактах. Вы в состоянии это сделать?

— Конечно, если вам это необходимо.

— Тогда вернемся к тому моменту, когда вы увидели миссис Тейлор мертвой в ее кровати. Можете четко представить себе эту сцену?

— Могу. — Девушка не сказала ему, что почувствовала почти физическую тошноту, когда он не ответил на ее вопрос.

— Увидев банку из-под соли Немо на столике у кровати, вы связали ее мысленно с банкой в конюшне, где была сурьма?

Джойс уставилась на него:

— Боже мой, конечно нет! Никто об этом не думал, пока полиция не начала задавать вопросы. Я решила, что миссис Тейлор где-то нашла другую банку с настоящей солью Немо.

— Расскажите, что вы сделали после того, как увидели тело.

— Я подошла к миссис Тейлор и прикоснулась к ней. Она была холодная. Алиса и Эмма так перепугались, что не могли говорить осмысленно, — я едва их понимала. Я подобрала банку со столика, посмотрела на нее и поставила на прежнее место. Меня интересовало, где она могла ее откопать.

— И поэтому полиция обнаружила на банке ваши отпечатки?

— Да.

— Это был единственный раз, когда вы прикасались к банке?

— Да, единственный.

— Вам, разумеется, известно, что Алиса Гриффитс и Эмма Перкинс заявляют, что не видели, как вы брали в руки банку? Тошнота Джойс усилилась.

— Да, известно, — ответила она. — Но это неправда. Пожалуйста, поймите меня! Я не говорю, что они нечестные. Но обе были слишком расстроены и просто забыли об этом. Люди часто не помнят о таких мелочах, даже если им напоминают о них.

Батлер бросил на нее быстрый взгляд, такой же загадочный, как недавняя улыбка.

— «Даже если им напоминают о них», — повторил он. — Любопытно! У миссис Тейлор была рвота той ночью? Не удивляйтесь этому вопросу, дорогая моя. Была или нет?

— Нет. Это первое, о чем спросил доктор Бирс. Но мы осмотрели комнату и ванную и не нашли никаких следов.

— Однако большая доза сурьмы обычно вызывает сильную тошноту в течение пятнадцати—двадцати минут.

— Но она действительно отравилась сурьмой! — воскликнула Джойс. — Когда меня привели к магистрату для предъявления обвинения и представили доказательства, которые собираются передать суду, патологоанатом сказал, что это была сурьма!

— Ах да, — с удовлетворением пробормотал Батлер и поднял брови. — Это одна из лучших черт нашей судебной системы. Следствие должно представить свое дело магистрату, а защите этого не требуется. Поэтому им не известна ни одна карта у меня в руке!

В его негромком басы слышались нотки возбуждения.

— Я больше не могу этого выносить! — вырвалось у Джойс. — Пожалуйста, скажите, есть у меня шанс или нет!

— Скажу, — спокойно ответил он. — Если вы доверитесь мне и будете следовать моим советам, обвинению будет не на что опереться.

Джойс снова уставилась на него, слегка приоткрыв рот. Батлер разглядывал ее с усмешкой, которая могла бы показаться жуткой любому, не в такой степени очарованному им, как Джойс Эллис.

— Обвинению будет не на что опереться? — переспросила она.

— Вот именно.

— Пожалуйста, не смейтесь надо мной!

Батлер был искренне обижен.

— По-вашему, дорогая моя, я над вами смеюсь? Я имею в виду то, что сказал.

— Но доказательства, представленные магистрату... — Девушка задумалась. — Ведь вас там не было!

— Да. Но был мой помощник.

— А что касается подготовки моей защиты...

— Чепуха! — прервал Батлер, снова подпустив дублинский акцент. — Я уже подготовил вашу защиту — побывал в доме миссис Тейлор, опросил свидетелей. Поэтому я хочу, чтобы вы перестали волноваться.

— Но, предположим, вы ошибаетесь?

— Я никогда не ошибаюсь, — заявил Батлер.

В его голосе не слышалось и намек на высокомерие, хотя в действительности за этой фразой скрывалось чувство интеллектуального превосходства. Он просто констатировал факт, словно сообщил, что всегда проводит каникулы на юге Франции.

Мысли Джойс путались. Девушка твердо знала лишь одно — что она абсолютно невиновна и не убивала миссис Тейлор. Но для бесстрастных лиц и указующих перстов, загнавших ее в угол, это ровным счетом ничего не значило. Внутри у нее все разрывалось, протестуя против столь вопиющей несправедливости, хотя она старалась не давать волю эмоциям. А теперь...

Патрик Батлер был не совсем прав, считая, что Джойс влюбилась в него. Но это было очень близко к правде, а еще несколько встреч сделали бы это истиной. Девушке он казался богом, почти как... Она снова стала чертить рисунки на столе. Чтобы сохранить его доброе мнение о ней, Джойс была готова на все. От сильного сердцебиения у нее мутилось в глазах.

Батлер засмеялся:

— Это не значит, что я не могу ошибаться в других вещах. Я могу поставить не на ту лошадь, могу сделать неудачный вклад, могу заблуждаться по поводу женщины, хотя это бывает редко.

Хотя плеча Джойс почти касалась рука палача, она почувствовала укол ревности.

— Но, поверьте, я не могу быть не прав относительно исхода судебного процесса или оценки свидетелей. — Батлер склонился вперед, и его голос стал резким. — Есть два пункта, крайне важные для вашей защиты, которые я хотел бы прояснить, прежде чем уйти.

— Уйти? — Джойс огляделась вокруг. — Да, конечно, вы должны уйти. — Она поежилась.

— Первый пункт, — продолжал Батлер, — касается шнура от звонка, висевшего над кроватью миссис Тейлор.

— Да?

— Я видел его. Как вы сказали, это длинный белый шнур с белой кистью. Он висит позади коричневой кровати орехового дерева, изготовленной в 60-х или 70-х годах прошлого века, с резной спинкой и островерхим балдахином. Когда вы увидели миссис Тейлор мертвой в то утро, шнур почти касался ее щеки?

— Да.

— Превосходно! — Батлер облегченно вздохнул и снова склонился вперед. — А где был шнур, когда вы укладывали ее в постель накануне вечером? Висел рядом с ней или за спинкой кровати?

Джойс мучительно напрягала память.

— Честное слово, мистер Батлер, не могу вспомнить.

— Подумайте как следует! Разве вы не должны были автоматически заметить положение звонка на тот случай, если бы ей понадобилось вызвать вас ночью?

— Нет, потому что она никогда не вызывала меня по ночам. Миссис Тейлор искренне верила, что страдает бессонницей, — Алиса вам подтвердит, так как она жила в доме еще до того, как миссис Тейлор наняла меня, — но в действительности она спала очень крепко.

— Подумайте! — настаивал Батлер, устремив на девушку гипнотические голубые глаза. — Представьте себе комнату. Обои в желтую полоску, старинную мебель, кровать... Где был шнур звонка?

Джойс снова напрягла память.

— У меня смутное впечатление, что он болтался за спинкой кровати. Миссис Тейлор, говоря, все время жестикулировала. Но я...

— Отлично! — выдохнул адвокат. — Мой второй и последний вопрос...

— Но это только впечатление! — запротестовала Джойс. — Да и вообще, что это меняет? Не могу понять...

— Стоп! — прервал ее Батлер. — Не пытайтесь понять. Предоставьте это мне. Итак, второй и последний вопрос. Он касается задней двери и ключа к ней.

— Об этом я помню все.

— Вот как? Прекрасно, дорогая моя! Кажется, вы говорили мне, что перед тем, как лечь спать в тот вечер, заперли эту дверь?

— Да.

— Как мы оба знаем, на задней двери нет засова. Только замок. Теперь скажите: это тот ключ?

Порывшись в кармане пальто, Батлер достал старый, слегка заржавевший ключ среднего размера, похожий на те, которые подходили к задним дверям домов Викторианской эпохи.

— Это тот ключ? — повторил он.

— Где вы его откопали?.. — Джойс судорожно глотнула. — Это тот ключ. По крайней мере, он выглядит так же.

— Все лучше и лучше, — просиял адвокат, кладя ключ в карман. — Далее вы заявили... — теперь в его голосе слышались интонации, обычно звучащие в Олд-Бейли¹, — что следующим утром отперли заднюю дверь Алисе Гриффитс?

— Да, в восемь.

— Правильно. Но я уверен, — вежливо добавил он, — что вы забыли кое-что, очень полезное для вас.

— Что именно?

— Как вы говорили сами, когда люди сильно расстроены, они многое забывают и им приходится напоминать. — Батлер посмотрел ей в глаза. — Я уверен, что, когда вы подошли отпереть дверь, ключа в замке не было.

— Не было в замке? — тупо переспросила Джойс.

---

¹ Олд-Бейли — обиходное название лондонского уголовного суда, данное по улице, где он находится.

— Да. Я уверен, что вы нашли его на полу коридора, около двери, подобрали и вставили в замочную скважину, прежде чем смогли впустить Алису.

На десять секунд воцарилось напряженное молчание. Батлер мог слышать, как тикают его наручные часы. Чтобы не смущать девушку, он скользил взглядом по побеленным стенам, что-то негромко насвистывая и являя собой воплощенное простодушие.

— Но это неправда! — вырвалось у Джойс.

Патрик Батлер, королевский адвокат, не был бы удивлен сильнее, если бы в этот момент обрушилась крыша.

— Неправда?

— Нет! Ключ был в замке!

Снова последовала пауза, во время которой Батлер внимательно разглядывал Джойс. К его удивлению примешивался растущий гнев, от которого он покраснел еще сильнее. Какую игру ведет эта девушка? Она умна и должна понимать, как усилить позиции защиты, если она заявит, что ключа в замке не было. Неужели...

Стоп! Все ясно. Когда Батлер подумал, что понял причину, его гнев тут же сменился интеллектуальным восхищением. Конечно, ситуация станет неловкой, если Джойс Эллис будет продолжать притворяться, но он все понимал и даже восторгался ею. Такая женщина ему по сердцу!

— Мистер Батлер, я...

Батлер встал, подобрав шляпу и перчатки.

— Вы, конечно, понимаете, — весело сказал он, — что это всего лишь предварительный разговор. Через день-два мы увидимся снова. Уверен, что к тому времени вы вспомните.

— Слушайте, мистер Батлер... — В ее голосе зазвучала паника.

— В конце концов, вы понимаете, как вам повезло.

— Повезло? О, вы имеете в виду то, что будете защищать меня? Уверю вас, я это знаю. Но...

— Ну-ну! — Если бы надзирательница не наблюдала за дверью, он бы пощекотал ее под подбородком. — Я уже говорил, что вы меня переоцениваете. Нет, повезло с тем, какой оборот приняли события. Бедная миссис Тейлор умерла в ночь с 22 на 23 февраля. Вас арестовали... когда?

— Ровно неделю спустя. А что?

— Ваше дело будет рассматриваться на ближайшей сессии Центрального уголовного суда через две недели с небольшим. Выходит, вас заподозрили, арестовали, будут судить и оправдают менее чем за месяц. Неплохо, а? — Его слова обволакивали, как пуховое одеяло. — До свидания, дорогая моя! Бодритесь!

— Пожалуйста, послушайте, мистер Батлер! Я не возражаю солгать, но...

В этот момент в комнату вернулась надзирательница. Следом появился надзиратель-мужчина в синей униформе, готовый сопровождать посетителя к выходу.

Спустя пять минут, когда Джойс истерически рыдала в своей камере, Патрик Батлер вышел из тюрьмы Холлоуэй, весьма довольный собой. Блестящий черный лимузин стоял в стороне. Джонсон, шофер Батлера, вышел, чтобы открыть хозяину дверцу. На заднем сиденье нервно ерзал Чарли Денем.

— Ну? — осведомился солиситор.

— Все в порядке, мой мальчик. Я хочу выпить. Джонсон, поехали в клуб «Гаррик»!

— Подождите! — Властный жест Денема заставил шофера отпустить стартер. Потом Денем включил в салоне свет, чтобы видеть лицо компаньона.

Чарлзу Денему было около тридцати двух лет. Это был худощавый, крепко сложенный молодой человек, чьи темные пальто и шляпа-котелок, высокий воротник и неброский галстук были такими же корректными с профессиональной точки зрения, как он сам. Но он никогда не выглядел таким мрачным, как сегодня.

При лунном свете, проникавшем снаружи в роскошный салон с мягкими серыми подушками, под скулами Денема обозначились темные впадины. На бледном лице темнели тонкие линии усов и бровей. Глаза выдавали идеалиста.

— Ну? — снова спросил он. — Что ты о ней думаешь?

— Не мой тип, — дружелюбно отозвался Батлер. — Но безусловно, очень привлекательна. Источает ауру секса.

Под челюстями Чарлза Денема заработали мышцы. Он смотрел на Батлера так, словно на его вопрос ответили непристойной шуткой.

— По-моему, Пэт, — медленно произнес Денем, — ты всерьез веришь, что три четверти женщин этого мира не интересуются ничем, кроме секса.

— Ну, не совсем так. — Усмешка барристера давала понять, что он считал таковыми интересы девяти десятых женщин.

— Полагаю, это потому, что именно такие женщины клюют на тебя.

— Во всяком случае, она на меня клюнула.

— Ложь! Я этому не верю!

— Черт возьми, сынок! — с искренним удивлением воскликнул Батлер. — Неужели ты в нее втюрился?

— Нет. Не совсем. Это...

— И теперь ты ревнуешь к старому повесе? — Тон Батлера внезапно изменился. — Я знал, что ты был поверенным старой миссис Тейлор, Чарли. Но меня интересовало, почему ты так переживаешь за Джойс Эллис.

— Потому что она невиновна — вот почему! Ты ведь веришь, что она невиновна, не так ли?

Батлер колебался. Эти двое были друзьями уже несколько лет, но кто знает, как поведет себя старина Чарли с его британскими идеалами и треклятой шепетильностью?

— Хочешь честного ответа? — спросил он. — Или обычного вежливого притворства между солиситором и барристером?

— Разумеется, я хочу честного ответа.

— Она виновна, как сам дьявол, — улыбнулся Батлер. — Но не беспокойся, Чарли. Я предпочитаю, чтобы мои клиенты были виновны.

Денем воздержался от комментариев. Опустив голову, он разглядывал носы своих лакированных туфель. За окошками свистел ветер, вынудив шофера, отделенного от пассажиров стеклянной перегородкой, поднять воротник пальто.

— Что заставляет тебя думать, будто Дж... мисс Эллис виновна? — спросил наконец Денем.

— Отчасти улики, но в основном атмосфера. Я всегда могу судить по атмосфере.

— Вот как? А что, если ты случайно ошибешься?

— Я никогда не ошибаюсь.

Денем и раньше слышал нечто подобное. Иногда это приводило его в бешенство, побуждая совершить то, что его педантичный ум именовал нападением и избиением. Он терял чувство справедливости, почти потерял чувство юмора и рвался в бой.

— Значит, ты предпочитаешь, чтобы твои клиенты были виновны?

— Естественно! — Батлер поднял брови и усмехнулся. — Какую славу — или забаву — можно добыть, защищая невиновного?

— Выходит, ты рассматриваешь судебный процесс как игру, где главное — победить противника? Такова твоя концепция закона?

— А какова твоя?

— Прежде всего справедливость! Честь. Этика...

Патрик Батлер от души расхохотался:

— Ты, Чарли, говоришь как девятнадцатилетний юнец в Оксфорде, который встает и серьезно спрашивает: «Стали бы вы защищать человека, зная, что он виновен?» Ответ: «Конечно, стал бы». Фактически это наш долг. Согласно закону, каждый человек имеет право на защиту.

— На честную защиту — да! Но не на сфабрикованную.

— Скажи, когда-нибудь предполагали, будто я фабрикую доказательства?

— Слава богу, нет! Потому что даже слухи об этом могли бы тебя погубить. — Голос Денема звучал почти умоляюще. — В Англии такие штучки даром не проходят, Пэт. Когда-нибудь ты потерпишь сокрушительное поражение.

— Давай подождем, пока это произойдет, ладно?

— И дело не только в этике, — настаивал Денем. — Предположим, ты добьешься оправдания хладнокровного убийцы, который убивал из алчности, ненависти или вовсе без причины и может сделать это снова?

— Ты имеешь в виду нашу клиентку? — вежливо осведомился Батлер.

Последовало молчание. Денем провел рукой по лбу. Его лицо в лунном свете казалось бледным и озадаченным.

— Позволь задать тебе еще один вопрос, Пэт, — сказал он. — Ты считаешь Джойс Эллис душой?

— Напротив. Она очень умная женщина.

— Отлично! Значит, по-твоему, если бы она отравила миссис Тейлор, то оказалась бы настолько глупой, чтобы оставить такое количество улики против себя?

— В детективном романе — не оставила бы.

— Что ты имеешь в виду?

— Это хорошая карта, — согласился Батлер, — и я, разумеется, пойду с нее. Но присяжные... — Он покачал головой. —

Присяжные четко отделяют детективную литературу от реальных дел из зала суда. А убийцы, к счастью...

— Перестань паясничать!

— Я не шучу. Убийцы, как правило, туповаты и потому совершают невероятные глупости. Каждый читатель газет это знает. А любой защитник, который полагается на игру в «никто никогда бы так не сделал», проиграет, прежде чем присяжные займут свои места. Это не для меня, Чарли!

У Денема пересохло в горле. Прежде чем заговорить, он протянул руку и выключил на потолке свет.

— Как насчет Джойс? — спросил он в темноте. — Ты собираешься фабриковать доказательства в ее защиту?

— Мой дорогой Чарли! — с негодованием воскликнул Батлер. — Разве я когда-нибудь делал это?

— Прекрати!

— Два моих главных свидетеля, — сухо промолвил Батлер, — будут также свидетелями обвинения. Один из них — доктор Бирс — скажет правду. Другая — миссис Алиса Гриффитс — скажет то, что считает правдой.

— Надеюсь, я могу тебе доверять. Ты так рискуешь... Господи, Пэт, а если что-то пойдет не так?

— Ничего не так не пойдет.

— Ты уверен?

— Ставлю стоимость этого автомобиля против стоимости обеда, — холодно сказал Батлер, — что присяжные вынесут вердикт «невиновна» через двадцать минут. — Он склонился вперед и постучал по стеклянной перегородке. — В клуб «Гаррик», Джонсон!

Глава 3

Присяжные отсутствовали ровно тридцать пять минут.

Зал номер один Центрального уголовного суда, иначе Олд-Бейли, выглядел более пустым, чем был в действительности. Часы под выступом маленькой галереи для публики показывали без пяти четыре. Был четверг 20 марта.

В любом случае теперь все было кончено.

Мокрый снег тяжело ударял по плоской стеклянной крыше над белым сводом зала. Стены под ним были отделаны панеля-

ми из светло-коричневого дуба. Скрытые под краями этих панелей лампы придавали холодному сонному помещению несколько театральный облик.

Снегопад не прекращался. Кто-то кашлянул. Вдалеке слышался шорох вращающейся двери. Даже звуки казались здесь замедленными. Зрители на галерее сидели неподвижно, как манекены. Никто не выходил, чтобы не потерять место. Судя по тому, как они наблюдали за подсудимой, вердикт «виновна» вызвал бы среди них немалое возбуждение. Эффект вердикта «невиновна» был бы не столь драматичным.

Под галереей, где стояли скамьи для защиты, так же неподвижно сидел с левой стороны передней скамьи Патрик Батлер.

Он был один. Серо-белый парик с буклями по обеим сторонам обрамлял его бесстрастное лицо. Плечи застыли под черной шелковой мантией. Он не отрывал взгляда от наручных часов, лежащих перед ним на столе.

Почему присяжные не возвращаются?

Батлер не собирался проигрывать. Это казалось невыносимым. К тому же он буквально вытер пол беднягой Таффи Лоуднесом, точнее, мистером Теодором Лоуднесом, королевским адвокатом, который был проинструктирован генеральной прокуратурой и выступал на суде обвинителем. Тем не менее...

И вообще, почему его так беспокоит это чертовое дело?

Патрик Батлер посмотрел налево, в сторону опустевшей скамьи подсудимых, окруженной стеклянной перегородкой со всех сторон, кроме обращенной к судье. Две надзирательницы увели Джойс Эллис вниз в камеру в ожидании вердикта.

Теперь Батлеру было очевидно, что девушка влюблена в него. По какой-то причине это приводило его в ярость. Он не мог понять ее поведения, ее странных ответов на его вопросы в течение последних двух недель.

Мысли Батлера перенеслись назад, к десяти утра вчерашнего дня — началу процесса, который теперь завершался. Он снова слышал шепоты и шорохи, снова видел парики барристеров, склоняющиеся друг к другу, как огромные причудливые цветы, судью в красной мантии, сидящего в высоком кресле слева, под сверкающим золотом мечом правосудия.

И снова в его ушах звучал заунывный голос пристава:

— Если кто-нибудь может сообщить милордам королевским судьям или королевскому генеральному прокурору на этом су-

дебном процессе между нашим суверенным повелителем, королем, и подсудимой о каких-либо изменах, убийствах, кражах и других преступлениях, совершенных обвиняемой, пусть выйдет вперед, и его выслушают, ибо обвиняемая сейчас предстанет перед судом в ожидании приговора. Все те, кто обязан свидетельствовать против обвиняемой, пусть выйдут вперед и дадут показания, иначе они потеряют это право. Боже, храни короля!

Секретарь суда поднялся во весь рост со своего места ниже кресла судьи и посмотрел на скамью подсудимых через головы солиситоров.

— Джойс Лесли Эллис, вы обвиняетесь в убийстве Милдред Хоффман Тейлор в ночь с 22-го на 23-е число прошлого февраля. Джойс Лесли Эллис, вы виновны или невиновны?

Джойс, поднявшись со скамьи подсудимых между двумя надзирательницами, выглядела удивительно ярко в своем «лучшем» наряде, состоящем из мешковатого коричневого костюма и желтого вязаного свитера. Но она не поднимала взгляд.

— Я... я невиновна, — ответила девушка.

— Можете сесть. — Судья указал на стул позади нее.

Судья Стоунмен, чей парик, обрамлявший сморщенное старческое лицо, казался настоящими волосами, выглядел маленьким и щуплым под алой мантией. Жюри, одиннадцать мужчин и одна женщина, быстро присягнуло без вопросов обвинения и защиты. Мистер Теодор Лоуднес, маленький толстый человечек, поднялся с чопорным покашливанием, чтобы открыть дело от имени Короны.

— Ваше лордство, господа присяжные...

Вступительная речь мистера Лоуднеса была корректной и весьма умеренной. Но он имел репутацию суетливого «погонялы». Несмотря на все «мы попытаемся доказать...» и «я предполагаю...», он рисовал портрет озлобленной женщины, боящейся потерять наследство в пятьсот фунтов, которая отравила свою благодетельницу и без всяких эмоций слушала звонок, зовущий на помощь.

Миссис Милдред Тейлор кричала и требовала эту соль? Пожалуйста! Она получила то, что считала солью Немо и что, как докажет обвинение, можно было легко достать из незапертого шкафчика в незапертой конюшне.

— Этот яд не действует мгновенно, — продолжал мистер Лоуднес. — Задайте же себе вопрос: стала бы миссис Тейлор или любой человек, оказавшийся в подобном положении, звать на помощь? Тем не менее подсудимая отрицает, что миссис Тейлор это сделала. Спросите себя: почему на жестяной банке были отпечатки пальцев только обвиняемой и покойной? Спросите себя: кто мог принести сурьму в дом, описанный самой обвиняемой в ее показаниях окружному детективу-инспектору Уэйлсу как «неприступный, словно крепость»?

По залу пробежали шепот и скрип, как будто зрители обменивались друг с другом мыслями.

— Скверно, — пробормотал один из коллег Батлера на скамье позади. — Что ирландец на это ответит?

— Не знаю, — отозвался другой. — Но скоро будет фейерверк.

Фейерверк начался во время допроса мистером Лоуднесом его четвертого свидетеля, миссис Алисы Гриффитс.

— Не скажете ли вы нам, миссис Гриффитс, где вы находились во второй половине дня, приблизительно без четверти четыре, 22 февраля?

— Вы имеете в виду, сэр, когда я вошла в комнату миссис Тейлор посмотреть, все ли в порядке с огнем?

Обвинитель вздернул подбородок, блеснув стеклами пенсне на толстой физиономии.

— Я не хочу задавать навоящие вопросы, миссис Гриффитс. Просто расскажите вашу историю.

— Ну, я это сделала.

— Сделали что?

— Вошла в комнату, — сказала свидетельница.

Теперь по залу пробежал смешок — в основном со стороны привилегированных мест для членов городской земельной корпорации за скамьями защиты. Судья Стоунмен на мгновение поднял глаза, и в зале тут же стало тихо.

Миссис Гриффитс была решительной полноватой маленькой женщиной лет сорока пяти. Хотя она была одета достаточно убого, как и другие женщины в зале суда, но на голове у нее красовалась новая шляпка с яркими розовыми цветами. В уголках ее рта пролегли недовольные морщинки. Она была напугана, суетлива и потому сердита.

Мистер Лоуднес невозмутимо разглядывал ее.

— Покойная тогда была одна?

— Да, сэр.

— Что она вам сказала?

— Что приходили миссис Реншо и доктор Бирс, но не остались к чаю. Что доктор Бирс ушел первым, а потом миссис Реншо. Что у нее был крупный разговор с миссис Реншо о религии.

— О чем?... О, понимаю. Значит, покойная была очень религиозной женщиной?

— Да, по ее словам. Но в церковь она никогда не ходила.

— А миссис Тейлор говорила что-нибудь о подсудимой?

— Ну... да, сэр.

— Ваша сдержанность делает вам честь, миссис Гриффитс. Но, пожалуйста, отвечайте так, чтобы мы могли вас слышать.

— Мадам назвала мисс Эллис... скверным словом. Она сказала...

— Каким? — вмешался судья Стоунмен.

Лицо Алисы Гриффитс стало розовым, как цветы на ее шляпке.

— Таким... каким называют уличную девку, сэр.

— «Каким называют уличную девку», — задумчиво повторил мистер Лоуднес. — Она говорила что-нибудь еще?

Послышался громкий кашель. Патрик Батлер, взмахнув своей черной мантией, как плащом дуэлянта времен Регентства¹, выпрямился в полный рост.

— Милорд, — заговорил он зычным голосом, — я должен извиниться за то, что прерываю моего ученого друга. Но могу я спросить, намерен ли мой ученый друг представить доказательства, что подсудимая была уличной девкой?

— Милорд, я не имел в виду ничего подобного! — воскликнул мистер Лоуднес. — Я всего лишь хочу продемонстрировать, что покойная была разгневана!

— Тогда могу я предложить, милорд, чтобы мой ученый друг ограничивался фактами? Возникла бы неловкая ситуация, если бы я, будучи разгневан, отозвался о моем ученом друге как об ублю...

— Вау! — громко прошептал один из барристеров на скамье сзади.

---

¹ Имеется в виду регентство принца Уэльского, будущего короля Георга IV, при его душевнобольном отце, короле Георге III, в 1811–1820 гг.

— В вашей иллюстрации нет надобности, — прервал судья стальным тоном. — Тем не менее, мистер Лоуднес, вы могли бы яснее выражать ваши намерения.

— Прошу прощения, ваше лордство, — мрачно произнес обвинитель. — Я постараюсь.

Далее последовал малоприятный рассказ о гневе миссис Тейлор, о завещании, о наследстве в пятьсот фунтов и о крике мадам: «Я знаю одну молодую леди, которая лишится наследства, когда я позвоню своему поверенному!» Мистер Лоуднес был удовлетворен.

— Теперь, миссис Гриффитс, перейдем к утру воскресенья 23-го числа. Кажется, вы говорили, что вы, ваш муж и кухарка Эмма Перкинс занимаете комнаты над каретным сараем?

— Да, сэр.

— Пожалуйста, взгляните на план. Возможно, присяжные также пожелают свериться со своими планами. Благодарю вас.

Послышалось шуршание бумаги.

— Было ли для вас правилом каждое утро в восемь часов приходить из каретного сарая к задней двери дома, которую отпирала вам обвиняемая? Кажется, вы киваете?

— Да, сэр.

— И утром 23 февраля обвиняемая, как обычно, отперла вам дверь?

— Да, сэр. — Внезапно свидетельница встрепенулась, широко открыв блеклые голубые глаза. — О, я почти забыла...

— Забыли, миссис Гриффитс?

— Да, сэр. — Розовые цветы на шляпке решительно кивнули. — В то утро ключа в замке не было.

Последовало молчание. Мистер Лоуднес быстро заморгал.

— Пожалуйста, объясните это заявление.

— Ключ валялся на полу в коридоре за дверью. Мисс Эллис пришлось подобрать его и вставить в замок, прежде чем она смогла открыть дверь.

Это явилось легкой сенсацией. Судья, делавший записи в книге размером с гробсбук, повернулся к свидетельнице.

— Если Батлер, — послышался шепот сзади, — сможет доказать, что кто-то вошел в дом с другим ключом...

— Одну минуту, — резко произнес мистер Лоуднес. Он оказался в двусмысленной ситуации, будучи вынужден подвергать

перекрестному допросу собственного свидетеля. — Кажется, об этом вы не упоминали ни полиции, ни магистрату?

— Нет, сэр, потому что никто меня об этом не спрашивал! — отозвалась свидетельница, явно уверенная в каждом своем слове. — Я вспомнила об этом потом.

— Скажите, миссис Гриффитс, дверь была закрыта и заперта?

— Да, сэр.

— Тогда как вы можете утверждать, что обвиняемая подобрала ключ с пола внутри? Разве вы могли ее видеть?

— Нет, сэр. Может быть, мне не следовало так говорить. Но я слышала, как она вставила ключ в замок и протолкнула вперед до отказа.

— Тем не менее, насколько я понимаю, вы ничего не видели. Или вы заглядывали в замочную скважину?

Это возмутило миссис Гриффитс.

— Нет, сэр! Я никогда в жизни так не делала!

— По-моему, — мистер Лоуднес указал пальцем на свидетельницу, — то, что вы слышали или думали, что слышите, было обычным поворотом ключа в замке.

— Нет, сэр! Кроме того, эту дверь открывали среди ночи. Потому что Билл — я имею в виду мистера Гриффитса — и я слышали, как она хлопала, пока замок не защелкнулся.

На сей раз сенсация была полновесной.

Слова свидетельницы были полной неожиданностью даже для Патрика Батлера.

До сих пор он притворялся изучающим свои материалы, но сейчас так удивился, что едва не выдал себя. Батлер не сомневался, что история о ключе, вытащенном из замочной скважины, была выдумкой. Он сам долго внушал ее миссис Гриффитс во время долгих и терпеливых расспросов, пока она в это не поверила.

Но теперь Алиса Гриффитс — честная женщина — сообщила о задней двери, хлопавшей среди ночи. Значит, кто-то мог войти в дом. Что, если сфабрикованный им довод защиты был настоящим? Что, если Джойс все-таки невиновна?

Батлер посмотрел на скамью подсудимых. Впервые Джойс подняла голову и, смертельно бледная, уставилась на миссис Гриффитс. Потом ее серые глаза устремились на Батлера и тут же скользнули в сторону. Он был так ошарашен, что не слы-

шал вопросов и ответов, пока его помощник Джордж Уилмот не дернул его за рукав.

— Вы говорите, миссис Гриффитс, что хлопающая дверь разбудила вас среди ночи. В котором часу это было?

— Не знаю, сэр! Мы не зажигали свет и не смотрели на часы.

— Мы?

— Мой муж и я.

— Вы можете назвать время хотя бы приблизительно, миссис Гриффитс?

— Ну, это могло быть около полуночи.

— Что заставляет вас думать, будто слышанный вами звук был хлопанием задней двери?

— Я подошла к окну и выглянула наружу. Ночь была бурная, сэр, но луна иногда выходила из-за туч. Я видела дверь. Она хлопнула снова, а потом осталась неподвижной, как будто замок защелкнулся. Это правда! Спросите мистера Гриффитса!

Голос судьи, хотя и не громкий, прозвучал как удар топора мясника, разделяющего тушу:

— Пожалуйста, ограничьтесь ответами на вопросы обвинителя и воздержитесь от комментариев, пока вас не попросят о них.

Миссис Гриффитс, напуганная до смерти этим маленьким, сморщенным, как у мумии, лицом человека в красной мантии, попыталась сделать реверанс на свидетельском месте.

— Да, милорд. Прошу прощения, милорд.

— В то же время я хотел бы разобраться в этом до конца, — продолжал судья. — Вы упоминали полиции о хлопающей двери?

— Нет, сэр... милорд.

— Почему?

— Потому что, милорд, мне это не казалось важным. А разве это важно?

Сама наивность вопроса внушала доверие. Душа Патрика Батлера воспарила. Какой-то момент судья смотрел на миссис Гриффитс, сгорбив плечи, как будто собирался перелезть через скамью. Потом он махнул рукой:

— Можете продолжать, мистер Лоуднес.

— Благодарю вас, милорд. Отложим на время ваши *новые* показания. — Обвинитель бросил многозначительный взгляд

на жюри. — Вы сказали, что обвиняемая отперла дверь и впустила вас в дом в восемь утра? Отлично! И она же рассказала вам историю о ключе, валяющемся на полу?

— Нет, сэр!

— Нет? — Голос мистера Лоуднеса был полон насмешливого скептицизма.

— Она ничего не сказала. Просто вернулась в свою комнату.

— А что сделали вы?

— Пошла в кухню, зажгла огонь и приготовила себе чашку чаю.

— А потом?

— Пришла Эмма — миссис Перкинс — и тоже выпила чашку чаю. Потом я приготовила чай мадам и отнесла его на серебряном подносе в ее комнату.

— Опишите, что произошло тогда.

Полная фигура миссис Гриффитс словно съежилась под деревянной крышей свидетельского места.

— Ну, сэр, я раздвинула занавеси и собиралась поставить поднос на столик, когда увидела миссис Тейлор. Мне стало дурно, и я чуть не уронила поднос. Она была мертва.

После краткой паузы мистер Лоуднес кивнул.

— Пожалуйста, возьмите буклет, миссис Гриффитс, и посмотрите на первую фотографию в нем.

Свидетельнице передали один из буклетов в желтой обложке с официальными фотоснимками. Некоторые присяжные открыли свои буклеты.

— Так лежала покойная, когда вы впервые увидели ее?

— Да, сэр. Скорчившись в постели, словно от боли. Пятно на щеке — это румяна.

— Что вы сделали потом?

— Выбежала в коридор и позвала Эмму.

— Миссис Перкинс, кухарку?

— Да, сэр. «Ради бога, иди сюда! — сказала я. — Случилось что-то ужасное!»

— Миссис Перкинс поднялась из полуподвала?

— Да, сэр. Мы стояли по обе стороны кровати. Я все еще держала поднос. Мы думали, у нее удар.

— У миссис Тейлор?

— Да. «Я позвоню мисс Эллис, — сказала Эмма. — Надо ей сообщить».

— Теперь взгляните на фотографию номер два. Вы увидите белый шнур звонка, свисающий рядом с покойной, до которой она легко могла дотянуться. Шнур был в таком же положении, когда вы впервые увидели покойную?

— Нет, сэр, — быстро ответила свидетельница. — Он висел за изголовьем кровати.

Сказать, что мистер Теодор Лоуднес издал звук, как человек, получивший удар в солнечное сплетение, было бы неправдой. Сделать это ему не позволило чувство собственного достоинства. Но он уронил на стол папку с документами, и из нее вылетел розовый лист промокательной бумаги.

— Я не рассказывала об этом полиции, потому что они меня не спрашивали, — продолжала миссис Гриффитс. — Они видели, что шнур висит рядом с мадам, и решили, что он всегда там был!

Резкий упрек судьи заставил ее умолкнуть. Мистер Лоуднес посмотрел на длинный стол солиситоров, где лежали аккуратно пронумерованные вещественные доказательства. Один из сидящих там мужчин был окружной детектив-инспектор Гилберт Уэйлс, который застыл как вкопанный, внезапно осознав, что пренебрег своими обязанностями.

Мистер Лоуднес принял решение за долю секунды.

— Если полиция не спрашивала вас об этом, — заметил он, — значит, у нее имелись веские основания считать это несущественным. Покойная могла дотянуться до шнура даже в его первоначальном положении?

— Да, сэр.

— Несмотря на действие яда?

— Да, сэр. Могла, и очень легко.

— Каким образом?

— Ну... как сделала Эмма.

— И как же?

— Она влезла на кровать, ухватилась за шнур и протянула его над спинкой, а потом начала звонить.

— Обвиняемая сразу отозвалась на вызов?

Миссис Гриффитс колебалась, как будто ее переполняли эмоции.

— Нет, сэр. Мы знали, что звонок работает, так как услышали его. Я вышла в коридор, чтобы пойти за мисс Эллис к ней в комнату, но встретила ее по дороге.

— Вы встретили ее в коридоре?

Розовые цветы на шляпке снова энергично кивнули.

— Что сказала вам обвиняемая?

— Мисс... обвиняемая спросила: «В чем дело? Она умерла?»

— Понятно. Обвиняемая спросила это, прежде чем вы сообщили ей о случившемся?

— Да, сэр.

Джойс Эллис на скамье подсудимых, казалось, едва дышала. Зал суда наполнился эмоциями, безмолвными, как мысли, но ощутимыми, как веревка палача. Все глаза устремились на девушку.

— Как вы бы описали выражение лица обвиняемой, когда она сказала это? Как спокойное или как возбужденное?

— Она явно была расстроена, сэр.

— Что сделала подсудимая?

— Прошла в комнату мадам, посмотрела на нее и прикоснулась к ней. Эмма и я плакали. Мисс Эллис села на стул, закрыла лицо руками — вот так, сэр, — и воскликнула: «Нет, нет, нет!», словно была убита горем.

— Вы заметили что-нибудь на столике у кровати справа от покойной?

Свидетельница ответила утвердительно. Для опознания ей предъявили жестяную банку с этикеткой «Стимулирующая соль Немо». Надпись окружал веночек из белых цветов. После этого миссис Гриффитс опознала стакан с осадком и чайную ложку, а затем рассказала о сурьме из конюшни.

— Когда обвиняемая находилась в комнате покойной, она делала какие-нибудь замечания относительно этой банки?

— Не припоминаю, сэр.

— А что она вообще говорила?

— Ну, сэр, она внезапно стала спокойной, как обычно, и сказала: «Вам лучше позвонить доктору Бирсу».

— Кто-нибудь из вас это сделал?

— Да, сэр. Эмма.

Манеры мистера Теодора Лоуднеса стали весьма внушительными. Опершись руками на стол, он склонился вперед:

— Насколько я понимаю, вы находились в этой комнате с того момента, как обнаружили тело, и до прибытия полиции?

— Я не покидала комнату ни на минуту — это чистая правда!

— Взгляните еще раз на банку из-под соли Немо, миссис Гриффитс. Обвиняемая прикасалась к ней, пока вы находились в комнате?

— Я...

— Вы даете показания под присягой. Прикасалась ли обвиняемая к банке?

— Нет, сэр, не прикасалась!

Мистер Лоуднес, блеснув стеклами пенсне, устремил взгляд на присяжных и сел, кутаясь в мантию.

Патрик Батлер поднялся для перекрестного допроса.

Глава 4

Сидя лицом к судье, Джойс Эллис уже чувствовала себя приговоренной к смерти.

Когда в тюрьме ожидаешь суда и тебе позволяют носить свою одежду, читать газеты и книги и даже принимать посетителей, легко не думать о том, что могут сказать против тебя. Особенно если защиту ведет Патрик Батлер.

Но неизбежный день наступил. И когда Джойс поднималась на скамью подсудимых по маленькой железной лестнице через люк, ее колени дрожали и она боялась, что не сможет говорить, когда к ней будут обращаться.

Сначала ее зрение было затуманенным. Суд напоминал ей классную комнату, потому что никто не торопился и не повышал голос. Джойс чувствовала, что ей было бы легче, если бы люди кричали и суетились вокруг нее, как показывают в кино. Впереди и слева от нее находилась ложа жюри, а впереди и справа — скамьи барристеров, где, как она узнала впоследствии, сидели также несколько привилегированных зрителей на местах, отведенных для Лондонской земельной корпорации.

Первым человеком среди зрителей, на которого Джойс обратила внимание, был невероятно толстый мужчина в накидке, с разбойничьими усами и в очках на черной ленте. Он не был ей знаком. Но неподалеку от него она увидела Люсию Реншо — племянницу миссис Тейлор, которая нанесла безобидный визит своей тете незадолго до ее смерти.

«Что она здесь делает?» — почти в панике подумала Джойс.

В тот момент, как, впрочем, и ранее, она не испытывала ни симпатии, ни неприязни к Люсии. Но само ее присутствие, как и лицо, фигура и одежда, бросалось в глаза, как у актрисы на освещенной сцене.

Пухленькая Люсия, обращая на себя внимание поблескивающими золотистыми волосами, завитыми на затылке в маленькие локоны, куталась в норковое манто. Красоту светлой кожи и голубых глаз так искусно подчеркивала косметика, что она казалась абсолютно естественной.

Даже в нынешние убогие времена очередей за сигаретами и всеобщего разочарования Люсия наслаждалась жизнью. Подняв тонкие брови, она с ободряющей улыбкой посмотрела на Джойс.

«Не бойся, дорогая, — говорил этот взгляд. — Обвинение против тебя абсолютно нелепо!» После этого Люсия с искренним любопытством начала изучать зал суда, словно ребенок, пришедший на пантомиму.

«Невинное дитя!» — свирепо подумала Джойс, дочь священника.

Голос секретаря суда заставил ее вздрогнуть:

— Джойс Лесли Эллис, вы обвиняетесь в убийстве Милдред Хоффман Тейлор...

Потом поднялся ужасный маленький человечек в пенсне и начал извращать факты, приводя Джойс в бешенство. Его сменила Алиса Гриффитс, которая сначала вроде бы протянула Джойс руку помощи, но потом представила все в тошнотворном виде, как горькое лекарство.

Но ведь она невиновна!

Когда для перекрестного допроса поднялся Патрик Батлер, сердце Джойс, казалось, перестало биться. Он ни разу не взглянул в ее сторону — по крайней мере, когда она наблюдала за ним.

Батлер дружелюбно посмотрел на миссис Гриффитс, которая нервно улыбнулась в ответ, потом так же добродушно окинул взглядом присяжных. Его голос, полный здравого смысла, словно делал ультрарафинированные интонации мистера Лоднеса напыщенными и бессодержательными.

— Ну, миссис Гриффитс, — начал он, — мы кое-что открыли, не так ли?

— Сэр?

— Дом в действительности не был «неприступен, как крепость», цитируя моего ученого друга.

— Не был, сэр!

Используя в качестве тезиса хлопавшую ночью дверь и отсутствие ключа в ее замке, Батлер задавал яркие и колоритные вопросы с целью показать, что любой, имевший подходящий ключ, мог войти в дом.

— Я не хочу задерживать вас, миссис Гриффитс, — продолжал он тоном старого друга. — Но я рискну предположить, что слова обвиняемой «В чем дело? Она умерла?», возможно, звучали не совсем так, как вам слышалось.

— Именно так, сэр. Это чистая правда!

— Моя дорогая мадам, я нисколько не сомневаюсь в вашей правдивости! — Батлер казался шокированным. — Но вы говорили, что мисс Эллис выглядела «расстроенной»?

— Да, сэр.

— Однако вы видели ее почти за три четверти часа до того, верно? Когда она открыла вам заднюю дверь? Тогда она тоже выглядела расстроенной?

— Ну... нет, сэр.

— Тем не менее, если она действительно отравила миссис Тейлор, то должна была выглядеть такой же расстроенной и при вашей первой встрече. Но она так не выглядела?

— Если подумать, нет, сэр.

— Вот именно! Далее вы сказали, что Эмма — миссис Перкинс — позвонила в звонок, вызывая мисс Эллис. Будет ли правильным предположить, что она звонила громко и долго?

— Да, сэр. Около минуты.

— Было ли в привычке миссис Тейлор звонить так рано своей секретарше-компаньонке?

— Нет, сэр. Мадам звонила ей не раньше десяти.

— То есть на час с четвертью позже, чем в то утро. Теперь я прошу вас представить себя на месте мисс Эллис, ладно?

Несмотря на серьезный вид, Батлер искренне наслаждался происходящим, даже не думая о дрожащей девушке на скамье подсудимых.

— Давайте предположим, — продолжал он, — что вы дремлете в кровати, как мисс Эллис. Внезапно звонок начинает трезвонить громко и долго, причем более чем на час раньше обычного времени. Не были бы вы, мягко выражаясь, немного удивлены?

— Конечно, была бы!

— И расстроены, миссис Гриффитс? В смысле раздосадованы?

— Была бы, сэр.

Батлер склонился вперед:

— Возможно, миссис Гриффитс, вы слышали следующие слова обвиняемой: «В чем теперь дело? Она что, умерла?» И эти слова выражали вполне естественную досаду?

По залу словно пробежала конвульсивная дрожь. Миссис Гриффитс, открыв рот и выпучив глаза, как будто заглядывала в прошлое.

— Да! — ответила она наконец.

— Значит, подумав, вы можете сказать, что слова и поведение обвиняемой были именно таковы?

— Могу и говорю!

— И наконец, миссис Гриффитс, по поводу этой злополучной истории с банкой сурьмы на столике у кровати. — Слегка повернув голову, Батлер бросил сочувственный взгляд на мистера Теодора Лоуднеса. — Вы говорили, что, войдя в спальню покойной, сначала решили, что она умерла от удара?

— Да, сэр. Я ни о чем другом и не думала.

— Вы не подозревали, что миссис Тейлор умерла от яда?

— Нет-нет!

— А банка на столике не вызвала у вас подозрений?

— Нет, сэр. Я едва ее заметила.

— То-то и оно! — просиял адвокат. — Едва заметили! — Он снова стал серьезным. — Следовательно, было бы неправдой сказать, что вы наблюдали за происходящим с банкой?

Свидетельница еще сильнее выпучила глаза:

— Ну, я...

— Позвольте задать вопрос по-иному. Предположение, что вы наблюдали за банкой, сами того не сознавая, противоречило бы вашим показаниям?

Миссис Гриффитс казалась все более растерянной.

— Простите, если я не вполне ясно выражаюсь, — успокоил ее Батлер. — Вы следили за банкой или нет?

— Нет, сэр!

— В котором часу мисс Эллис вошла в комнату покойной?

— Думаю, приблизительно без четверти девять.

— Отлично! А в котором часу прибыла полиция?

— Гораздо позже. Может, через час. Инспектор прибыл после доктора Бирса.

— И все это время вы не следили за банкой. Можете вы поклясться, миссис Гриффитс, что обвиняемая ни разу — повторяю, ни разу! — не прикасалась к банке с сурьмой?

На лице Алисы Гриффитс отразился испуг. Она огляделась вокруг, словно ища помощи, но видела только каменные лица, за исключением благожелательной физиономии Патрика Батлера.

— Можете вы в этом поклясться, миссис Гриффитс?

— Нет, сэр, я в этом не уверена.

— Благодарю вас. Это все.

И он сел.

Мистер Лоуднес, потерявший самообладание и покрасневший, как пион, вскочил для продолжения допроса, но миссис Гриффитс упрямо придерживалась прежних показаний. Ее сменил на свидетельском месте Уильям Гриффитс — кучер, садовник и мастер на все руки, — который подтвердил слова жены о хлопавшей двери и дал дополнительные показания о сурьме из конюшни. Кухарка Эмма Перкинс после еще более долгого и искусного перекрестного допроса Патриком Батлером заколебалась и признала, что Джойс могла брать в руки банку с ядом.

Больше фейерверков не было, пока обвинитель перед перерывом не вызвал доктора Артура Эванса Бирса.

— Мое имя Артур Эванс Бирс, — гласят его показания в отпечатанном протоколе, который вы можете прочитать сегодня. — Я живу в Бэлеме, в доме номер 134 на Дьюкс-авеню. Я врач общей практики и совмещаю эту работу с должностью полицейского врача округа К столичной полиции.

Как правило, медики, подобно полицейским, являются аккуратными и осторожными свидетелями. Но доктор Бирс, несмотря на осторожность, явно был готов высказывать свое мнение по любому поводу.

Худой, костлявый мужчина лет под сорок, доктор Бирс обладал лысой веснушчатой макушкой, похожей на купол и окруженной редкими волосами. Она словно доминировала над длинным носом, рыжеватыми бровями, карими глазами и прямым ртом. Опершись руками на перила свидетельского места, расположенного под углом между ложей присяжных и креслом судьи, доктор Бирс буквально излучал компетентность.

— В субботу 23 февраля, приблизительно без пяти девять утра, меня вызвали телефонным звонком в дом миссис Тейлор, именуемый «Приоратом», сообщив, что она мертва.

Мистер Теодор Лоуднес сделал гипнотический жест, взмахнув черным рукавом:

— Новость удивила вас, доктор Бирс?

— Очень удивила.

— Как я понимаю, вы несколько лет были ее личным врачом?

— Точнее, пять лет.

— Пять лет. Она страдала каким-либо органическим заболеванием?

— Нет. По моему мнению, она могла бы отправиться пешком в Китай, неся в руке чемодан. Но ее психическое состояние внушало опасения.

Мистер Лоуднес нахмурился:

— Что вы имеете в виду?

— В возрасте семидесяти лет миссис Тейлор имела обыкновение красить волосы, румянить лицо и спрашивать меня, знаю ли я какое-нибудь омолаживающее лекарство, которое сделало бы ее привлекательной для мужчин.

— Всего лишь безобидный грешок?

Доктор Бирс поднял брови, отчего куполообразная веснушчатая макушка покрылась морщинами.

— Это зависит от точки зрения.

— Если бы кто-нибудь вручил ей банку с этикеткой соли Немо, думаете, она приняла бы дозу?

— Думаю, она приняла бы что угодно, если бы это вручил ей тот, кому она доверяла.

— «Кому она доверяла». Понятно. Можете сказать нам, были ли теплыми ее отношения с подсудимой или нет?

— На мой взгляд, слишком теплыми. В доме была нездоровая атмосфера. Она не казалась мне полезной для человека... — Доктор Бирс бросил взгляд на Джойс, — с малым житейским опытом.

— Вы имеете в виду обвиняемую?

— Да.

— Как медик, доктор, — сухо осведомился мистер Лоуднес, — вы сталкивались с жестокими преступлениями, совершенными людьми с малым житейским опытом?

— Сталкивался — в книгах.

— Я имею в виду реальность. Разве вы не слышали о Мари Лафарж, Констанс Кент или Мари Морель?

— Боюсь, эти дамы жили до меня.

— Я говорю вам это, сэр, как об историческом факте!

— Тогда я принимаю это... как исторический факт.

— Когда вы прибыли в «Приорат», вызванный телефонным звонком, что вы сделали и к каким пришли выводам?

— Я обследовал покойную, — доктор Бирс крепче стиснул перила, — и пришел к выводу, что смерть наступила вследствие большой дозы какого-то яда раздражающего действия — вероятно, сурьмы.

— В котором часу наступила смерть?

— Опять же по моему мнению, между десятью вечера и полуночью. Точнее ответить не могу.

— Что вы сделали потом?

— Я позвонил в полицию, сообщив, что не могу выписать свидетельство о смерти. Позднее я получил указание коронера произвести вскрытие. Удалив некоторые органы, я передал их аналитику министерства внутренних дел.

— Вы обследовали банку из-под соли Немо и стакан на столике у кровати?

Доктор Бирс ответил утвердительно. Банка содержала чистую сурьму, а стакан — одну десятую грана сурьмы, растворенную в остатках воды. Здесь мистер Лоуднес зачитал третьему свидетелю заключение сэра Фредерика Престона, аналитика из министерства, который обнаружил тридцать два грана этого яда в теле покойной.

— Это большая доза сурьмы, доктор Бирс?

— Очень большая.

— Симптомы проявляются внезапно или постепенно?

— Внезапно, спустя пятнадцать—двадцать минут.

— Теперь прошу вас подумать как следует, доктор, — продолжал обвинитель, подчеркивая каждое слово. — Хотя симптомы были внезапными, могла покойная дотянуться до шнура звонка рядом с ней?

— Безусловно, могла.

— Благодарю вас. У меня больше нет вопросов.

Джойс Эллис поднесла руку к горлу. Когда поднялся защитник, зал сразу почувствовал приближение кульминации.

Батлер внимательно разглядывал свидетеля.

— Не могли бы вы описать нам эти симптомы, доктор? — заговорил он.

Доктор Бирс кивнул:

— В большинстве случаев я бы ожидал металлический привкус во рту, тошноту и непрекращающуюся рвоту...

— Так! — Слово прозвучало как выстрел. — Могу я спросить, покойную рвало?

— Нет.

— Вполне согласен с вами, доктор! Не назовете ли вы нам причины, по которым сделали такой вывод?

— Это первый активный симптом, ощущаемый пациентом. — Доктор Бирс тщательно подбирал слова. — Сильная и неконтролируемая рвота. Я никогда не слышал и не читал о случаях рвоты, не оставляющей следов. Кроме того, органы пищеварения показывали...

— Понятно. Как это отражается на других симптомах?

— Иногда, — ответил доктор Бирс с невеселой профессиональной улыбкой, — это выявляет разницу между выздоровлением и смертью. Все симптомы резко интенсифицируются.

— Какие именно?

— Боли во рту и горле, тяжесть в голове, судороги конечностей, спазмы желудка...

— Спазмы! — подхватил Батлер. — Я вполне согласен с вами, что миссис Тейлор могла дотянуться до звонка, если он находился под рукой. Но предположим, шнур висел за спинкой кровати?

— Прошу прощения?

— Доктор, вы слышали показания свидетельниц Алисы Гриффитс и Эммы Перкинс?

Вопрос был чисто риторическим. Свидетелям в Центральном уголовном суде, за исключением полицейских офицеров, никогда не позволяли слушать других свидетелей. Покуда Батлер объяснял, что сообщили Алиса и Эмма, куполообразный череп доктора Бирса, казалось, поднимался все выше, увеличивая его рост.

— Вы понимаете ситуацию, доктор Бирс?

— Да.

— Чтобы дотянуться до шнура, покойной пришлось бы встать на пол или совершить активные манипуляции на кровати, как мы только что слышали. Вы считаете это возможным при описанных вами спазмах?

— Нет, не считаю.

— Вы бы назвали это абсолютно невозможным?

— Я бы назвал это настолько маловероятным, что практически это равнозначно невозможному.

Батлер повысил голос:

— Следовательно, миссис Тейлор не звонила в звонок, потому что не могла до него дотянуться?

Он сел, не дожидаясь ответа.

Выражаясь фигурально, в зале можно было слышать грохот, издаваемый рассыпающимся на куски делом Короны. Для зрителей и, весьма вероятно, для присяжных перекрестный допрос Батлером Алисы и Эммы уже нанес обвинению удары левой и правой рукой в челюсть. Допрос врача, похоже, завершил матч.

Краем глаза Джойс наблюдала за поведением красотки Люсии во время перекрестного допроса. Люсия приподнялась, прижимая рукой манто к груди, и уставилась на доктора Бирса, как будто осуществляя телепатическую связь.

Джойс не упускала из виду и мистера Чарлза Денема. Мистер Денем, который так достойно вел себя по отношению к ней, сидел за столом солиситоров. Его лицо было бледным, а пальцы теребили горлышко бутылки с водой. Услышав последний вопрос Батлера доктору Бирсу, Денем закрыл глаза, словно молясь.

С этого момента, в течение всего заседания во второй половине дня и большую часть следующего дня, защита, казалось, неуклонно продвигалась к цели.

Со свидетелями-полицейскими Батлер был беспощаден. Хотя он изображал колоссальное уважение к судье и присяжным. К полиции у него, как обычно, не было ни капли жалости. Его изощренные атаки сбивали с толку даже такого опытного офицера, как окружной детектив-инспектор Уэйлс.

— Вы спрашивали Алису Гриффитс и Эмму Перкинс о положении звонка?

— Нет, сэр. Но...

— Вы просто сочли само собой разумеющимся, что звонок всегда находился в таком положении, в каком вы впервые его увидели?

— Позвольте объяснить, сэр. Мне кажется, покойная могла воспользоваться шнуром, где бы тот ни находился.

— Значит, вы подвергаете сомнению свидетельство медика?

— Доктор Бирс всего лишь выразил свое мнение.

— В таком случае вы сомневаетесь во мнении собственного свидетеля? Вы руководствовались исключительно предположениями?

— В каком-то смысле да.

— В каком-то смысле, — повторил Батлер и сел.

Парад свидетелей казался бесконечным. На следующий день, 10 марта, Батлер начал и завершил защиту. Он вызвал свидетелем Джойс Эллис, которая, несмотря на жесткий перекрестный допрос мистером Лоуднесом, произвела хорошее впечатление. Адвокат, предъявив ключ, который, по его словам, был от задней двери его дома, продемонстрировал, что он подошел бы и к задней двери «Приората». Допрашивая других свидетелей, Батлер доказал, что замок в задней двери был изделием фирмы «Гриссон», а такие замки установлены в девяти из десяти домов в Лондоне, построенных в 50-х и 60-х годах прошлого века. Заключительная речь защитника была поистине блистательной. Мистер Лоуднес мог лишь барахтаться в его кильватере.

Это выглядело триумфом. Джойс начала надеяться на благополучный исход, но...

Весь эффект был безжалостно сведен на нет резюме судьи Стоунмена.

— Да, — признавался впоследствии судья немногим друзьям, — я чувствовал, что девушка невиновна. Но инстинкт, даже при наличии опыта, не является доказательством. Многие фейерверки мистера Батлера... — при этом достопочтенный судья попытался изобразить сардоническую усмешку ртом, полным фальшивых зубов, — имели лишь косвенное отношение к делу. Мой долг был указать на это жюри.

Хладнокровно и безжалостно судья произнес резюме в пользу обвинения.

— Боже! — шептал Чарли Денем за солиситорским столом.

Речь продолжалась час десять минут. Джойс, пытавшейся держать себя в руках, этот час казался вечностью. Лишь немногие из присутствующих в зале могли отвлечься от негромкого голоса судьи, его стариковских глаз, отрывавшихся от записей и вновь опускавшихся к ним, и длинных пауз, во время которых его сморщенное лицо, казалось, парило в вакууме.

Не произнеся ни слова, которое давало бы повод для апелляции, судья Стоунмен дал понять, что Алиса Гриффитс, Уильям Гриффитс и Эмма Перкинс лгали, намеренно или нет.

— Я вновь напоминаю вам, господа присяжные, что судить о фактах должны вы, а не я. С другой стороны, вам будет нелегко поверить, что...

И так далее и тому подобное.

Джойс отметила, что Люсия Реншо весь день отсутствовала в зале. Пристав, подойдя на цыпочках к столу солиситоров, что-то прошептал на ухо Чарлзу Денему. Чарли вздрогнул, огляделся вокруг и, поколебавшись, выбрался из зала. Патрик Батлер сидел неподвижно, опустив голову, стиснув ее ладонями и опершись локтями на стол.

Один раз он попытался встать, но помощник, вцепившись в его мантию, пробормотал несколько слов, из которых Джойс могла разобрать только «неуважение к суду».

— Теперь, господа присяжные, вам следует удалиться, чтобы обдумать вердикт. Мистер старшина, если вам понадобятся какие-либо предметы, представленные на процессе в качестве вещественных доказательств, пожалуйста, дайте мне знать.

Присяжные с тем же чопорным и непроницаемым видом, который они старательно сохраняли во время суда, были выведены из зала. Одна из надзирательниц прикоснулась к руке Джойс.

— Пойдем вниз, голубушка, — произнесла она с сочувствием, разбивающим последнюю надежду.

Итак, без четверти четыре, когда мокрый снег облеплял стеклянный купол, а жюри отсутствовало тридцать пять минут, Патрик Батлер неподвижно сидел в одиночестве в первом ряду адвокатских мест в почти опустевшем зале суда, уставя на наручные часы, лежащие перед ним на столе.

Тридцать пять минут!

Согласно древнему юридическому правилу, чем дольше отсутствует жюри, тем более вероятен благоприятный для обвиняемого вердикт. Но Батлер не верил этому или не хотел верить. Он рассчитывал на быстрое оправдание, гром аплодисментов и всегда вызываемую ими приятную дрожь удовлетворения.

Было немислимо, снова уверял себя Батлер, чтобы он проиграл дело. О Джойс он не думал вовсе. Проигрыш глубоко бы ранил его гордость, он мог бы взорваться и наделать глупостей. Ненависть к судье Стоунмену пылала в его душе ярким пламенем.

Вдалеке снова послышался шорох вращающейся двери, ведущей в коридор. Чарлз Денем, цокая каблуками по лакированному полу, направился к адвокатским скамьям.

Чтобы унять дрожь в руках, Патрик Батлер схватил желтый карандаш и стал им поигрывать.

— Где ты был? — осведомился он.

— Отходил к телефону, — странным тоном ответил Денем. — Это может немного сбить с тебя спесь.

Пальцы Батлера стиснули карандаш. Слово «спесь» резануло его, как бритва. Он искренне верил, что в нем нет ни унции спеси.

— О чем ты, Чарли?

— Твой автомобиль здесь? — спросил Денем.

— Да. Припаркован в ярдах тридцати от парадного входа на Олд-Бейли. — Батлер имел в виду улицу, а не здание. — При чем тут автомобиль?

— Скажу тебе позже. — Темные глаза Денема были неподвижны. — Ты проиграл дело.

— Хочешь пари, Чарли?

— Ты сфабриковал защиту, — настаивал Денем, — и старик Стоун это понял.

Пальцы Батлера сломали карандаш надвое.

— Тебя может заинтересовать, — сдержанно отозвался он, — что, за исключением двух пунктов, моя защита была честной, как...

— Не беспокойся, — прервал солиситор. — Учитывая то, что я только что услышал, у нас будут основания для успешной апелляции.

— Я никогда не подаю апелляцию, — заявил Батлер. — Никогда в ней не нуждался.

— Помоги тебе Бог, Пэт.

— Спасибо! — огрызнулся Батлер. — Предпочитаю рассчитывать на себя. Что за таинственные новости?

— Ты видел сегодняшние газеты? Или обратил вчера внимание на Люсию Реншо?

— Кто такая Люсия Реншо?.. О, ты имеешь в виду племянницу миссис Тейлор? Что с ней такое?

— Вчера она сидела на одном из мест корпорации позади тебя. А сегодня утром...

В зале внезапно наметилось оживление. Люди на зрительской галерее поднялись с мест. Секретарь суда прошел по помосту за креслом судьи и постучал в почти невидимую дверь в

стенной панели. Дверь, ведущую в личную комнату судьи, открыл его клерк.

— Увидимся позже, — сказал Денем. — Жюри возвращается.

Зрители на галерее лихорадочно облизывали губы. Шаги присяжных приближались так долго, словно им следовало пройти полмили, чтобы собраться и сесть. Судья Стоунмен с отстраненным, как у йога, видом опустил в высокое кресло. Обвиняемая в полуобморочном состоянии застыла на скамье подсудимых лицом к судье.

Когда старшина присяжных поднялся, секретарь суда уже стоял.

— Члены жюри, вынесли ли вы вердикт?

— Да.

— Считаете вы обвиняемую Джойс Лесли Эллис виновной или невиновной в убийстве?

— Невиновной.

Вспышка аплодисментов, быстро стихших, смешалась со шлепками хлопьев мокрого снега по крыше. Патрик Батлер опустил голову, выдохнул со звуком, похожим на рыдание. Джойс Эллис покачнулась и чуть не упала.

— Это ваш единогласный вердикт?

— Да.

Судья Стоунмен сделал легкий жест.

— Пусть ее освободят из-под стражи, — сказал он.

Пристав зачитал список свидетелей, вызываемых завтра по очередному делу — еще одной трагедии. Судья поднялся. Остальные тоже. И тогда это произошло — неожиданно, как взрыв гранаты.

Патрик Батлер, королевский адвокат, не мог больше сдерживаться. Когда судья повернулся к двери своей личной комнаты, он словно преобразился. Его голос, полный торжества и презрения, прогремел на весь зал:

— Как вам это нравится, старая вы свинья?

Глава 5

Через двадцать минут Батлер, подняв воротник пальто, вышел из главного входа Центрального уголовного суда.

Он был усталым, раздраженным, но в то же время и торжествующим. Патрик Батлер высказал в адрес судьи Стоунмена,

возможно, самые оскорбительные слова, какие когда-либо звучали в этих стенах, и ему было на это плевать.

В комнате, где его коллеги-адвокаты с помощью клерков вешали свои мантии в шкафы и складывали парики в кожаные коробки, никто не упоминал об этом инциденте. Они поздравляли Батлера с победой, причем некоторые — тоном более подходящим для похорон. Батлер улыбался в ответ. Конечно, его обращение к старому Стоуну не являлось неуважением к суду как к таковому, но все считали, что Стоун способен причинить ему крупные неприятности.

Ну, пусть попробует!

Острые иглы оледеневшего снега хлестнули Батлеру в лицо, когда он вышел из здания. Улица под названием Олд-Бейли, спускавшаяся от Ньюгейт-стрит на севере к Флит-стрит на юге, сверкала при свете фонарей чернотой, как венецианский канал. Батлер спешил к своей машине, когда кто-то шагнул из тени дома.

— Мистер Батлер, — послышался голос Джойс Эллис.

Мысленно Батлер издал стон. Дело закончено! Он устал! Он...

— Я хочу поблагодарить вас, — сказала Джойс.

Посмотрев на нее, Батлер невольно был тронут. Поверх мешковатого костюма на ней был только клеенчатый плащ, раздуваемый ледяным ветром.

— Слушайте, вы же без пальто!

Джойс казалась удивленной.

— Без пальто?

— Черт возьми, у вас должно быть пальто! Нельзя ходить без пальто в такую погоду!

— Это не имеет значения, — отмахнулась Джойс, хотя ее глаза потеплели. — Мистер Батлер, вы обещали мне кое-что...

— Обещал, дорогая моя?

— Да. Я бы не стала вам напоминать, если бы это не было так важно для меня. Вы сказали, что если я буду давать показания так, как вы велели, то вы ответите мне после процесса на один вопрос. Пожалуйста, не уходите!

— Ну... тогда идите к моему автомобилю и устраивайтесь поудобнее.

— Нет! — Ее взгляд стал умоляющим. — Там мистер Денем. Он чудесный, но... я не хочу его слушать. Не могли бы мы пойти куда-нибудь и поговорить пять минут?

Батлер выругался — снова мысленно. Но добродушие одержало верх.

— Пошли, — согласился он.

На другой стороне улицы находилось небольшое кафе. До войны его кабинки со столиками, разделенные перегородками из полированного дуба, соперничали в диккенсовском уюте с гравюрами XVIII века, изображавшими старую Ньюгейтскую тюрьму.

Но когда Батлер открыл дверь, он увидел, что кафе стало грязным и неухоженным. Сзади горела единственная электрическая лампочка и кричал старый, полуслепой попугай, который, как говорили, походил на знаменитого судью, обучившего его латинским изречениям, а заодно и сквернословью.

Вдыхая запах сырости и засохших кофейных пятен, Батлер усадил свою спутницу за столик в кабинке и сел напротив. Один из недавних посетителей оставил скомканную газету, прислоненную к пустой, засиженной мухами сахарнице. Внимание Батлера привлек маленький заголовок:

ВОЛНА ОТРАВЛЕНИЙ ИНТЕРВЬЮ С СУПЕРИНТЕНДЕНТОМ ХЭДЛИ

Попугай завопил снова. На фоне тусклого электрического света появился силуэт хозяина кафе, который вразвалку подошел к клиентам, с отвращением глядя на них.

— Два кофе, пожалуйста.

— Кофе нет, — буркнул хозяин, чьи глаза злорадно блеснули.

— Тогда чай.

Хозяин нехотя признал, что чай, вероятно, имеется, и заковылял прочь. Патрик Батлер посмотрел на Джойс.

— Ну, дорогая? — осведомился он так благодушно, как только мог.

Окинув ее беглым взглядом, Батлер признал про себя, что она хорошо перенесла напряжение судебного процесса. Ему припомнилась другая клиентка, чье лицо после суда стало старушечьим, а руки приобрели зеленовато-серый оттенок.

Джойс, хоть и не могла унять дрожь в руках, не выглядела ни постаревшей, ни безобразной. Большие серые глаза под черными ресницами неотступно следовали за Батлером. Тающие снежинки поблескивали в растрепанных черных воло-

сах. Чувственный рот будоражил воображение адвоката, хотя он благоразумно старался его игнорировать.

— На самом деле вы не верите, что я невиновна? — внезапно спросила Джойс.

Батлер выглядел шокированным.

— Ну-ну! — укоризненно произнес он. — Вы не доверяете британскому правосудию?

— Я...

— Присяжные вас оправдали. Они поверили вам. Вы свободная женщина — свободная как ветер. Что еще вы хотите?

— Хотеть чего-то еще было бы неблагодарностью, не так ли? Я только...

Подали чай, и разговор прервался. На стол поставили две белые кружки с мутным варевом, похожим на помои. Тем временем Батлер потихоньку достал под столом бумажник, вытащил из него пятьдесят или шестьдесят фунтов и стиснул их в кулаке.

— Скажите, дорогая моя, — заговорил он, — каковы ваши планы на будущее?

— Не знаю. Я пока об этом не думала.

— Но вам понадобятся деньги. Конечно, наследство миссис Тейлор...

— Боюсь, я не смогу им воспользоваться. Мне станет мерещиться ее лицо, когда я буду тратить каждое пенни.

— Подобные чувства делают вам честь. Так что, если вы примете это... — его сжатый кулак скользнул через стол, — от друга, который с наилучшими намерениями...

Джойс неожиданно потеряла контроль над своими рефлексами. Ее локоть опрокинул белую кружку, и мутная жидкость потекла со стола на пол. Девушка смотрела на нее с ужасом, как будто совершила преступление.

— Я очень сожалею. Но, пожалуйста, не предлагайте мне деньги.

— Но, дорогая моя, это всего лишь...

— Прекратите! — крикнула Джойс, выйдя из себя.

— Прекратить что?

— Прекратите изображать ирландский акцент. Он присущ вам не больше, чем кокни¹ или ланкаширский. В суде вы не решались его использовать.

---

¹ К о к н и — престонародное лондонское наречие.

— Nolle prosequi¹. Так-перетак! — крикнул попугай и стал точить клюв о прутья клетки.

Патрик Батлер чувствовал, как кровь приливает к голове. Небрежным искушающим движением он сунул деньги в scom-канную газету рядом с рукой девушки.

— Я наблюдала за вами в суде, — продолжала Джойс. — Иногда я думала, что вы мне верите, а потом... Не знаю. Конечно, вы великолепный адвокат, но вы к тому же актер на романтических ролях. Вы постоянно играете.

Теперь у Батлера звенело в ушах.

— Вам это не кажется немного неблагодарным? — спросил он.

— Кажется, — ответила Джойс со слезами на глазах. — Но когда мы впервые встретились в тюрьме, вы сказали, что верите мне.

— Естественно!

— Потом вы говорили... что если мы хотим сохранить главную правду, то часто вынуждены лгать о мелочах. А позже возник вопрос о двери, хлопающей ночью...

— Я ни разу не слышал о двери, — честно признался Батлер, — пока Алиса Гриффитс не сказала об этом в суде.

— Но, мистер Батлер, никакая дверь ночью не хлопала! Это был один из больших ставней наверху. Я поднялась и закрепила его. А после первого дня процесса вы велели мне подтвердить это на свидетельском месте.

Озадаченный взгляд Джойс тщетно изучал лицо собеседника.

— Алиса и Билл Гриффитс — честные люди, — настаивала она. — Почему они лгали?

— Вы должны радоваться, что они это сделали, мисс Эллис. Это спасло вашу хорошенькую шейку.

— Значит, вы не верите в мою невиновность? И никогда не верили?

— Скажу вам то, что говорил Чарли Денему, — с беспощадной откровенностью отозвался Батлер. — Вы виновны, как сам дьявол. Почему бы не быть благоразумной и не признать это?

Казалось, он ударил ее по лицу. Последовала долгая пауза.

— Понятно, — пробормотала Джойс и облизнула пересохшие губы.

---

¹ Не желаем обвинять (*лат.*) — фраза, с которой обвинитель обращается к суду до вынесения вердикта, сообщая об отказе от обвинения.

Медленно, поскольку у нее дрожали колени, она соскользнула со скамьи, встала снаружи кабинки, не глядя на Батлера, застегнула клеенчатый плащ, отошла на два шага и внезапно повернулась.

— Я преклонялась перед вами и всегда буду преклоняться. Но когда-нибудь — может быть, очень скоро — вы придете ко мне и скажете, что были не правы. — Ее голос стал пронзительным. — И, ради бога, не говорите, что вы никогда не ошибаетесь! Джойс побежала к выходу.

Стеклянная дверь хлопнула. Попугай закричал снова. Сквозняк сбросил газету на скамью напротив Батлера. Банкноты упали на заляпанный кофе пол. Какое-то время Батлер не притрагивался к ним.

Черт бы побрал всех женщин, устраивающих сцены! Хотя Батлер и ощущал угрызения совести, он не мог понять Джойс. Отхлебнув мерзкий тепловатый чай, Батлер поставил чашку и собрал многострадальные купюры. Подняв голову, он увидел, что рядом с кабинкой стоит Чарлз Денем.

— Только не начинай! — огрызнулся Батлер.

— Не начинать что?

— Откуда я знаю? Ничего.

— Поздравляю с вердиктом. — Денем сел напротив.

— Незачем поздравлять. Я же говорил тебе, что так и будет.

Несмотря на спокойный голос, темные глаза Денема блестели, будто в зале суда, а ноздри раздувались.

— В суде я начал тебе рассказывать, что появились новые доказательства. Прошлой ночью, когда Джойс еще не освободили, кое-что произошло.

— Вот как? Что именно?

— Ты сказал, что не знаешь Люсию Реншо, которая вчера была на суде. А ты знаешь ее мужа, Дика Реншо?

— Никогда о нем не слышал. А я должен его знать?

— Мистер Реншо прошлой ночью был отравлен большой дозой сурьмы и умер в страшных мучениях около трех часов ночи. Вероятно, его отравил тот, кто убил миссис Тейлор.

Старый попугай закричал, суетясь в своей клетке. Патрик Батлер, который успел достать серебряный портсигар и щелкнуть зажигалкой, застыл, уставясь на Денема. Потом он погасил огонь.

— Тот, кто убил... Слушай, Чарли, Реншо тоже твои клиенты?

— Да, как и покойная миссис Тейлор.

— И Реншо тоже отравили! Полиция кого-то подозревает?
— Да. Саму Люсию Реншо. Должен признаться, — Денем отвел глаза, — что улики против нее достаточно веские. Вероятно, Люсию арестуют.

Батлер стукнул кулаком по столу.

— Господи! — воскликнул он в экстазе. — Ты имеешь в виду, что я могу снова пойти в суд и пнуть полицию в зад? В более или менее сходном деле об отравлении?

— Не торопись, Пэт! Неужели ты не понимаешь, в чем тут суть?

Денем улыбнулся. После оправдания Джойс Эллис он совсем не походил на того изможденного и затравленного молодого человека, каким был последние недели, вновь став приятным, спокойным и ненавязчивым. И все же, несмотря на улыбку, в нем ощущалась напряженность — пусть не такая, как прежде.

— Джойс, безусловно, не отравляла Дика Реншо, — мрачно указал он. — И красотка Люсия, по-моему, тоже. Мы угодили в куда худшую неразбериху, чем думали. Посмотри сюда!

Денем подобрал скомканную газету, разгладил ее на столе и ткнул пальцем в маленький заголовок:

ВОЛНА ОТРАВЛЕНИЙ ИНТЕРВЬЮ С СУПЕРИНТЕНДЕНТОМ ХЭДЛИ

— Не трать время на чтение, — посоветовал Денем. — У меня имеется секретная информация, которая не напечатана здесь. Я получил ее от доктора Фелла.

— От доктора Фелла?

— Полагаю, ты слышал о докторе Гидеоне Фелле? Он присутствовал на процессе. Если бы ты хотя бы раз повернулся и посмотрел назад, то увидел бы его.

Батлер отложил портсигар и зажигалку.

— Не потрудишься объяснить, о чем ты говоришь?

— За последние три месяца, — Денем постучал по газете, — произошли девять нераскрытых отравлений со смертельным исходом. Все в разных районах страны.

— Преступления, имитирующие друг друга, мой мальчик! Такое часто случается.

— Я сказал «за последние три месяца». Большинство имело место до смерти миссис Тейлор. — Чарлз Денем склонился

вперед, сдвинув брови. — Ни в одном из этих случаев — ни в одном, Пэт! — полиция не смогла отследить приобретение яда кем-либо из подозреваемых. Понимаешь, что это означает?

Батлер присвистнул. Покупка яда, не важно, в каком обличье или под какой фальшивой подписью в аптечной регистрационной книге, — фактор, почти неизбежно изобличающий убийцу.

— Брось это, мальчик мой! — фыркнул Батлер, немного раздраженный тем, что Чарли так быстро стал самим собой. — На счет происхождения яда в деле миссис Тейлор нет никаких сомнений.

— Сомневаюсь, — промолвил Денем.

— То есть?

— Скажи, Пэт, ты не заметил ничего странного на сегодняшнем процессе?

— Этот человек спрашивает меня, — с сарказмом обратился Батлер к пустому кафе, — не заметил ли я чего-нибудь странного! Еще как заметил, Чарли! Чертов судья Стоунмен...

— Нет-нет, не судья. Я имею в виду свидетелей. Особенно этого врача.

— Доктора Бирса?

— Да. — Чарли нервно провел рукой по лицу. — Он пытался сообщить нам что-то, но ему не позволили правила свидетельских показаний. Помнишь, как он сказал, что в доме была нездоровая атмосфера для столь неискушенной девушки, как Джойс? — Внезапно его тон изменился. — Кстати, где Джойс? Мне казалось, я видел, как она входила сюда с тобой.

— Так и было.

— Я ждал в твоей машине, надеясь...

— Мисс Эллис не хотела видеть тебя, Чарли. Она сама мне так сказала.

— Ну... — Денем с трудом изобразил улыбку. — В конце концов, нет причин, по которым она должна была хотеть меня видеть. — Он сделал паузу. — Конечно, у тебя есть ее адрес?

— Боюсь, что нет. И если ты понял мой намек, Чарли, то будешь держаться подальше от этой женщины. Разве только ты хочешь получить порцию мышьяка в пиве.

— Ты так же умен в своей глупости, как глуп в своем уме! — проворчал Денем после очередной паузы.

— Не скажешь, какое это имеет отношение к зловещему отравлению девяти человек? — сдержанно осведомился Батлер. —

И к возможному обвинению Люсии Реншо в убийстве мужа?
У нее был какой-нибудь мотив?

Денем колебался.

— Вообще-то они не слишком ладили...

— Это не доказательство, Чарли, а всего лишь один из вариантов брака. Почему полиция ее подозревает?

— Потому что только Люсия, по-видимому, могла это сделать. И все же...

— Что именно ты хочешь от меня?

— Конечно, я могу официально поручить тебе вести защиту. Мы не знаем, когда прыгнет кошка, то есть полиция. Но сейчас только пять часов. Не можешь ли ты съездить в Хампстед и поговорить с ней до обеда?

— Могу, Чарли, — заверил его Батлер. — И я сделаю большее. Дай мне пять минут на разговор с этой леди, и я скажу тебе, виновна она или нет.

Денем схватился руками за голову:

— Я у тебя в неоплатном долгу, Пэт! Но после сегодняшней победы ты сорвался с цепи. Не вообразил ли ты себя Господом всемогущим?

— Вовсе нет! — Батлер выглядел шокированным. — Просто, — вежливо объяснил он, подобрав шляпу, — я никогда не ошибаюсь.

Глава 6

Дом покойного Ричарда Реншо и его жены, именуемый «Домом аббата», находился на Кэннон-роуд в Хампстеде.

Поднявшись на Хэверсток-Хилл и Розлин-Хилл, лимузин свернул направо у светофора напротив станции метро «Хампстед» и поехал по Хай-стрит в сторону Раундпонд. Сделав еще несколько поворотов, машина углубилась в тихую Кэннон-роуд.

Выпрыгнув из машины, Патрик Батлер испытал первый шок.

— Господи, Чарли! Это же... — Он не договорил.

Под сине-черным небом, откуда перестал падать мокрый снег, в сорока футах от коричневой ограды стоял дом.

Другие дома на Кэннон-роуд выглядели всего лишь смутными силуэтами с тусклыми желтоватыми огнями. Но это уродли-

вое, хотя и не слишком большое сооружение благодаря оштукатуренному фасаду походило на серо-белое пятно и бросалось в глаза, так как было построено в стиле так называемой викторианской готики. По обеим сторонам арочной парадной двери находились два высоких стрельчатых окна, одно над другим. Вдоль края крыши тянулся зубчатый парапет с миниатюрной декоративной башенкой в углу.

— Это же дом миссис Тейлор! — воскликнул Батлер, в голове у которого ожили неприятные воспоминания. — Те же самые деревья у окон с каждой стороны!

→ Почему бы и нет? — отозвался Денем.

— О чем ты?

— Оба дома, — объяснил Денем, — построены отцом миссис Тейлор в середине 1860-х годов. Один в Бэleme, который тогда был в моде. Один в этом районе, который в моде и теперь. На задней двери этого дома также грирсоновский замок.

Ветки, колыхаемые ветром, царапали оконные стекла. Внутри, по крайней мере, оба дома не были обставлены одинаково. Батлер с облегчением увидел это, когда молодая служанка открыла дверь.

Но атмосфера истерии, пахнувшая на них, была такой же ощутимой, как признаки беспорядка. Восемнадцатилетнюю служанку Китти Оуэн можно было бы назвать хорошенькой, не будь она такой тощей. Китти в ужасе отпрянула, но Денем поспешно назвал их имена.

— Простите, сэ-р. — Служанка судорожно глотнула. — Я думала, вы тоже из полиции. Но я не уверена, что вы сможете повидать мадам. У нее истерика.

— Миссис Реншо пригласила нас, — улыбнулся Батлер.

По какой-то причине Китти вздрогнула и испуганно уставилась на Батлера.

— Пойду посмотрю, — с трудом вымолвила она. — Пожалуйста, подождите здесь.

Дверь, на которую указала девушка, вела в викторианскую гостиную, богато обставленную довоенной мебелью и антиквариатом. Лампы с абажурами освещали обюссонский¹ ковер.

В центре комнаты, словно только что прекратив шагать, стоял доктор Артур Эванс Бирс.

---

¹ От французского города Обюссон, центра коврового производства.

— Батлер! — воскликнул доктор Бирс, когда вошедшие представились. — Конечно, мы встречались в суде. Я подумал, что вы какой-то родственник... хотя в парике и мантии вы выглядели совсем по-другому.

Вблизи он подтвердил впечатление солидности и надежности, к которым теперь примешивалось разочарование врача общей практики, видящего, как государственная медицина подрывает его инициативу. Лысый, узкий и веснушчатый череп походил на шекспировский, а рукопожатие было крепким.

— Вы... э-э... не встречались до суда? — спросил Денем.

— Нет, — ответил Батлер. — Я и так знал, что могу услышать от этого свидетеля.

— Вы спасли жизнь мисс Эллис, — заявил доктор. — Я горжусь знакомством с вами, сэр.

— А я — знакомством с вами, доктор, — отозвался Батлер, выпрямляясь с учтивостью XVIII столетия. — Вы лечащий врач миссис Реншо?

— Едва ли, — сухо произнес доктор Бирс. — Думаю, миссис Реншо получает медицинские консультации на Харли-стрит¹ или Девоншир-Плейс. — Его карие глаза под рыжеватыми бровями стали настороженными. — Но она звонила сегодня явно в истерическом состоянии и просила приехать как друга.

— А как сейчас миссис Реншо?

— Не знаю. Она не хочет меня видеть. Думаю, мне лучше уйти.

— Скажите, доктор, вы считаете и этот дом «нездоровым»?

— Прошу прощения?

— Мой юный друг, — Батлер отозвался о Чарли Денеме, как будто тому было четырнадцать лет, — напомнил мне о ваших показаниях. Вы утверждали, что в доме миссис Тейлор нездоровая атмосфера. Можете ли вы сказать то же самое об этом доме?

— Сэр, я...

В этот момент в комнату вбежала горничная Китти.

— Только один из вас может подняться наверх, — сообщила она. — Мистер Батлер.

Батлер колебался, поскольку доктор Бирс собирался заговорить, но в итоге последовал за Китти.

Она проводила его по главному коридору в просторный задний холл, откуда деревянная лестница поднималась — сначала

---

¹ Харли-стрит — улица в Лондоне, где находятся приемные частных врачей.

вдоль левой стены, потом вдоль задней — к галерее с балюстрадой, где находились двери спален. Здесь было темно из-за экономии электричества, и Батлер несколько раз спотыкался. Китти постучала в дверь задней спальни, справа от лестницы, и открыла ее.

— Да? — послышался изнутри женский голос.

Люсия Реншо в белом кружевном пеньюаре сидела в кресле возле портативного электронагревателя. Она поднялась с робким и ошеломленным видом.

Циничный холостяк Патрик Батлер получил удар в сердце.

Он смутно сознавал, что стоит в спальне с высоким потолком и старомодными ставнями на больших окнах и что на столике между двумя кроватями горит лампа. Сзади и чуть слева виднелись белые плитки современной ванной.

Что касается остального...

— Мистер Батлер? — тихо спросила Люсия Реншо.

Недавно она горько плакала, но об этом свидетельствовали только маленькие красноватые прожилки на белках умоляющих голубых глаз. Пышные золотистые волосы, разделенные пробором, падали на плечи.

Люсия была довольно высокой, хотя Батлеру она казалась среднего роста или даже маленькой. Ему приходили на ум такие определения, как «здоровая» или «цветущая», которые обычно вызывали у него смех. Розоватая кожа женщины контрастировала с белой тканью пеньюара, а плотное кружево не могло полностью скрыть тот факт, что в спешке она надела под него только бюстгальтер и панталоны. На ногах были розовые атласные туфельки.

— Мистер Батлер? — неуверенно повторила Люсия.

Приходится признать, что Патрик Батлер, словно школьник, с трудом контролировал свой голос.

— Да, миссис Реншо.

— Они все против меня, — сказала Люсия. — Все меня ненавидят. Вы можете мне?

— Я сделаю большее. Я вас спасу.

Благодаря старомодной галантности, скрывавшейся под внешним высокомерием, Батлер не видел ничего мелодраматичного в этих словах и в том, что за ними последовало. Люсия импульсивно протянула руку, и он с серьезным видом запечатлел на ней поцелуй. «Господи!» — подумал Батлер.

— Я знала, что вы это сделаете, — промолвила Люсия. — Когда я слышала вас вчера в суде... Суд! — Она вздрогнула. — Пожалуйста, садитесь.

— Благодарю вас.

Люсия указала на свободное кресло с противоположной стороны электронагревателя и села с изяществом, невероятным в этот неуклюжий век, откинув назад золотистые волосы и глубоко вздохнув. Розовая кожа вновь мелькнула и скрылась в пенном кружеве белого пеньюара.

— Мне нравятся красивые вещи, — продолжала она. — Я наслаждаюсь жизнью! Я никогда не выхожу из себя и не бываю грубой с людьми, даже в нынешние времена. А теперь...

— Ваш муж мертв. Я сожалею...

— Я тоже сожалею, но только из-за воспоминаний. — Люсия отвернулась и закрыла глаза. — Вчера вечером я просила Дика дать мне развод. Вот почему я находилась в этой комнате, когда он умер.

Батлер не понимал причины своего удивления.

— Ваш муж умер в этой комнате?

— Да. Я... — Люсия заколебалась и обвела комнату глазами полными слез, потом слегка отпрянула, словно испугавшись угрозы. — Я не должна сидеть здесь, верно? Но я была так расстроена и испугана, что просто не знала, где нахожусь. Может быть, нам перейти в другое место?

— Конечно нет! — Слова «дорогая моя» застряли у Батлера в горле. — Ваше поведение вполне естественно, миссис Реншо.

— Вы так думаете?

— Разумеется. Но, чтобы помочь вам, я должен услышать, что произошло. Вы говорите, что просили вашего мужа дать вам развод?

— Да.

— А что вы имели в виду, добавив: «Вот почему я находилась в этой комнате, когда он умер»?

— Я имела в виду, легла спать в этой комнате. — Люсия опустила взгляд. — Мы уже больше года занимаем разные спальни. Но прошлой ночью я решила спать здесь.

— Хотя намеревались просить его...

— О, не по той причине, о которой вы думаете!

— Я вовсе не думал...

Оба, смутившись, умолкли. Конечно, Батлер сказал неправду. Внезапно возненавидев покойного Ричарда Реншо, он не удержался от вопроса:

— Что собой представлял ваш муж?

— Это очень интересно. Он походил на вас.

— На меня?

— Не внешне. Дик был очень смуглым и черноволосым, а вы светлокожий, и у вас русые волосы. Но его голос, осанка и некоторые жесты...

Черт бы побрал этого типа! Батлеру, сознававшему, что его мозги не в лучшем состоянии, хватило ума ограничиться просьбой:

— Пожалуйста, расскажите о происшедшем.

Люсия откинулась на спинку кресла. Румянец на ее лице поблек.

— Дик находился в деловой поездке. Вернувшись домой вчера, я обнаружила телеграмму, сообщающую, что он прибывает поездом на Юстонский вокзал в одиннадцать вечера. Поэтому я... приняла решение. Я велела Китти — горничной — проветрить постели в этой комнате, наполнить водой графин и все приготовить.

Слушая, Батлер исподтишка окидывал комнату взглядом.

Поверх постелей на обеих кроватях аккуратно лежали желтые покрывала. Между кроватями, но выше их висело большое распятие из слоновой кости. Это удивило Батлера, хотя он снова не понимал почему. Изделие явно было древним и резко выделялось на фоне коричневых стеновых панелей.

Под ним, рядом с лампой на столике, поблескивал стеклянный графин с водой. Это был обычный круглый графин с узким горлышком, на которое был надет стакан; графин был наполнен только на пятую часть. Присмотревшись, можно было заметить на нем следы серого порошка, используемого полицией для проявления отпечатков пальцев.

Домашнее убийство под костяным распятием...

Батлер вновь перенес внимание на Люсию.

— Конечно, — продолжала она, — Китти не начала убирать комнату до одиннадцати. Я уже разделась в своей спальне дальше по коридору, поэтому следила за ее работой. Я посоветовала ей сменить постели, а не проветривать их. Китти так и сделала. Потом она взяла этот графин... — Люсия кивнула в сторону графина и умолкла.

— Продолжайте! — поторопил ее Батлер.

— Китти отнесла графин в ванную. Я наблюдала за ней — умывальник хорошо виден, если стоишь в дверях. Она вылила из графина остававшуюся в нем воду, ополоснула его пару раз и наполнила свежей водой из крана.

— А потом?

— Китти поставила графин на столик, где он стоит сейчас, со стаканом на горлышке. Я сказала ей, что она может идти спать, но с каждой секундой волновалась все сильнее.

— Почему?

— Из-за Дика! — Голубые глаза расширились. — Все время, пока он отсутствовал, я набиралась смелости, чтобы попросить о разводе...

— Почему вы хотели развестись?

Люсия уставилась на огонь.

— Я не возражала против его измен... — Она сделала паузу. — Нет, это неправда. Мы всегда притворяемся умудренными опытом. Я очень возражала, но не потому, что была... влюблена в него. Просто это было чудовищным унижением...

Батлер смотрел на пол. Он догадывался или думал, что догадывается, чего стоило ей сказать это.

— Без четверти двенадцать я услышала, как подъехало такси. Я сидела там. — Она указала на кровать слева. — Понимаете, мне нужно было его дождаться! Если с мужчиной начинаешь говорить о том, что ему не нравится, он просто отвечает: «Мне сейчас не до того, поговорим об этом позже». И оставляешь все как есть — по крайней мере, я так делала, — если не соберешься с духом. Вот почему я была в его комнате.

— Сколько времени отсутствовал ваш муж?

— Больше трех недель. Он намеревался уехать всего на несколько дней, но ему разрешили вновь открыть одну из его старых фабрик, и он задержался, чтобы понаблюдать за процедурой. Как бы то ни было, вчера Дик вернулся. Я слышала, как сердито хлопнула входная дверь...

Мысленно Батлер тоже услышал этот звук и тяжелые шаги Дика Реншо, поднимающегося по не покрытой ковром лестнице.

— Дик открыл дверь, — продолжала Люсия. — Он стоял с чемоданом в руке, в сдвинутой на затылок шляпе и очень странно смотрел на меня. Я сидела на кровати с вязаньем — Китти принесла мне вязальную корзину, когда первый раз пришла в комнату. «Привет, — сказал Дик. — Это что, примирение?» Я отве-

тила, что нет, и начала говорить о разводе. Лицо Дика стало каменным. Он начал молча распаковывать чемодан и раскладывать вещи, а я продолжала говорить. Потом Дик так же молча разделся и надел пижаму. К этому моменту я стала бояться. Конечно, я договорилась с мисс Кэннон на тот случай, если он...

— Минутку! — прервал Батлер. В его голове, точно детская считалка, плясали слова: «Мисс Кэннон с Кэннон-роу». — На случай если он — что?

— Ну, ударит меня или еще что-нибудь, — ответила Люсия, подняв тонкие брови на лице с настолько искусно наложенным макияжем, что он не был замечен вовсе. По-видимому, она не находила это заявление необычным и не замечала гнева собеседника.

— Я... э-э... понятно. Кто такая мисс Кэннон?

— О, Агнес Кэннон со мной с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать. Она была моей гувернанткой. Не знаю, как бы вы ее назвали — чем-то вроде постоянной принадлежности. Она должна была войти сюда и пригрозить вызвать полицию, если Дик прибегнет к насилию.

— А он прибег?

— Хуже. — Люсия содрогнулась. — Дик просто сидел на краю своей кровати в пижаме и шлепанцах и смотрел на меня. В какой-то момент я подумала, что он собирается... воспользоваться супружескими правами. Но потом он отвел взгляд и поднял со столика графин.

Люсия сделала паузу, прижав руку к груди.

— Я должна объяснить, что у Дика была одна постоянная привычка. Однажды он сказал мне, что поступал так со школьных лет. Каждую ночь, перед сном, Дик пил воду из графина. Стаканом он не пользовался — просто наклонял графин и пил чуть ли не до дна.

После этого — я имею в виду прошлой ночью — Дик откинул покрывало, но не лег, а сел и сказал мне: «Если у тебя нет доказательства моей измены — а у тебя их нет, — забудь о разводе. Ты знаешь, что случилось с твоими частными детективами, когда ты подсылала их». Он продолжал говорить негромко, но об ужасных вещах.

Но минут через десять—пятнадцать его лицо внезапно сделалось странным, как будто у него пересохло во рту; он едва шевелил языком. Дик встал и пошел в ванную, пробормотав,

что должен почистить зубы. В ванной его начало сильно тошнить. Я вскочила с кровати и крикнула: «Что случилось?» Но он не ответил, вскоре вышел, пошатываясь, и свалился на свою кровать. Глаза у него остекленели. Дик повернулся на бок и сказал — не мне, а просто так, в воздух: «Сын мой, лорд Рэндал, где ты был?»

Последовало молчание.

Слова старинной баллады — одной из самых жутких в Англии — висели в воздухе, как будто все зло минувшего катило здесь свои неощутимые волны.

— Потом, — снова заговорила Люсия, — Дик посмотрел на меня и сказал... то, что я не хочу повторять.

— Боюсь, это необходимо. Что он сказал?

— «Ты отравила меня, сука». После этого он перевернулся лицом вниз, а потом начал корчиться...

Повествование явно оказалось слишком тяжелым для Люсии Реншо. Вскочив на ноги, она положила руку на край старого камина из черного мрамора и устремила взгляд на электронагреватель. Несмотря на слишком очевидную зрелость, подчеркиваемую белым пеньюаром, слова ее звучали неестественно, как если бы слетели с губ маленькой девочки. Когда она снова повернулась к Батлеру, ее лицо напоминало личико обиженного ребенка.

— Я пыталась вызвать врача. — Люсия говорила, словно протестуя. — Я позвала мисс Кэннон, и мы стали звонить. Наш доктор был у пациента. Мы старались вспомнить имена других врачей поблизости, но не могли. Тогда мы начали звонить друзьям.

— А вам не пришло в голову набрать 999 и вызвать скорую помощь?

Люсия устало пожала плечами:

— Нет. В такие минуты невероятно глупеешь. Мы смогли вызвать врача только почти в три часа ночи. До того времени мы бегали по дому — мисс Кэннон, Китти и я, — и входная дверь была открыта. Поэтому вошел полисмен. — В ее глазах мелькнул ужас. — Доктор сразу поднялся сюда, но было слишком поздно. Бедного Дика сотрясали такие конвульсии, что мисс Кэннон сказала врачу: «Вы не можете его успокоить? Я не в состоянии это выносить!» Но прежде чем доктор открыл саквояж, Дик издал стон... и перестал дышать. Я не сознавала, насколько все это скверно, пока полисмен не дос-

тал карандаш и блокнот. Они все против меня! — снова крикнула она. — Меня все ненавидят!

— Только не я, — внушительным тоном заявил Батлер, поднимаясь с кресла.

— Это правда, мистер Батлер?

— Конечно. — Однако само сочувствие к ней делало его мозг атрофированным. — Это была сурьма, не так ли?

— Да.

— В графине с водой?

Люсия быстро кивнула не глядя на него.

— Почему вы говорите, что все они против вас? — спросил Батлер.

— Потому что они думают, что только я могла добавить яд в графин. Или говорят так.

— Но ведь ваша горничная ополаскивала графин в ванной и наполняла его водой из крана. Разве Китти не могла тогда добавить яд?

— Нет.

— Почему?

— Полицейские говорят, что, подсыпав эту гадость в воду, ее нужно размешивать, пока она не растворится полностью, чтобы никто не заметил следов. И вообще, Китти этого не делала. Ведь я наблюдала за ней. — Люсия исподтишка покосилась на него. — Я бы предположила, что она могла это сделать, но...

— Но что?

— Я забыла сказать вам, что здесь была мисс Кэннон. Она тоже наблюдала за Китти.

— А потом?

— Китти поставила графин на стол. Она и мисс Кэннон вместе вышли из комнаты.

— А впоследствии, когда вы оставались здесь одна?

— Комната мисс Кэннон находится в конце галереи. Я велела ей сидеть там и следить за моей дверью, пока Дик не вернется, а потом слушать, не начнет ли он... ну, вы знаете. Никто не входил в эту комнату, кроме самого Дика.

Всегда сохранявший самообладание Патрик Батлер почувствовал, как его охватывает паника, делая холодную комнату слишком жаркой. Он начал гоняться за призраками.

— Мог кто-нибудь тайком пробраться сюда и подсыпать яд в графин? Может быть, через окно?

— Нет. — Люсия судорожно глотнула. — Я бы увидела его. Кроме того, ставни на обоих окнах были заперты изнутри.

— Погодите! Возможно, что-то было не так с краном в ванной?

— Нет. Полиция это проверила.

— Могу лишь сказать, что вам не о чем беспокоиться, — заверил ее Батлер. — Предоставьте все мне. Понимаете, миссис Реншо...

— Вы не могли бы... называть меня Люсия?

— А вы не возражаете?

Люсия протянула обе руки, и Батлер стиснул их. Ее красивые руки оказались неожиданно сильными, отметил он. Лицо Люсии было серьезным, почти нежным. Эта простодушная девушка наслаждалась жизнью и держала при себе старую гувернантку, потому что не могла вынести разлуки с ней. Она...

Внезапный стук в дверь заставил обоих вздрогнуть, как будто они были повинны в нескромном поведении. Дверь открылась, сразу привнеся в атмосферу суету и почти истерию.

На пороге стояла маленькая, опрятно одетая женщина, чьи глаза также свидетельствовали о недавнем плаче. Пушистые седые волосы не соответствовали ее возрасту — мисс Агнес Кэннон (с Кэннон-роу) было не больше сорока пяти лет. Волосы обрамляли мягкое круглое лицо, на котором поблескивало пенсне в золотой оправе. Она прижимала ко рту влажный носовой платок.

— Мистер Батлер? — осведомилась мисс Кэннон и вбежала в комнату, не дожидаясь ответа. — У меня для вас сообщение от мистера Денема. Он хочет, чтобы вы сразу же спустились.

— Прошу прощения, но боюсь, что...

— Пожалуйста, идите! — перебила его мисс Кэннон. — Мистер Денем говорит, что это очень важно. Это касается... полиции.

Глава 7

— Вы позволите мне ненадолго уйти? — обратился Батлер к Люсии. — Позже я хотел бы задать вам еще несколько вопросов.

И он поспешил вниз, думая о графинах с водой и вспоминая старину Чарли, сидящего за солиситорским столом в зале

суда, машинально поигрывая горлышком графина. Что за нелепое совпадение! Мозг Батлера явно пребывал не в лучшем состоянии.

Чарлз Денем сидел на длинном диване в передней гостиной, курия сигарету и пуская кольца дыма.

— Ну? — осведомился Батлер. — В чем дело?

— Признаюсь, я начал терять терпение, — отозвался Денем. — Ты провел с миссис Реншо куда больше пяти минут. Она виновна или нет?

Батлер выглядел ошеломленным.

— Виновна ли она? — переспросил он.

— Да.

— Ты в своем уме, Чарли? Эта женщина невинна, как святая на небесах!

— Ты превозносишь женщин, — заметил Денем, наблюдая за очередным кольцом дыма, — а я их люблю. Люблю их причуды, их глаза, их губы. Но я предпочитаю видеть женщин на подобающем им месте, Пэт.

— О чем ты, черт возьми?

Батлер не видел, как смуглое лицо Денема слегка дернулось.

— Улики против миссис Реншо выглядят чернее ночи, — спокойно сказал солиситор. — Ты можешь продумать линию защиты?

Батлер не мог. Но слова, казалось, возникали сами собой.

— Позволь задать тебе еще один вопрос, Чарли. Ты считаешь Люсию Реншо дурой?

— Напротив. Она очень умная женщина.

— Отлично! Значит, по-твоему, если бы она отравила своего мужа, то оказалась бы настолько глупой, чтобы оставить такое количество улики против себя?

— В детективном романе — не оставила бы.

Батлер, открыв рот для ответа, внезапно застыл. Ему пришло в голову, что он недавно слышал точно такие же слова. Денем наблюдал за ним сквозь табачный дым.

— Да, — кивнул Чарли, прочитав мысли собеседника. — Мы говорим цитатами. Но то, что я сейчас сказал о Люсии Реншо, ты ранее говорил о Джойс Эллис. Ситуация меняется, когда ты становишься вовлеченным в нее эмоционально, не так ли?

В его голосе звучала горечь. Повернувшись, он раздавил сигарету в пепельнице на столе рядом. На том же столе стояли

два больших серебряных канделябра, с семью ответвлениями для свечей в каждом. Их блеск словно завораживал Патрика Батлера.

— Кто сказал, что я вовлечен в ситуацию эмоционально?

— А разве нет? Я пытался это выяснить.

— Похоже, я неверно судил о тебе, Чарли. Клянусь Богом, мне кажется, ты отдал бы все на свете, чтобы увидеть меня потерпевшим неудачу!

— Нет-нет! — запротестовал Чарли, как всегда сдавший позиции.

— Но я не потерплю неудачу, — заявил Батлер, — пока рак не свистнет, а у тебя не вырастет борода, которую можно будет трижды обернуть вокруг памятника Нельсону. И вообще, почему ты заставил меня спуститься, выдумав историю о полиции?

— Не совсем о полиции, — уточнил Денем. — Позволь представить тебе доктора Гидеона Фелла.

Присутствие доктора Фелла в этой комнате — как и в любой другой — мог не ощутить, пожалуй, человек с шорами не только на глазах, но и на чувствах. Доктор Фелл издал негромкое «харрумф», дабы подчеркнуть свое присутствие.

Стоя у камина из белого мрамора и опираясь на одну трость вместо обычных двух, доктор Фелл в наброшенной на плечи старой черной накидке заставил выглядеть карликом даже Батлера, когда его туша заполнила собой помещение. На верху этой туши находилась обширная красная физиономия, увенчанная седеющей шевелюрой. Маленькие глазки благодушно взирали на Батлера сквозь очки на широкой черной ленте. Благодаря радостной улыбке на толстых красных щеках доктора и его многочисленных подбородках обозначились складки, а под разбойничьими усами поблескивали зубы.

— Я давно мечтал познакомиться с вами, сэр. Не хочу сказать... — здесь доктор Фелл сделал весьма рискованный жест тростью, — что в вашей юридической тактике был хоть малейший намек на *suggestio falsi*¹. Нет! Поскольку я сам охотно и часто манипулировал доказательствами и вводил в заблуждение правосудие с благой целью, умоляю позволить мне считать вас всего лишь талантливым любителем в этой области. Сэр, я ваш поклонник!

---

¹ Ложное заявление (лат.).

— Могу ответить вам тем же, сэр! — отозвался Батлер, сразу почувствовав к нему симпатию и поклонившись так, как мог бы поклониться доктору Джонсону¹.

— Благодарю! — просиял доктор Фелл, повесив трость на руку, дабы иметь возможность потерять ладонью о ладонь. — В таком случае перейдем к делу?

— К какому делу?

— К убийству Ричарда Реншо.

Мысли Батлера пронзила стрела недоверия, хотя он продолжал улыбаться.

— Я слышал о вас, доктор Фелл, как о старом друге суперинтендента Хэдли. Вы здесь по поручению полиции?

— Нет, — печально вздохнул доктор. — В данный момент я, как часто бывает, в немилости у Скотленд-Ярда. Понимаете, я один из тех, кто верит в невинность Джойс Эллис.

— Отлично! Значит, вы согласны, что обвинение не проанализировало доказательства должным образом?

— Сэр, — отозвался Фелл, — должным образом никто не проанализировал доказательства.

Последовала короткая пауза. Доктор Фелл произнес это с такой уверенностью, стукнув для пушей убедительности тростью по полу, что Батлер и Денем обменялись взглядами.

— Вот как? — улыбнулся Батлер. — Даже защита?

— При всем уважении к вам, сэр, даже защита. Это вполне естественно. Вы искали не правдивое, а изобретательное объяснение. Но... Афинские архонты!² На этом процессе даже такому старому маразматику, как я, казалось, что обе стороны смотрят на ветки в поисках корней и роются под землей в поисках веток. Не могу сказать, что я был удивлен, услышав потом об отравлении мистера Реншо.

— Не были удивлены? Почему?

— Прежде всего, — ответил доктор Фелл, — потому что я этого ожидал.

— Вы ожидали, что мистер Реншо будет убит?

— Я ожидал, что кто-то будет убит, — поправил доктор. — Черт побери! — добавил он ворчливым тоном. — Это было, по крайней мере, вероятным! Неужели я не ясно выразился?

---

¹ Джонсон Сэмюэл (1709–1784) — английский лексикограф.

² Архонты — верховные судьи в Древних Афинах.

— Откровенно говоря, нет, — сказал Батлер. — А что вас интересует в этом деле?

— Массовое убийство, — ответил доктор Фелл. — Позвольте напомнить вам, как я напомнил сегодня мистеру Денему, что за последние три месяца произошло несколько нераскрытых убийств при помощи яда в различных районах страны. По причинам, которыми не стану вас утомлять, я не добавляю в этот перечень дело миссис Тейлор, но с уверенностью добавляю дело Ричарда Реншо. И это увеличивает число отравлений до десяти.

Массовое убийство с помощью яда... В воображении Батлера возникла настолько жуткая картина, что он постарался сразу от нее избавиться.

— Послушайте! Вы ведь не думаете, что все эти случаи связаны между собой?

— Думаю, разрази меня гром! — рявкнул доктор Фелл. — Хотя признаю, что это может быть всего лишь моей извращенной фантазией. И тем не менее я рискну сделать еще одно предположение — что все убийства совершены одним человеком или, по крайней мере, под его руководством.

— Но, боже мой, с какой целью?

— Ради удовольствия и прибыли, — ответил доктор Фелл.

— Одну минуту, — вмешался Чарлз Денем, склонившись вперед на диване. — Вы предполагаете существование чего-то вроде гангстерской организации, убивающей по заказу ради денег?

— Нет-нет! — энергично возразил доктор Фелл. — Такая организация в этой стране просто не смогла бы функционировать.

Он начал бродить по комнате, время от времени издавая загадочное фырканье, грозившее сбросить очки с носа, потом остановился и взмахнул тростью.

— Если не верите мне, спросите у Хэдли. Так называемый преступный мир слишком мал, его представители слишком тесно связаны друг с другом, в нем слишком много осведомителей, обеспечивающих постоянную утечку информации. Слухи о подобной организации дошли бы до Скотленд-Ярда за три недели, не говоря уже о трех месяцах. Нет, профессионального преступника вы можете исключить. И вообще, какая преступная группировка может существовать, так долго не давая

о себе знать? Признаю, что не могу на это ответить. Как могли произойти девять убийств без единого ключа к разгадке? Как мог кто-то приобрести яд, не оставив нигде никаких следов? Как... — Доктор Фелл оборвал себя на полуслове. — О боже! — шумно выдохнул он. — О Бахус!

Словно огромный краснолицый джинн, доктор застыл около большого серебряного канделябра на столе у дивана.

— В чем дело? — резко осведомился Денем.

Доктор Фелл не ответил. Подобрав канделябр, какой можно было встретить в любом более-менее состоятельном доме, он тщательно его обследовал, вертя в руке, заглядывая в гнезда для свечей, царапнув внутри одного из них ногтем и предъявив то, что показалось Батлеру всего лишь следами воска, почерневшего от пыли.

— Доктор Фелл! — сердито обратился к нему барристер, поглощенный мыслями о Люсии и не склонный воспринимать ученого собеседника слишком серьезно.

— Да?

— Может быть, мы вернемся к человеку, которого отравили в этом доме прошлой ночью? Что вы об этом знаете?

— Только то... — доктор поставил канделябр на стол, — что его жена уже некоторое время хотела развода.

— Но вы ведь не можете усматривать в этом мотив?

— Сэр, — отозвался доктор Фелл, нахмутив брови, — я не говорю о мотиве. Я также знаю, что ее муж, вернувшись домой, отпил из графина с отравленной водой и что миссис Реншо по какой-то причине оставалась ночью в его комнате.

— Могу я спросить, кто рассказал вам об этом?

— Боюсь, что я, — послышался в дверях голос Люсии Реншо. Она нервно усмехнулась. — Я позвонила ему. Мне не следовало этого делать?

Да, не следовало! Но Патрик Батлер не мог произнести это вслух.

С чувством разочарования он осознал, что ощущение близости с Люсией исчезло и сегодня уже не вернется. Люсия тепло улыбалась всем трем гостям.

Теперь она была полностью одета в серую блузку, черную юбку, серые шелковые чулки и черные туфли. Прическа, хотя и сделанная в спешке, подчеркивала блеск и мягкость волос. Если Люсия по-прежнему чувствовала себя загнанной в угол,

она ничем этого не проявляла. Рядом с ней в дверном проеме появилось добродушное лицо мисс Агнес Кэннон.

— С вашей стороны было очень любезно прийти сюда, доктор Фелл, — серьезно сказала Люсия. — Я не просила вас, потому что... ну, из-за жуткого положения, в котором оказалась. Уверена, что мистер Батлер и мистер Денем смогут в этом разобрататься. А где доктор Бирс?

— Нас четверо, — пробормотал Денем, поднявшись, и добавил более громким голосом: — Он был здесь, Люсия, но ему пришлось уйти. Вечерний прием.

— О, я очень сожалею! — Люсия выглядела виноватой. — Я не хотела причинять ему неудобства. Понимаете, наверху я места себе не находила, и милая Агнес — мисс Кэннон — уговорила меня спуститься.

Милая Агнес, с раздражением подумал Патрик Батлер, заслуживает хорошего пинка футбольной бутсой.

— Но я хотела поговорить с вами, доктор Фелл, — быстро продолжала Люсия, — потому что вы все знаете о запертых комнатах.

— О запертых комнатах? — воскликнул Батлер. — Но здесь нет никакой запертой комнаты!

— Конечно нет. Но как кто-то, кроме меня, мог отравить воду в графине? Если вы позволите сообщить вам все обстоятельства, доктор Фелл...

И она стала рассказывать.

Батлер все сильнее приходил в ярость, скрывая это под маской высокомерия. Как бы отделяя себя от происходящего, он отошел и сел у письменного стола.

Тем временем сбивчивый рассказ Люсии о графине, который ополоснули и наполнили из крана, яде, выпитом под распятием, Дике Реншо, корчившемся в предсмертных судорогах, словно наполнял комнату злыми чарами, как ранее спальню наверху.

Батлер заметил с глубоким удовлетворением, что доктор Фелл становится таким же озадаченным и сбитым с толку, как он сам. Под конец рассказа доктор, расположившийся на краю дивана, выглядел настолько ошеломленным, что даже Люсия обратила на это внимание.

— В чем дело? — спросила она. — Что-нибудь не так?

— Все не так, разрази меня гром! — пропыхтел доктор Фелл. — Это совсем не то, чего я ожидал, миссис Реншо. —

Он взъерошил седеющие волосы, при этом казалось, будто у него увеличилось число подбородков. — Я ожидал...

— Чего?

— Взять хотя бы один маленький пункт относительно характера вашего мужа...

— Не хочу, чтобы вы думали, будто мне не жаль его! — воскликнула Люсия. — Мне очень жаль!

— Тебе незачем жалеть его, дорогая, — внезапно заговорила мисс Агнес Кэннон мягким и хорошо поставленным голосом, стоя позади кресла Люсии. — Я и раньше говорила тебе, что ему было бы лучше умереть.

— Вы не должны так говорить, Агнес!

— Дик Реншо был прохвостом и распутником! — заявила мисс Кэннон. Ее глаза за стеклами пенсне наполнились слезами. — Он гонялся за юбками и жил не по средствам. — Неожиданно она добавила: — Он был трутнем, угрем и мотыльком!

Доктор Фелл недоуменно заморгал:

— Э-э... харрумф... прошу прощения?

Патрик Батлер быстро поднялся.

— Термины, которые она упомянула, — объяснил он, — наше лейбористское правительство использует по адресу тех, кто работает головой, а не руками.

В глазах мисс Кэннон вспыхнул фанатичный огонь, впрочем, как и в глазах Батлера.

— Правительство, молодой человек, тоже не работает руками, — заметила она.

— Нет, мадам. И головой оно тоже не работает. Я бы уважал его больше, если бы оно делало то или другое.

— Вас следует посадить в тюрьму за то, что вы дурно говорите о правительстве, молодой человек! — заявила мисс Кэннон. — Мы живем в демократической стране!

— Мадам, — Батлер закрыл глаза, — ваше замечание настолько очаровательно, что его жаль портить комментариями. Я принимаю его безоговорочно.

— Перестаньте! — рявкнул доктор Фелл. Когда воцарилось молчание, он продолжал более спокойно: — Я разделяю чувства мистера Батлера. В случае необходимости я мог бы выразить их так горячо, что обрушились бы стены. Вот почему мы не должны обсуждать это теперь. Чувства с обеих сторон

слишком сильны, чтобы говорить разумно. Может быть, мне будет позволено задать миссис Реншо важный вопрос о смерти ее мужа?

Люсия кивнула — ее темно-красные губы пламенели даже на раздумывавшемся лице. Она выжидающе склонилась вперед в кресле.

— Вы сказали, что эта девушка — Китти, — снова заговорил доктор Фелл, — поменяла постели. Вы также велели ей подмести и стереть пыль?

— Подмести и... Зачем вам это знать?

— Да или нет?

— Я не уверена. Но помню, как она подметала ковер с моей вязальной корзиной, висящей на руке. Да, думаю, она стерла пыль.

— Увы! — вздохнула мисс Кэннон и дружелюбно улыбнулась, показывая, что не обижена из-за политических разногласий. — Как я ни старалась, но не смогла сделать из Люсии хорошую хозяйку. Мне приходится самой заниматься такими вещами. Китти кое-как вытерла пыль, но, к сожалению, мне пришлось уйти. Люсия практически выставила меня из комнаты.

— Только потому, Агнес, что Дик должен был появиться с минуты на минуту!

— В любом случае Китти поработала скверно. Когда я сегодня убирала спальню и ванную, пыли там было полно. — Мисс Кэннон вздрогнула. — Я сделала это после ухода полиции. В пыли даже оставались следы.

Доктор Фелл внезапно выпрямился, заставив диван угрожающе заскрипеть и затрещать.

— Какие следы? — осведомился он.

— Право, не помню, сэр. — Мисс Кэннон слегка попятилась.

— И эти следы остались там?

— Конечно нет — после моей уборки. Уверю вас, сэр...

— Тогда, ради бога, постарайтесь их описать!

Все в комнате застыли как вкопанные. Сидя за письменным столом, Патрик Батлер обнаружил, что сжимает в руке плоский, отполированный морем камень, используемый как пресс-папье. Он вспомнил, что мальчиком в Ирландии мог метко бросать тяжелые камни и еще не утратил этой способности. Ему захотелось облегчить душу, швырнув этот камень в самую сердцевину тайны.

Карие глаза мисс Кэннон прищурились под пенсне.

— Думаю, они выглядели так, будто кто-то царапал пыльный подоконник. Следов было два или три.

— Какую они имели форму?

— Вроде перевернутой буквы «Т». Возможно, с маленьким хвостиком. Не знаю, я не уверена.

Мгновение доктор Фелл оставался неподвижным. Потом он с трудом встал.

— Миссис Реншо, — произнес он тоном, который использовал крайне редко, — я бы хотел, чтобы вы и мистер Батлер поднялись со мной наверх для приватной беседы. Поверьте, это не праздная просьба.

Люсия первая вышла из гостиной, где остались Чарли Денем и Агнес Кэннон. Она шла молча, как будто опасаясь, что при попытке заговорить у нее задрожат губы.

На лестнице доктор Фелл попросил проводить их в спальню Дика Реншо. Все еще молчащая Люсия открыла дверь и нажала кнопку выключателя внутри.

На столике у кровати вновь зажглась лампа под абажуром. Два оранжевых прямоугольника вспыхнули в электронагревателе. Едва взглянув на комнату, доктор Фелл закрыл дверь и повернулся к Люсии и Батлеру.

— Должен признать, мэм, — обратился он к Люсии, — что я форменный старый тупица. Я страдаю умственной недостаточностью. Я вполне способен взять ваш лучший чайник из веджвудского¹ фарфора и бросить его в камин, будучи уверен, что это стол. Но лучше вам услышать это от меня, чем от старшего инспектора Сомса.

— Одну минуту! — вмешался Батлер, но доктор Фелл жестом заставил его умолкнуть.

— Поэтому, — продолжал доктор, — я хочу поговорить с вами в присутствии вашего адвоката и с его разрешения. Ради себя самой не лгите мне. Полиция только начинает работу. Им хватает терпения разоблачить любую ложь. — Выражение его лица стало умоляющим. — Миссис Реншо, в вашем распоряжении имеется сурьма?

— Нет! — в ужасе воскликнула Люсия.

---

¹ Имеются в виду керамические изделия, произведенные английским гончаром Джозайей Веджвудом (1730—1795) и его последователями.

— Вы когда-нибудь покупали ее или пытались купить? В любое время в прошлом?

— Никогда!

Инстинктивно Люсия схватила Батлера за руку, и ощущение близости возникло снова.

— Это само по себе является основой для защиты, — сухо заметил Батлер. — Нельзя осудить даже Сатану, не доказав, что у него был доступ к яду.

— Возможно ли, сэр, — с удивлением отозвался доктор Фелл, — что даже вы не сознаете опасности ситуации?

— Естественно, сознаю! Но даже если осуществится маловероятная возможность ареста Люсии, — Батлер успокаивающе посмотрел на нее, — я смогу добиться ее оправдания.

— Предположим. Это решит вашу проблему?

Батлер с удивлением почувствовал, что все еще держит каменное пресс-папье с письменного стола внизу. Он рассеянно уставился на него, потом посмотрел на доктора Фелла и сунул пресс-папье в карман.

— Предположим, — настаивал доктор Фелл, — вы изобретете объяснение — что, вероятно, смог бы и я — того, как яд оказался в графине. Предположим, вы с триумфом добьетесь оправдания миссис Реншо. Но разве вы не понимаете, что полиция может выдвинуть против нее другое обвинение?

— Какое?

— В убийстве миссис Тейлор.

Глава 8

Несколько секунд Люсия Реншо, казалось, не могла понять, о чем идет речь.

Потом ее рука с розовыми ногтями соскользнула с руки Батлера. Она медленно попятилась от доктора Фелла, слегка сгорбившись, что казалось необычным для такой высокой и грациозной женщины.

Наткнувшись на одну из кроватей, Люсия испуганно обернулась, убедилась, что это не та кровать, на которой умер Дик Реншо, и медленно села, скользнув ладонью по покрывалу.

— Миссис Тейлор? — вскрикнула она. — Тети Милдред? Доктор Фелл кивнул.

— Но это г-глупо! — запротестовала Люсия с видом ребенка, который протягивает руки к огню, одновременно боясь обжечься. — Это нелепо! С этим делом уже покончено!

— Боюсь, что нет. После Джойс Эллис вы были главной подозреваемой.

— Откуда вы знаете? — быстро спросил Батлер.

— Мой дорогой сэр! — проворчал доктор Фелл. — Я с самого начала занимался этим делом. Разве я не говорил вам, что меня вышвырнули из офиса Хэдли, когда я пытался объяснить, что имею в виду? Потом Джойс Эллис оправдали, и кое-кто переключил внимание полиции на миссис Реншо.

— Кто? — прошептала Люсия.

— Мистер Батлер, — ответил доктор Фелл. — Он доказал, к удовлетворению жюри, что запертый дом в действительности не был заперт, что туда мог войти посторонний и многое другое, еще более опасное для вас.

«И я сделал это с помощью фальсификации! — мелькнуло в голове у Батлера. — Ведь Джойс неоднократно уверяла меня, что задняя дверь всю ночь была заперта».

— Хотите, я изложу дело так, каким оно может представляться полиции, миссис Реншо? — спросил доктор Фелл.

Батлер не смотрел на Люсию, которая испуганно вскинула голову.

— Прежде чем я позволю вам задавать какие-либо вопросы моей клиентке, доктор Фелл, — сказал он, — ответьте, на чьей вы стороне.

— На чьей стороне?

— Вы бежите с зайцем или охотитесь с гончими? Либо вы за нас, либо против.

— Слушайте! — Доктор Фелл потер лоб под всклокоченными волосами. — Дело слишком запутано для простых «да» или «нет». Если я смогу прояснить некоторые моменты, то буду целиком на вашей стороне. Но сейчас мне, вероятно, лучше уйти. — Его взгляд устремился к распятию на стене. — Я слишком озадачен.

— Нет! — вскрикнула Люсия. — Пожалуйста, Патрик, заставьте его рассказать нам...

Батлер пожал плечами. Доктор Фелл разглядывал Люсию, которая недоверчиво бормотала «главная подозреваемая...» и «убила тетю Милдред?..» с таким видом, словно шла через

долину, полную змей, не замечая ни одной. Доктор прочистил горло.

— Вы сегодня сказали полиции, что хотели развода?

— Да!

— Мисс Кэннон говорила правду, заявив, что ваш муж жил не по средствам?

— Дик никогда не разговаривал со мной о деньгах. Но думаю, он был по уши в долгах.

— Хм, да. А вы полностью зависели от него финансово? У вас были какие-нибудь собственные деньги?

Голубые глаза широко открылись.

— Нет. Ни гроша.

— Значит, если бы вы просто ушли от него, то остались бы без средств к существованию?

— Очевидно... Я никогда об этом не думала. Кроме того, Дик не позволил бы мне уйти.

— Нам известно, — продолжал доктор Фелл, чей свирепый вид скрывал смущение, — что вы и ваш муж были единственными родственниками миссис Тейлор. Точнее, *вы* были ее единственной родственницей и ее наследницей.

Люсия напряглась всем телом, но ничего не ответила.

— Этим вечером, прежде чем мистер Батлер спустился вниз, я побеседовал с молодым Денемом о завещании миссис Тейлор. Вы унаследовали три объекта недвижимости: дом миссис Тейлор под названием «Приорат», этот дом, именуемый «Домом аббата», и еще один под названием «Часовня». Во всех этих наименованиях ощущается явный привкус религии, верно?

Люсия всего лишь кивнула, словно отвечая на не относящийся к делу вопрос. Казалось, она едва дышит.

— В наличных деньгах и ценных бумагах, за вычетом всех налогов, — настаивал доктор Фелл, — вы унаследовали пятьдесят тысяч фунтов. Такая сумма сделала бы любую женщину независимой от мужа.

— Доктор Фелл, вы ведь не думаете, что я...

— Днем, предшествующим ночи гибели миссис Тейлор, вы вроде бы нанесли ей неожиданный визит?

— Да, но...

— В ваши привычки, кажется, не входило наносить визиты в Бэлем?

— Да, но я бывала у тети Милдред когда могла. Она была старой и одинокой.

— Во время вашего разговора с ней миссис Тейлор упоминала, что ей необходима соль Немо, и жаловалась на ее отсутствие в доме?

Люсия колебалась.

— Она говорила что-то об этом, но я не обратила внимания.

— Понимаете, — проворчал доктор Фелл, — доктор Бирс может удостовериться, что она об этом говорила. Между прочим, вы знали о банке с сурьмой, хранившейся в конюшне?

— Не отвечайте на этот вопрос! — встрепенулся Патрик Батлер.

— Но я действительно знала о ней, — прошептала Люсия. — Билл Гриффитс, кучер, предупреждал всех об этом.

— Перейдем к утру после кончины миссис Тейлор, — продолжал доктор Фелл, имитируя (намеренно?) манеру речи Батлера в зале суда. — Мы знаем, что в замке задней двери не было ключа и что он лежал за дверью на полу коридора. Мистер Батлер доказал...

— Подождите! — воскликнул Батлер. — Это не совсем...

— Не совсем что? — резко осведомился доктор Фелл.

«Господи, я не могу признать, что это неправда, что я сам изобрел эту выдумку и вложил ее в уста Джайс Эллис, что на самом деле ключ был в замке всю ночь!»

— Вы что-то сказали, сэр? — с подчеркнутой учтивостью настаивал доктор.

— Ничего. Прошу прощения.

— Таким образом, — доктор Фелл повернулся к Люсии Реншо, — все очевидно. Кто-то, стоя снаружи, должен был всего лишь вытолкнуть ключ карандашом из замочной скважины, а потом открыть и снова запереть дверь другим ключом. Мистер Батлер доказал...

«Боже всемогущий, к чему все это ведет? Что означает взгляд, который Люсия бросила на меня?»

— ...что это был ключ от замка фирмы «Грирсон». В задней двери этого дома такой же замок, не так ли, миссис Реншо?

— Не знаю!

— К сожалению, такой же. Значит, у вас имелся ключ, подходящий к задней двери «Приората». Конечно, если бы вы могли

представить алиби в ночь с 22 на 23 февраля, это бы все изменило. Где вы были тогда?

— Здесь! В этом доме!

— Кто-нибудь может это подтвердить?

— Нет. Дик отправился в деловую поездку 21-го числа и... — Люсия оборвала фразу, в ее глазах мелькнул страх, а розовые ногти впились в щеку. — Я забыла, что Дик мертв...

— А кто-нибудь из прислуги может подтвердить ваше присутствие здесь?

— Нет. Суббота у слуг выходной день, и они возвращаются только за полночь.

— Тогда как насчет миссис Кэннон?

— Бедная Агнес... ну, платная компаньонка. Дик хотел избавиться от нее. Той ночью она тоже отсутствовала... Но я не могла убить Дика! — вскрикнула Люсия, словно хватаясь за соломинку. — Вы сами только что это сказали! У меня не было яда!

— Мэм, существует еще одна улика, о которой мне придется сообщить вам. Она не фигурировала в суде, так как полиция, абсолютно справедливо, считала ее не относящейся к рассматриваемому делу...

— Ну?

Доктор Фелл дышал с присвистом, как после бега.

— Билл Гриффитс, кучер, заявляет, что из банки было взято больше четырех чайных ложек сурьмы. Это более чем вдвое превышает дозу, принятую миссис Тейлор. Убийца приберег порцию яда про запас. — Он быстро продолжал, не дав ей возможности прокомментировать эти сведения: — Вы сказали, миссис Реншо, что ваш муж не позволил бы вам уйти от него. Почему?

— Если он не мог обладать мною... — золотистые волосы Люсии блеснули, когда она уставилась в пол, — то не собиравался уступать меня кому-то другому.

— Вы боялись его?

— Ужасно!

— Внизу вы процитировали мне, как, вероятно, и мистеру Батлеру, слова Ричарда Реншо: «Если у тебя нет доказательства моей измены — а у тебя их нет, — забудь о разводе. Ты знаешь, что случалось с твоими частными детективами, когда ты подсылала их».

— Да, — шепотом согласилась Люсия, не поднимая взгляд.

— Что он под этим подразумевал?

— Я сама этого стыжусь... — Грудь Люсии бурно вздымалась под серой шелковой блузкой. — Но что мне оставалось делать? Я наняла частных детективов для... слежки за ним. Около недели назад они написали мне, что вынуждены отказаться от поручения, не объясняя причин. Я обратилась в другую фирму, но вскоре их сотрудник сообщил, что им тоже приходится отказаться от этой работы. В итоге я вытянула из него правду.

— И в чем она состояла?

— Один из их агентов — или как они называются — был так избит кастетом, что до сих пор находится в больнице.

Казалось, будто удар кулаком поразил всех участников этого дела или катапульта освободила такое количество сил зла, которое они не могли себе представить. Но доктор Фелл не выглядел удивленным.

— Итак, вы не могли освободиться от вашего мужа. Или думали, что не могли?

— Да, думала. — Голос Люсии звучал жалобно.

— Поэтому для подлинной независимости яд был так же необходим, как пятьдесят тысяч фунтов. И вы убили вашего мужа, как убили миссис Тейлор. Боюсь, приблизительно так будет выглядеть дело против вас.

Наступило молчание.

Сидя на краю кровати, Люсия устала на свои скрещенные лодыжки. Ее глаз не было видно, но щеки перечеркнули две дорожки — следы хлынувших слез. Потом она вскинула голову, и свет вновь блеснул в ее волосах. Голубые глаза с немой мольбой смотрели на мужчин из-под тяжелых век.

Хотя Патрик Батлер и ранее не сомневался в ее невиновности — а он, по его же словам, никогда не ошибался, — взгляд Люсии еще сильнее укрепил его веру в нее. Его сердце устремилось к ней, охваченное любовью, жалостью и таким смирением, какого он не испытывал никогда в жизни.

Но Люсия смотрела на доктора Фелла.

— Вы действительно так думаете обо мне? — с удивлением спросила она.

— Нет-нет! — возразил доктор, делая гипнотические пассы с такой энергией, что накидка взвилась за его спиной.

— Тогда почему вы...

— Проклятье, я же объяснил! Это обвинение, которое может предъявить вам полиция. — Его тон изменился. — Но с одной его частью я согласен. Эти две гибели — миссис Тейлор и мистера Реншо — взаимосвязанные факторы одного преступления. Наш убийца ответствен за обе смерти.

— Но что думаете вы? — спросила Люсия. — Вы сказали, что когда проясните кое-какие моменты, то будете знать, верить мне или нет. Так говорите!

— Моя дорогая леди! — Доктор Фелл выглядел ошеломленным. — Я еще не задал вам ни одного вопроса о том, что интересует меня больше всего! Таких вопросов всего два, но они перевешивают все остальное. Разрази меня гром, если это не так!

— Что это за вопросы?

Доктор Фелл наморщил лоб:

— Вы присутствовали в зале суда в первый день процесса и слышали показания Алисы Гриффитс, служанки миссис Тейлор. Она сказала, что во время вашего визита в «Приорат» у вас с миссис Тейлор был «крупный разговор» о религии. Что она под этим подразумевала?

Вопрос озадачил Патрика Батлера не менее, чем саму Люсию.

— О религии? — переспросила она.

— Да!

— Но я не припоминаю... Хотя постойте! — Глаза Люсии блеснули. — Кажется, тетя Милдред что-то говорила о переходе в католичество.

Сбитый с толку доктор Фелл недоуменно моргал, придерживая очки на черной ленте.

— Вы в этом уверены? — допытывался он. — Вы уверены, что миссис Тейлор использовала слова «католическая церковь»?

— Да, насколько я помню. Тетя Милдред была приятной женщиной, но обладала странным чувством юмора — например, называла доктора Бирса Амброз¹, — а после каждой шутки ухмылялась, показывая зубы, как волк. Конечно, я сказала, что мы принадлежим к англиканской церкви!

— Мой последний вопрос! — Он внимательно посмотрел на нее. — В наши дни леди еще носят подвязки?

---

¹ Бирс Амброз (1842–1914?) — американский писатель.

«Старик рехнулся! — подумал Батлер. — Или нет?»

— Почему... — начала Люсия, но тут же осеклась. — Вообще-то нет, — сухо ответила она. — Последнее время их не делают.

— Даже красные подвязки? — настаивал доктор Фелл.

Внезапно Патрик Батлер знаком велел им умолкнуть.

Уже некоторое время чисто животный инстинкт подсказывал ему, что кто-то подглядывает или подслушивает. Чувство усиливало то, что он как бы не принимал участие в разговоре. Посмотрев в сторону двери на галерею, где теперь горел свет, Батлер увидел, что замочная скважина темная. Ощущая себя персонажем фарса, он подкрался к двери и распахнул ее.

Снаружи, слегка наклонившись, чтобы лучше слышать, стояла испуганная горничная Китти Оуэн. Но когда девушка выпрямилась, она не казалась обескураженной.

— В чем дело, Китти? — поднявшись, спросила Люсия небрежным тоном, как будто горничная постучала в дверь.

— Я искала вашу вязальную корзину, мэм. Могу я войти и посмотреть, нет ли ее здесь?

— Да, конечно.

Китти поправила кружевной чепчик. Что выражал ее взгляд, обращенный на Люсию, когда она скользнула в комнату? Неприязнь? Нет. Чувство превосходства? Возможно. Батлер, испытывая смутное беспокойство, пытался это анализировать.

За все это время Люсия ни разу не подняла на него глаз.

— Китти обожает вязание, — объяснила она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Таскает с собой эту корзину, как сокровище, и заканчивает все вещи, которые я начинаю вязать. Но мисс Кэннон запрещает ей носить в корзине книги. Ты нашла ее, Китти?

Горничная подобрала корзину с другой стороны комода, куда она, очевидно, упала.

— Да, мэм. Я dokonчу свитер, если вы не возражаете.

— Хорошо. Тогда иди.

Китти шмыгнула к выходу. Но, пробегая мимо Батлера, она быстро взглянула на него, и в ее темно-карих глазах отразились такие же удивление и страх, как ранее у входной двери.

— Вы напоминаете мне мистера Реншо! — сказала Китти, прежде чем дверь закрылась за ней.

Люсия, стоя посреди комнаты, выглядела как женщина на грани истерики.

— Надеюсь, вы извините меня, — сказала она, — если я больше не стану слушать о том, в чем я виновна. Доктор Фелл...

Она оборвала фразу, не обнаружив его на прежнем месте. Можно было лицезреть только черную накидку, увенчанную копной взъерошенных волос. Старый джентльмен стоял между кроватями, уставясь на графин с водой на столике.

Подойдя, Батлер тоже посмотрел на графин. Воды в нем оставалось только на доньшке, и она была полна микроскопических пузырьков, сверкающих при свете.

— Мэм, — не оборачиваясь, заговорил доктор Фелл, — ваш муж выпил столько воды, сколько не хватает в этом графине?

— Нет-нет! Полиция забрала большую часть для анализа — так сказал мне старший инспектор. И это последний вопрос, на который я отвечаю сейчас или в любое другое время.

Батлер повернулся и посмотрел на нее.

— Послушайте, Люсия...

— Я была бы рада, мистер Батлер, — прервала она, — если бы вы больше не вмешивались в мои дела.

Хотя Батлер чувствовал себя получившим пощечину, он мог понять Люсию. Любая женщина на ее месте потеряла бы контроль над собой.

— Пожалуйста, выслушайте меня, — мягко произнес он. — Нет ни капли прямых доказательств, что вы убили миссис Тейлор. Возможно, внешне это выглядит скверно...

— Да. А по чьей вине?

Сердце Батлера упало, хотя лицо оставалось бесстрастным.

— Право, не понимаю.

— «Мистер Батлер доказал то и это», — передразнила Люсия. — Мне казалось, я закричу, если еще раз это услышу. В хороший угол вы меня загнали, верно?

— Защищать клиентку было моим профессиональным долгом.

— Нападая на меня?

— Вам кажется, я нападал на вас?

— А разве нет? Разве вы не научили лгать вашу свидетельницу?

— Вам следовало подумать, прежде чем задавать этот вопрос, миссис Реншо. Если говорить о профессиональной этике...

— Я вас ненавижу! — Глаза Люсии вновь наполнились слезами. — Вы тоже против меня!

— Не будьте душой!

— Как интересно! — усмехнулась Люсия, продемонстрировав легкомыслие светской женщины. — Теперь я еще и дура!

— Я прошу прощения. Но вас может заинтересовать и то, что я нарушил неписанный закон, даже придя сюда.

— Еще интереснее!

Батлер скрипнул зубами.

— Это работа для солиситора. Именно он выслушивает рекомендации защитника. Я здесь потому... сам не знаю... с альтруистической целью.

— Убирайтесь! — крикнула Люсия.

Патрик Батлер чопорно поклонился. В слепой ярости, но и с болью в сердце, так как Люсия никогда не казалась такой желанной, он вышел, закрыл за собой дверь и медленно спустился по лестнице, как сквозь туман видя тусклые огни и роскошную мебель холла.

Его пальто и шляпа лежали на одном из стульев. Батлер медленно надел пальто, как будто у него болели спина и плечи. Проходя по коридору, он увидел Чарлза Денема, уже в пальто и с котелком в руке, ожидающего у парадной двери.

— Не достаточно для одного вечера? — осведомился Денем.

— Что? Да, конечно.

Денем открыл входную дверь.

— Кажется, я, как и доктор Бирс, здесь нежеланный гость. Уже половина восьмого, Пэт. Мне нужно пообедать.

— А мне нужны шестнадцать порций выпивки, — отозвался Батлер.

Сырой холодный воздух сомкнулся вокруг них, когда они вышли из дома. Денем закрыл дверь и быстро взглянул на своего спутника.

— Значит, ты уже произвел рентгеновское обследование Люсии Реншо? — спросил он.

— Эта женщина не более виновна, чем ты! — рявкнул Батлер.

— Разумеется, — спокойно отозвался Денем. — Но давай посмотрим правде в глаза, Пэт. Она стопроцентная эгоистка, у которой сердце каменное, как... — Он устремил взгляд на асфальтированный тротуар за тонкой дощатой оградой.

Батлер заметил этот взгляд.

— Это ложь!

— Я не сомневался, что она попросит тебя о помощи. Но ты хоть понимаешь, как трудно тебе будет ее защищать?

По обеим сторонам дома тянулись отходящие от дощатой ограды невысокие каменные бордюры, за ними виднелись засохшие кусты роз. Какой-то мальчишка, очевидно не лишенный эстетических наклонностей, поместил на левый бордюр пустую банку, которая ранее вполне могла содержать соль Немо. Батлер видел, как она поблескивает при свете уличного фонаря.

— Я буду защищать ее! — заявил он. — И надеюсь, что судьей опять будет чертов Стоунмен!

— Какая жалость, — вздохнул Денем. — Разве ты не предпочитаешь, чтобы твои клиенты были виновны?

— Я всего лишь сказал...

— На какую славу или забаву можно рассчитывать, защищая невинного?

В этот момент Батлер, поправляя пальто, нащупал во внутреннем кармане пиджака гладкий отполированный камень с письменного стола. Он вытащил его и взвесил в руке, интересуясь, удастся ли ему попасть им в банку на бордюре.

— Строго между нами, Пэт, как ты намерен ее защищать?

— Не знаю.

— У тебя нет даже намек на идею?

— Пока нет.

Чарлз Денем начал смеяться.

Батлер, все еще смотревший на банку, резко повернулся к нему:

— Что тут смешного, черт возьми?

— Извини. Абсолютно ничего. Но похоже, тебе не удастся добиться оправдания единственного клиента, в чьей невинности ты уверен.

Батлер с размаху швырнул камень. Банка со звоном полетела в сторону, а камень упал на дорогу. Из гущи засохших кустов роз послышалось сердитое кошачье мяуканье.

Этим вечером Батлер напился. В одиннадцать часов, когда он поглощал виски с водой в клубе «Голубой пес» на Беркли-сквер, Люсия Реншо раздевалась перед сном, отражаясь во множестве зеркал своей спальни.

Она села, чтобы снять чулки. Несколькими дюймами выше колен чулки придерживали маленькие круглые подвязки красного цвета. Прежде чем спустить их, Люсия задумчиво посмотрела на свое отражение в высоком зеркале.

Глава 9

Ну, он покончил с Люсией Реншо и со всем этим делом! Он сыт им по горло!

Когда Батлер на следующее утро спускался завтракать, мучаясь от сильной головной боли, он уже принял это решение. Виски убедило его, что ему не следует ни от кого терпеть отповеди и оскорбления, — пускай эта женщина ищет себе адвоката где-нибудь еще. Престарелая экономка, миссис Пастернак, ожидала его в столовой.

— Доброе утро, миссис Пастернак.

— Доброе утро, сэр. Я взяла на себя смелость...

— Миссис Пастернак, — прервал ее работодатель, кривя в болезненной гримасе лицо, — на сегодня у меня не назначено никаких деловых встреч. Я не желаю разговаривать даже со своим клерком. Если позвонят по телефону, меня нет дома. Это все, спасибо.

Старый уютный дом Батлера находился на Кливленд-роу, напротив музея «Конюшенный двор». Утро выдалось сырым, и окна столовой заволокло туманом. Так как было начало десятого, электричество, газ и отопление пришлось выключить, и маленькая комната XVIII века казалась обледневшей.

На тарелке лежали две сосиски. Поскольку в них было куда больше крахмала, чем мяса, они вызывали у Батлера тошноту. Налив себе чай, который, по крайней мере, был горячим, он рассеянно посмотрел на несколько писем рядом с тарелкой и подобрал лежащий сверху серый конверт с адресом, написанным карандашом и печатными буквами.

Вскрыв конверт, Батлер прочитал краткое послание, которое было написано тем же шрифтом:

**«ДЕРЖИТЕСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ ДЕЛА РЕНШО.
ЭТО ПЕРВОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ».**

Батлер выпрямился на стуле, выпятив подбородок и выдавив злобную улыбку. По телу разлилось приятное тепло.

— Ну-ну! — весело пробормотал он.

Телефон находился в столовой. Быстро допив чай и налив себе еще одну чашку, Батлер отнес ее к аппарату, нашел в книге номер Люсии и набрал его.

— Могу я поговорить с миссис Реншо?

— Боюсь, что нет, — ответил знакомый голос мисс Кэннон. — Кто ее спрашивает?

— Мистер Батлер, дорогая моя, — сообщил упомянутый джентльмен, всюду используя дублинский акцент. — Позовите ее к телефону и не болтайте чепуху.

На другом конце провода послышалось нечто вроде возни.

— Патрик! — Голос Люсии был нежным и виноватым. — Я как раз собиралась позвонить вам и извиниться за то, что была такой неблагодарной вчера вечером.

— Не стоит извиняться. Вы были расстроены.

— Если бы я могла загладить это...

Сердце Батлера громко пело.

— Можете, — заверил он ее. — Сходите сегодня со мной на ленч.

Последовало молчание, сменившееся возобновлением звуков возни и бормотанием на заднем плане.

— Но я не могу! — Однако ее тон подразумевал: «Пожалуйста, настаивайте!»

— Почему?

— Ну... ведь Дик только что умер...

— Вы ненавидели эту свинью, и отлично это знаете. По этому случаю наденьте ваше лучшее платье. Встретимся в вестибюле «Клариджа», возле входа в маленький ресторанчик под лестницей, в половине первого.

Он живо представил себе Люсию, услышав тоскующие нотки в ее голосе.

— Может быть, я приду, — согласилась она.

— Прекрасно! И еще одно. — Его глаза блеснули. — Вчера вечером вы рассказали о фирме частных детективов, в которую вы обращались. Один из их людей, который наблюдал за вашим мужем, был избит кем-то, использовавшим кастет. Ваш муж избил этого человека?

— Господи, конечно нет! Такое... не похоже на Дика.

— Так я и думал. Он бы поручил кому-то другому грязную работу. Возможно, мне удастся что-нибудь разузнать в этой фирме. Не дадите мне ее название и адрес?

Голос Люсии звучал неуверенно.

— Адреса я не помню — где-то на Шафтсбери-авеню, а называется она просто «Смит-Смит. Конфиденциальность гарантирована». Вы можете отыскать эту фирму в телефонном справочнике. Но зачем она вам нужна?

— Я просто обдумывал линию расследования. Итак, в «Кларидже» в половине первого?

— В «Кларидже» в половине первого, — повторила Люсия.

Положив трубку, Батлер был готов плясать от радости. Если он этого не сделал, то только потому, что был верен традициям — хотя бы внешне — с тех пор, как стал адвокатом. Но он ел мерзкие сосиски и тосты с маслом, запивая их чаем, со всеми признаками удовольствия. Миссис Пастернак, наблюдавшая за ним сквозь открытую дверь, решила, что по окончании завтрака наступил благоприятный момент.

— Прошу прощения, сэр, — заговорила она, скользнув в столовую. — Я взяла на себя смелость просить молодую леди подождать в библиотеке.

— Попросили кого?

— Молодую леди, сэр, — ответила миссис Пастернак, слегка подчеркнув последнее слово.

Миссис Пастернак отнюдь не была моралисткой. Но женщины, которых она именовала «особами», в этот час утра имели обыкновение скорее покидать дом мистера Батлера, чем являться туда.

— Кто она?

— Некая мисс Джойс Эллис, сэр.

Проклятье! Отшвырнув салфетку, Батлер поднялся, как сердитый школьник. Неужели он никогда не отделается от этой чертовой девицы? Хотя по-своему она была привлекательна. Он с удивлением вспомнил, что Джойс снилась ему прошлой ночью. Возможно, она пришла извиниться за свое поведение в кафе.

— Я повидею ее, — сказал он миссис Пастернак.

По другую сторону коридора находилась маленькая библиотека, чьи полки содержали почти такую же большую коллекцию книг о преступлениях, как библиотека доктора Гидео-

на Фелла. Белый туман за окнами делал тусклыми корешки книг и каминные инструменты, погружая в глухую тень кожаные кресла.

Джойс, сидящая за маленьким столиком и рассеянно листаящая «Процесс Аделаиды Бартлетт»¹, поднялась при виде Батлера.

— Простите, что беспокою вас, — извинилась она. — Я знаю, что это выглядит навязчивостью.

— Навязчивостью? — воскликнул Батлер. — Как вы можете... — Взгляд Джойс заставил его умолкнуть.

«Меня не заботит, что вы мне скажете или даже сделаете, — говорил этот взгляд так же ясно, как могли бы произнести уста. — Но, ради бога, прекратите изображать этот нелепый акцент!»

Патрик Батлер так разозлился на самого себя, что это его удивило. Возможно, он снова притворялся, но волна гнева причинила боль. Он придвинул стул ближе к девушке и сел.

— По-вашему, я осел?

— Нет! — Глаза Джойс потеплели. — Это одна из черт, которая делает вас таким оригинальным... словом, самим собой.

— Ладно, к дьяволу все это!

— Я пришла к вам, — продолжала Джойс, — так как знаю, чем вы занимаетесь, и думаю, что могу вам помочь.

Батлер выпрямился — его позерства как не бывало.

— Вы знаете, чем я занимаюсь?

— Да. Вечерние газеты сообщили об отравлении мистера Реншо.

— Но даже если так...

Джойс положила на стол «Процесс Аделаиды Бартлетт».

— Мистер Денем приезжал в тюрьму Холлоуэй. Он знал, что я должна была вернуться туда за несколькими мелочами, которые оставила в своей камере, и думал, что я могла сообщить надзирательнице или еще кому-нибудь, куда я отправлюсь.

— Но когда старина Чарли успел это сделать? Он был со мной до обеденного времени!

— После того как вы расстались. У старшей надзирательницы есть сестра, которая содержит меблированные комнаты

---

¹ Имеется в виду громкий процесс, состоявшийся в 1886 г. в Лондоне. Аделаиду Бартлетт обвиняли в отравлении мужа, но оправдали за недостатком улик.

в Блумсбери. Она рекомендовала меня ей по телефону, и мистер Денем нашел меня там. — Джойс поколебалась. — Он...

— Что не так со стариной Чарли?

— Ничего, — поспешно заверила девушка. — Он просто поговорил со мной — люди часто со мной разговаривают. — Она скривила хорошенькие губки. — Как бы то ни было, я знаю, что вы собираетесь защищать миссис Реншо, и, мне кажется, могу помочь вам.

— Как?

Джойс склонилась вперед. На ней все еще были вчерашние неуклюже скроенный костюм и желтый джемпер, хотя пальто отсутствовало. Но она сходила к парикмахеру, и от нее больше не исходил аптечный запах тюремного мыла.

— Вы хотите знать мотивы этих убийств? — Джойс тряхнула черными волосами.

— Естественно!

— Я почти два года прожила в доме миссис Тейлор. Мне она нравилась — думаю, другим тоже. Но люди вроде меня никогда не замечают мелочей. А потом, внезапно... — Девушка оборвала фразу. — Понимаете, мистер Батлер, вы не слишком наблюдательны.

Не только очередной приступ головной боли вынудил Батлера стиснуть подлокотники стула.

— Кроме того, — добавила Джойс, — вы слишком... здоровый. Вот почему...

— Понятно. Вы меня заинтриговали. Значит, я не наблюдателен?

Его тон заставил Джойс Эллис вскинуть голову.

— Вы могли бы прочесть занимательную лекцию о наблюдательности всем двенадцати судьям Верховного суда, — продолжал Батлер. — Прошу прощения, мисс Эллис, но меня это вряд ли заинтересует.

— Вы не хотите никого слушать?

— Как правило, нет.

— И даже не хотите выслушать то, что я собираюсь сказать? Батлер встал и посмотрел на часы.

— Может быть, как-нибудь в другой раз. Прошу прощения, но у меня на это утро назначен ряд встреч. Надеюсь, вы поймете...

— Конечно. — Джойс добавила, когда он протянул руку к звонку: — Благодарю вас, меня не нужно провожать.

Батлер почувствовал угрызения совести. Возможно, подумал он, причина в том, что у этой девушки превосходная фигура.

— Возможно, — предложил он, — если вы пообедаете со мной в какой-нибудь вечер...

Джойс повернулась к двери:

— Я не собираюсь видеться с вами, пока не смогу назвать вам имя настоящего убийцы.

Батлер расхохотался:

— Желаю удачи! Но неужели вы думаете, что сможете найти разгадку раньше меня?

— Я могу попытаться. — Джойс бесшумно двинулась по старым полированным доскам коридора и исчезла в белом тумане, закрыв за собой входную дверь.

Когда Батлер стоял в полутемной комнате со стенами, уставленными книгами, ему казалось, что под конец каждой встречи с Джойс Эллис он либо проклинал ее, либо восхищался ею, а иногда делал то и другое. Мысль о Джойс как о детективе забавляла Батлера, но мысли об этой девушке вылетели у него из головы, когда он встретился за ленчем с Люсией Реншо.

Батлер прибыл в «Кларидж» более чем на полчаса раньше условленного времени на тот случай, если Люсии тоже придет в голову прийти раньше.

Так как, согласно указу правительства, включать электрический свет было еще рано, в просторном вестибюле «Клариджа» горело множество свечей, отражавшихся в зеркалах.

Но электричество включили, когда Люсия, опоздав на полчаса, быстро вошла через вращающиеся двери, поднялась по мраморным ступенькам и приветствовала Батлера с виноватым видом.

— Не могла поймать такси, — объяснила она и с упреком посмотрела на него. — Почему вы смеетесь?

— Я не смеялся, честное слово!

— Нет, смеялись!

— Я просто подумал о докторе Фелле. Как он сначала разглядывал серебряный канделябр, а потом задал нелепый вопрос, носят ли еще леди в наши дни подвязки, хотя бы красные.

— Это не слишком забавно, Патрик, — заметила Люсия после небольшой паузы.

— Знаю. Меня просто интересовало, что он имел в виду. Ну, пошли?

Маленький рестораник с красной кожаной мебелью был так переполнен, что им пришлось дожидаться свободного столика. Все это время и за ленчем Люсия болтала о пустяках с беспечностью, за которой, как догадывался Батлер, скрывался страх. Неминуемый арест приближался с каждой минутой. Однако ее привлекательность, голубые глаза и сияние светлых волос, подчеркнутое синим костюмом под норковым мантио, словно черпали силу из этого страха. Батлер восхищался ее мужеством.

Они сидели рядом. Только когда подали кофе и они закурили сигареты, Люсия заговорила о том, что ее терзало:

— Я знаю, что у этого доктора Фелла солидная репутация. Но по-моему, он слабоумный!

— Боюсь, что нет.

Она посмотрела на него:

— Но ведь вы слышали его глупые вопросы?

— Да. Иногда я сам думал, что у него не все дома. Но Гидеон Фелл далеко не дурак.

— Я также слышала, что он поднял суету из-за обычного серебряного канделябра в гостиной!

— Да, — кивнул Батлер. Его грызли сомнения. — Насколько я понял, доктора Фелла заинтересовало, что одно из гнезд для свечей не было чистым.

— Но оно было чистым!

— Прошу прощения?

— Китти рассказала нам об этом сегодня утром. Мисс Кэннон расстроилась — бедняжка не терпит беспорядка... Мы спустились и проверили канделябр — все гнезда были отполированы до блеска.

— Вчера вечером одно из них не было отполировано, Люсия. Я могу это подтвердить. Должно быть, кто-то...

Батлер сделал паузу. Головная боль прошла, и мысли проявились. Слово «кто-то» начинало маячить у него в голове, как лицо в маске.

— Не важно, — сказал он. — У меня для вас две новости.

— Вот как? Хорошие?

— Во-первых, этим вечером вы обедаете со мной.

Этой новости Люсия не ожидала, но не проявила ни колебания, ни кокетства. Положив сигарету на край блюда, она устремила на Батлера взгляд, ослепивший его.

— С удовольствием, если вы позволите мне сделать одно предложение. Думаю, я достаточно хорошо вас понимаю и могу надеяться, что вы не будете шокированы. Не могли бы мы пообедать и потанцевать в каком-нибудь местечке с дурной репутацией?

Батлер был в восторге.

— Разумеется! Мы так и поступим! — Однако он, занятый барристер, ведущий осмотрительную жизнь, имел весьма ограниченное представление о подобных местах. — Конечно, если вы вспомните такое местечко.

— Я знаю одно, — быстро сказала Люсия. — Правда, я никогда в нем не была, но говорят, что там очень забавно. Никто не знает, с кем танцует.

— То есть как?

— Не имеет значения! — Люсия махнула рукой. — Увидите сами! У вас есть карандаш и бумага?

Батлер протянул ей карандаш и старый конверт.

— Я не помню названия клуба, но вот адрес. — Люсия написала «Дин-стрит, 136», подчеркнула надпись и вернула конверт и карандаш. — Это в Сохо¹. А потом... — Ее облик светской женщины контрастировал с детски невинной складкой губ. — Хотите испытать настоящее приключение, не спрашивая, в чем оно состоит?

— Хочу ли я? — воскликнул Патрик Батлер из графства Антрим². — Ничего не желаю больше этого! Знаете что? Я вечером пришлю за вами машину...

— Нет-нет! Нельзя ездить в этот район в лимузине. И никакой формальной одежды — наденьте старье. Встретимся там в восемь. — Люсия коснулась его руки. — Если меня арестуют, я намерена сначала повеселиться!

— Это моя вторая новость. — Батлер склонился ближе к ней. — Вчера вечером я говорил, что вам не о чем беспокоиться.

---

¹ С о х о — район в центре Лондона, известный увеселительными заведениями.

² А н т р и м — графство на северо-востоке Северной Ирландии.

— Почему?

— Потому что я знаю, как доказать вашу невиновность.

— Я хочу, чтобы вы рассказали мне об этом, мистер Батлер, — услышался рядом мужской голос.

Люсия подскочила как ужаленная. Батлер тоже вздрогнул. Возле их столика стоял с бесстрастным лицом суперинтендент Хэдли.

Несмотря на старый плащ, Хэдли отнюдь не выглядел здесь неуместно. Он был высоким и широкоплечим; волосы цвета стали и коротко подстриженные усы придавали ему облик отставного военного. Патрик Батлер разрывался между высокомерием и дружелюбием.

— Я не знал, что человек вашего положения снисходит до слезки за людьми. — Его рука сжала дрожащую руку Люсии. — Миссис Реншо, позвольте представить вам суперинтендента Хэдли из отдела уголовного розыска.

— Я вас не выслеживал. — Хэдли не стал уточнять, что Люсия уже два дня была, как говорят в угрозыске, «под колпаком». — Не возражаете, если я присяду ненадолго?

Батлер подозвал официанта и придвинул стул. Хэдли сел напротив них и положил на столик шляпу-котелок.

— Я несколько не возражаю рассказать вам все, что знаю, — продолжал Батлер, — так как верю в то, во что верит доктор Фелл. Кстати, вы видели его?

— Видел сегодня утром, — сердито буркнул Хэдли. — Он выразался так же понятно, как обычно.

— Он верит, что существует преступная организация, отравляющая людей, не оставляя никаких улик.

— Говорите тише, — сказал Хэдли, не отводя глаз от Батлера и Люсии.

— Эта группа маньяков действует под каким-то прикрытием — не знаю под каким. И я понятия не имею, — Батлер сжал кулак, — как это может быть связано с обычным канделябром, замысловатым следом в пыли и женщиной в красных подвязках. Но держу пари, что могу сообщить вам, кто возглавлял всю группу.

— Превосходно. Кто же ее возглавляет?

— Я сказал «возглавлял», — поправил Батлер, вполне сознавая, какую бомбу собирается взорвать. — Главой преступ-

ной группы, которого отравили, чтобы другой мог занять его место, был мистер Ричард Реншо.

Люсия опрокинула кофейную чашку.

Это была маленькая чашка, и в ней было мало кофе, но она звякнула достаточно громко, несмотря на гул голосов. Сигарета Люсии на блюде зашипела и погасла.

— Дик — преступник? — недоверчиво воскликнула она. — Это невозможно! Знаете, он всегда выбирал мне одежду, — весьма непоследовательно добавила Люсия.

Батлер улыбнулся Хэдли:

— Обратите внимание, что миссис Реншо ничего об этом не знает. Доктор Фелл вчера вечером задавал ей странные вопросы, чтобы убедиться в этом. — Тон Батлера изменился. — Найдите человека, который занял место Реншо во главе группы убийц, и вы найдете отравителя. Что скажете, мистер Хэдли?

Челюстные мышцы суперинтендента напряглись.

— Мы добываем информацию, мистер Батлер, а не сообщаем ее. Тем не менее... — Пальцы Хэдли барабанили по скатерти. — Тем не менее я готов с вами согласиться. У Реншо было три банковских счета на разные имена. — Он посмотрел на Люсию. — Если вы невиновны, миссис Реншо, то будете богатой женщиной.

«Господи, я был прав!»

Батлер стукнул кулаком по столу:

— Почему вы не идете по этому следу, суперинтендент?

— Хм. А как бы вы это сделали?

— Человек из фирмы под названием «Смит-Смит. Конфиденциальность гарантирована» был избит двумя громилами, которые были на жалование у Реншо. Этот Смит-Смит, или кто бы он ни был, должен знать этих ребят. От них потянетсся ниточка к Клубу убийц!

На суровом лице Хэдли мелькнуло подобие улыбки.

— Как ни странно, мистер Батлер, мы уже об этом думали. Смит-Смит, чье настоящее имя Люк Парсонс, действительно гарантирует конфиденциальность. Мы не смогли вытянуть из него ни слова.

— Хотите пари, что я смогу?

— Понятно. — Хэдли окинул его взглядом. — Хотите сами прыгнуть в это болото?

— Обеими ногами.

— Это немного рискованно, верно?

Батлер был искренне удивлен.

— Вы думаете, я боюсь этих подонков? Фактически мне уже угрожали.

— Каким образом?

— Запиской, позаимствованной у Секстона Блейка¹. «Держитесь подальше от дела Реншо. Это первое и последнее предупреждение», — сухо объяснил Батлер. — У меня солидный профессиональный опыт общения с преступниками, суперинтендент.

— Вы имеете в виду, что помогли многим из них остаться на свободе?

— Совершенно верно, — благодушно согласился Батлер. — И ни у кого из них не было ни капли ума.

Подбородок Хэдли напрягся еще сильнее.

— По-вашему, ум способен справиться с бритвой у вашей физиономии? Или с картофелиной, начиненной бритвенными лезвиями?

— Я буду об этом беспокоиться, когда попаду в такую переделку.

— А вы вообще попадали в настоящие переделки? Умеете работать кулаками?

— Нет, — с презрением ответил Батлер. — Было недосуг учиться.

— Было недосуг... — Не договорив, Хэдли склонился вперед, опершись локтями на стол. Его серо-стальные волосы и усы контрастировали с яркими красками и веселой болтовней ресторанчика. — Послушайте, мистер Батлер. Сейчас послевоенное время. Весь Ист-Энд² перебрался на Пиккадилли-Серкус³. Предоставьте эту работу нам. Я предупреждаю вас, потому что...

— Почему?

— Потому что не могу выделить людей для вашей охраны!

Какое-то время Батлер молча смотрел на него сквозь дым сигареты, почти обжигавшей ему губы.

---

¹ Секстон Блейк — сыщик, персонаж английских комиксов, часто именуемый «Холмсом для бедных».

² Ист-Энд — восточная, «пролетарская» часть Лондона.

³ Пиккадилли-Серкус — площадь в центре Лондона.

— А кто просил у вас охрану? — спокойно осведомился он. — Да я не приму ее, даже преподнесенную вами на блюдечке!.. Еще кофе, Люсия?

Спустя полчаса преисполненный гордости Патрик Батлер поднимался по лестнице к дверям агентства, именуемого «Смит-Смит. Конфиденциальность гарантирована».

Глава 10

— Да? — спросила девушка в роговых очках, чья высокая прическа картинно вырисовывалась на фоне грязного окна с выцветшими золотыми буквами.

Агентство размещалось на втором этаже мрачного здания на Шафтсбери-авеню. В нем было всего две маленьких комнаты.

Батлер уже подготовил план атаки, но, увидев, что дверь слева чуть приоткрыта, изменил его. Изобразив улыбку победителя, он подошел по треснутому линолеуму к девушке с высокой прической. Дверь слева могла вести только в кабинет мистера Люка Парсонса, он же Смит-Смит.

— Добрый день, — поздоровался Батлер. — Могу я поговорить с мистером Парсонсом?

Попытка девушки дать подобающий ответ выглядела почти жалкой.

— Вам назначена встреча?

— Боюсь, что нет. — Батлер повысил голос. — Но, думаю, он примет меня. Моя фамилия Реншо.

Батлер мог бы поклясться, что услышал в соседней комнате металлический скрип вращающегося кресла. Впрочем, он мог ошибиться, так как внизу за окном гроыхали автобусы. Однако у него не было никаких сомнений в том, что глаза девушки забегали под очками, а рука задрожала, когда она потянулась к телефону.

— Не беспокойтесь. — Батлер похлопал ее по руке. — Я просто зайду и побеседую с ним.

И он распахнул дверь.

Возможно, Батлер надеялся на определенный эффект, но получил он куда больше, чем рассчитывал.

В еще более грязной комнате, чем первая, за письменным столом лицом к двери сидел худощавый лысый мужчина сред-

него роста, чьи старомодные моржовые, или «полицейские», усы были слишком черными для его возраста и слишком большими для его лица. Лицо это приобрело цвет сальной свечи, а челюсть отвисла. Он сидел неподвижно, словно окаменевший, зацепив ступней ножку вращающегося кресла.

Сумрачная комната сотрясалась от движения транспорта за двумя окнами справа. Батлер позволил себе легкую паузу, прежде чем притвориться удивленным.

— Господи, в чем дело? — После этого он изобразил понимание. — Погодите! Вы, случайно, не приняли меня за моего брата?

— Брата? — послышалось со стороны мистера Парсонса, еще сильнее выпучившего глаза.

— Да, моего брата Дика. Бедняга умер два дня назад.

— Э-э... — проблеял Парсонс, отцепляя ногу от кресла.

— Последние шесть или семь лет я жил в Штатах. — Батлер закрыл дверь. — Я думал, что, может быть...

— Вы на него не похожи — это факт, — сказал лысый мужчина, еще не совсем придя в себя. — Но этот голос! И то, как вы... — Он не окончил фразу. — Хотя это понятно, если вы его брат. Говорите, вы жили в Штатах?

— Да. Я прилетел первым самолетом, узнав о смерти Дика.

— В Штатах у фирм вроде моей есть права, — с горечью произнес мистер Парсонс. — А здесь Ярд смотрит на частное детективное агентство как на грязь. У меня не больше прав, чем... — он ткнул пальцем в сторону людей на Шафтсбери-авеню, — чем у любого из них.

— Это не имеет значения. — Батлер понизил голос. — У меня к вам маленькое дельце весьма приватного свойства...

Полицейские усы затрепетали.

— Садитесь, мой дорогой сэр! — воскликнул мистер Парсонс, скверно имитируя банковского менеджера, обслуживающего богатого клиента. Поспешно отодвинув от стола деревянный стул, он снова опустился в кресло. — Если вы изложите мне факты...

— Труднее всего начать.

— Ну конечно! Так часто бывает. Возможно, здесь замешана леди?

— В каком-то смысле да.

— Неприятно, но вполне естественно, — заверил его лысый мужчина, сочувственно кивнув. — Но вы знаете наш девиз, сэр:

«Конфиденциальность гарантирована». Так что можете смотреть на меня как на симпатизирующего вам друга.

— Дело в том, что в Штатах я участвовал в одном бизнесе.

— Ага! Не будет ли с моей стороны дерзостью спросить, что это за бизнес?

Батлер пошел с козырной карты.

— Тот же самый, какой Дик организовал здесь, — ответил он, в упор глядя на собеседника. — Но, думаю, наше прикрытие лучше.

На мгновение ему показалось, что он зашел слишком далеко.

Лицо мистера Парсонса вновь приобрело цвет сальной свечи, а вращающееся кресло под ним закрипело. В комнате было так холодно (электричество и отопление снова отключили), что изо рта шел пар.

Патрик Батлер впервые почувствовал, что вступил на опасную территорию, откуда ему не скоро удастся выбраться. Что так напугало лысого мужчину с моржовыми усами? Конечно, намек на массовые отравления мог иметь подобный эффект. Однако мистер Парсонс побледнел, только когда услышал о «прикрытии» организации. Что же это за прикрытие?

— Извините, — вежливо заговорил мистер Парсонс, — но я не хочу иметь с этим ничего общего.

— Послушайте, — резко сказал Батлер. — По-моему, вы меня не поняли.

— Не понял?

— Да. Я не собираюсь втягивать вас в свои дела. — Усмехнувшись, он добавил: — Возможно, вы помните, что некоторое время назад у моего брата были маленькие неприятности с женой?

Выпуклые глаза стали настороженными.

— В самом деле?

— Естественно, Дик нанял пару проворных ребят, чтобы, прошу прощения, разобраться с одним из ваших людей. Я хочу знать, где я мог бы найти эту парочку, чтобы забрать ее с собой в Штаты. Больше мне ничего не нужно.

— К сожалению, мне об этом ничего не известно.

— Если вы сомневаетесь, что я Боб Реншо... — Батлер сделал движение, как будто собирался полезть за удостоверением во внутренний карман.

— Нет-нет! Будь вы брюнетом, а не блондином, я бы подумал, что вижу призрак вашего брата.

— Мой бизнес дает солидную прибыль. — Достав бумажник, Батлер положил на стол стофунтовую купюру.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

Батлер добавил такую же купюру. Несмотря на холод в комнате, лицо его собеседника покрылось потом.

— Могут дать вам адрес, — хриплым голосом сказал мистер Парсонс, — где вы, возможно, найдете нужных вам двух человек. Но имен в этом офисе никогда не называли.

— Конечно, если вы пытаетесь обвести меня вокруг пальца...

— Господи, мистер Реншо, я бы никогда на такое не осмелился.

Батлер придвинул к нему купюры. Вырвав полстраницы из блокнота, мистер Парсонс написал адрес печатными буквами, сложил листок вдвое и сунул в руку посетителя. Батлер спрятал его в карман и поднялся.

— Скажите, мистер Парсонс, — осведомился он, — почему вам так не по душе наш бизнес?

Внезапно Люк Парсонс представился ему в убогом пригородном домишке с крошечным садиком.

— Если бы моя жена узнала... — вырвалось у Парсонса.

— О чем?

— Ни о чем, — пробормотал Парсонс. — Я просто думал о своем.

— Надеюсь, вы понимаете, что наша маленькая сделка строго конфиденциальна?

— Естественно, сэр! Вы можете полностью мне доверять! — заверил его Смит-Смит и потянулся к телефону, как только за клиентом закрылась дверь.

Патрик Батлер этого не видел. Он не доставал клочок бумаги, пока не спустился по лестнице и не вышел на переполненную Шафтсбери-авеню. Там он изучал адрес так долго, что пешеходы с мрачными лицами едва не втолкнули его назад в дверь.

Лондонский туман и запах сажи наполняли его легкие, а сердце сковал холод. Батлер достал из внутреннего кармана конверт, на котором Люсия Реншо написала адрес, где он должен был встретиться с ней в восемь. Адрес был тот же, что и на листке: Дин-стрит, 136, Сохо.

— Такси! — крикнул Батлер, без особой надежды на ответ.

Чтобы описать его состояние в течение следующих нескольких часов, достаточно одного, часто повторяемого им слова: «Чепуха!» Люсия Реншо не могла быть замешана в бизнесе мужа, что бы он собой ни представлял. Придя к этому выводу, Батлер направился домой, борясь в душе с призраками.

Во время чая миссис Пастернак развела огонь в адамовском¹ камине его маленькой библиотеки. Лицом к огню стояли два кресла, а рядом с одним лежал старый диктофон.

Конечно, было всего лишь совпадением, что Люсия дала ему тот же адрес.

Опустившись в кресло, Патрик Батлер вставил во вращающийся механизм новый восковой цилиндр. Откинувшись на спинку кресла, он наблюдал за бесшумным вращением цилиндра, потом нажал кнопку и заговорил в микрофон вызывающим голосом:

— Примечания для защиты Люсии Реншо.

Цилиндр продолжал вращаться.

— Каким, черт возьми... нет, вычеркните «черт возьми»... каким прикрытием обладает этот Клуб убийц? Каков их рэкет, помимо убийства? Очевидно, это нечто новое. Это не могут быть наркотики, принуждение к проституции или что-нибудь столь же древнее и скучное. Потому что это не только расстроило такого тертого калача, как Люк Парсонс, но, по его словам, потрясло бы его жену.

Батлер отпустил кнопку, но вскоре надавил на нее снова.

— Почему Люсия сказала за ленчем: «Дик всегда выбирал мне одежду»?

Снова пауза. Потом Батлер заговорил еще более нервно:

— Люсия Реншо с самого начала проявляла благосклонность, граничащую со страстью, к... к П. Б. — Поскольку тест должен был застенографировать секретарь, он не мог сказать «ко мне», но его передернуло даже от звуков собственных инициалов. — Не потому ли, что голос и внешность П. Б. обладают сильным сходством с покойным мужем Л. Р., Диком Реншо? Не перенесла ли она подсознательно свою привязанность на похожего на него мужчину?

---

¹ От фамилии английских архитекторов и дизайнеров мебели Джеймса Адама (1730—1794) и его брата Роберта Адама (1728—1792).

Батлер мыслил достаточно ясно, чтобы понимать: для него этот вопрос наиболее важен. Это и приводило его в ярость.

Он безнадежно влюбился в Люсию Реншо. Перед его мысленным взором постоянно возникал ее образ в пеньюаре, протягивающий к нему руки. Видение было четким до боли. Но Патрик Батлер не собирался становиться дублером или соперником кого бы то ни было, пусть даже мертвеца.

— Чай, сэз? — прервал его размышления голос миссис Пастернак, с тарактением вкатившей чайный столик на колесиках.

— К дьяволу чай!

— Хорошо, сэз.

— Миссис Пастернак, она невиновна.

— Да, сэз.

— Благодарю вас, миссис Пастернак. Я никогда не ошибаюсь.

Батлер пребывал в том же настроении, когда поднялся в четверть восьмого, чтобы отправиться на свидание с Люсией.

Туман слегка рассеялся, хотя было по-прежнему холодно. Обогнув Пиккадилли-Серкус, Батлер снова повернул к Шафтсбери-авеню. У «Лондонского павильона» его глазам представилось удручающее зрелище.

По обеим сторонам дверей кинотеатра и далее, вдоль боковых стен, тянулась бесконечная очередь желающих посмотреть фильм. Люди не двигались и не разговаривали — они терпеливо, часами на пронизывающем холоде ждали возможности хоть ненадолго отвлечься от серой и унылой реальности.

Батлер, который не присоединился бы ни к какой очереди, даже если бы от этого зависела его жизнь, разглядывал их, проходя мимо. Собственно говоря, почему бы этим людям не стоять здесь? Что еще им делать? Они не могли принимать у себя гостей, так как им нечем было их угостить, а их не приглашали в гости по той же причине. Кроме того, существовала проблема транспорта...

— Транспорт! — воскликнул Батлер вслух.

Ему в голову пришла идея, которая, возможно — только возможно! — была в состоянии разбить в пух и прах все дело против Люсии Реншо.

Шагая по улице и ничего не замечая вокруг, Батлер обдумывал эту идею, покуда, оказавшись в на редкость мрачном районе, не повернул влево на Дин-стрит.

На узкую и грязную улицу свет еле проникал сквозь щели между ставнями и полуопущенные шторы. Хотя она являлась частью так называемой «Порочной квадратной мили», здесь царил тишина, если не считать доносившегося из паба бормотания и чахоточных звуков шарманки.

Она была бедной, маленькой птичкой
И пела: «Чирик-чирик»...

Несколько на редкость безобразных нимф панели выстроились на одном из перекрестков, как полевые игроки на крикетном матче. Рядом с ними негромко переговаривались два высоких негра. Больше Батлер никого не видел. Скрипучие звуки шарманки замирали вдали.

Отыскав дом номер 136, Батлер испытал малоприятный шок.

За железной оградой, тремя ступеньками ниже, находилось длинное и грязное окно с зеркальным стеклом, на котором было написано эмалью слово «Бильярдная». Наклонившись, он взглядел внутри три стола и изрядное количество людей. Над дверью со стеклянной панелью четко виднелись эмалевые цифры 136.

— Это не может быть... — начал вслух Батлер, но умолк и огляделся.

Справа от дома номер 136 находилась другая дверь на уровне тротуара. Но облупившаяся краска и гвозди, которыми она была заколочена, указывали, что последний раз ее открывали еще до войны. Дверь слева выглядела так же. Все верхние окна были темными.

Люсия говорила о каком-то месте, очевидно клубе, где можно пообедать и потанцевать. Такая утонченная женщина не стала бы предлагать клуб, куда попадали только через грязную бильярдную. Тем не менее это казалось именно тем местом, где можно было найти двух громил, которые...

Батлер посмотрел на часы. У него оставалось более десяти минут до условленного времени встречи с Люсией. И он не бросался в глаза — ему не составило труда отыскать потрепанный костюм, грязное пальто и мягкую шляпу, датированные 1938 годом.

Спустившись по трем ступенькам, Батлер открыл стеклянную дверь.

В комнате пахло пивом, хотя никто его не пил. Его приветствовали драматические щелчки бильярдных шаров и столь же драматические возгласы. Три стола, стоящие параллельно друг другу, и люди в некогда ярких рубашках без пиджаков были освещены свисающими с потолка на коротких шнурах лампочками.

Потом Батлер разглядел другую дверь.

Она находилась в дальней стене справа, неподалеку от края третьего стола. Батлер направился к ней.

Никто не обращал на него внимания — по крайней мере, так ему казалось. Для бильярда использовался только первый стол, ближайший к входной двери. На втором играли в снукер, а на третьем — таким стойким оказалось влияние американских солдат — в американский пул.

В двери справа, рядом с третьим столом, торчал ключ. Она была не заперта. Батлер обнаружил это, потихоньку прислонившись к ней спиной, за которую заложил руки. Она не могла вести в стенной шкаф, так как под ней виднелась полоска света. Батлер вытащил ключ из замка и сунул его в карман.

За столом для пула, обращенным к нему узкой стороной и стоящим на несколько футов левее, в дальнюю лузу справа упал последний шар. Державший кий парень с зализанными волосами со смехом выпрямился и повернулся.

— Закончили? — осведомился Патрик Батлер.

— Стол ваш, приятель, — дружелюбно отозвался парень. Его щегольский костюм горчичного цвета словно кричал: «Тридцать гиней! Нравится?» Он передал кий Батлеру.

— Кто-нибудь спрашивал меня сегодня вечером?

Парень прищурился.

— Я где-то вас видел, — сказал он.

— Меня зовут Реншо, Боб Реншо.

Парень с зализанными волосами, почуяв родственную душу, готовую держать пари, возвысил голос над бормотанием и табачным дымом.

— Кто-нибудь ищет Боба Реншо? — крикнул он.

Молчание было настолько кратким, что могло бы остаться незамеченным. Его нарушали только ставшие более громкими щелчки шаров на зеленом сукне. Вскоре их заглушил гул голосов, сквозь который донеслась пара рассеянных отрицаний. Если Патрик Батлер почувствовал нахлынувшую волну опасности, то не подал виду.

— Не повезло, — посочувствовал парень с зализанными волосами. — Вы один?

— Да.

— Все равно сыграйте, — предложил парень, ткнув пальцем в сторону стола для пула. — После снукера это раз плюнуть.

— Спасибо, пожалуй, попробую.

Шары для пула, ярко раскрашенные и снабженные цифрами, застучали по столу, когда Батлер вывернул лузы. Обойдя стол, он собрал шары и разместил их в деревянном треугольнике, потом передвинул треугольник острием к своей первоначальной позиции возле незапертой двери, решив остаться с этой стороны стола.

Всего через девять минут он должен встретиться с Люсией!

Ожидая ответа на «Боба Реншо», Батлер обдумывал новую идею защиты Люсии Реншо...

Наклонившись, он с такой силой ударил кием по белому шару, что остальные шары разлетелись в разные стороны.

«Идея не так хороша, как мне казалось, — говорил себе Батлер, несколько остудив первоначальный энтузиазм. — Она не поможет Люсии в том, что касается смерти Дика Реншо. Но это доказывает, что Люсия не могла убить миссис Тейлор. Бэлем, где жила миссис Тейлор, находится в Южном Лондоне, а Люсия живет в Северном. Не знаю, сколько миль разделяет их дома, но расстояние огромное. Как могла Люсия ночью добраться туда и обратно?»

Батлер, не двигаясь и не поднимая голову, видел перед собой стол, похожий на огромное зеленое пятно.

«У супругов Реншо не было автомобиля. Старая миссис Тейлор умерла между десятью часами и полуночью — вероятно, ближе к полуночи. Ни один таксист не повез бы Люсию так далеко. Если Люсия ездила туда, ей пришлось бы взять напрокат машину с шофером — в таком случае должна была сохраниться запись заказа. Но записи быть не может, так как она никуда не ездила. Если бы я смог объяснить, как отравили воду в графине Реншо, дело было бы решено. Задача настолько проста, что и объяснение должно быть простым. Только три человека — Люсия, Китти и мисс Кэннон — побывали в спальне. Практически мы можем исключить мисс...»

Поток мыслей Батлера внезапно прервался.

В бильярдной что-то было не так.

Батлер не пытался играть — он всего лишь целился в то, что находилось в поле зрения. Зеленый шар отскочил от дальнего борта со звуком, который Батлер четко расслышал, и покатился в напряженной тишине назад.

Не было слышно ни щелканья шаров, ни ударов кием, ни голосов, ни шарканья ног, даже дыхания или движения. Батлер ощущал только злобу, сфокусированную на нем, как обжигающий луч увеличительного стекла.

Патрику Батлеру показалось, будто в бильярдной, кроме него, никого не осталось. Он быстро поднял взгляд.

Глава 11

В каком-то смысле он действительно был один. Из других людей, присутствовавших в комнате, осталось только двое.

Переднее окно и стеклянную панель входной двери теперь закрывали грязные шторы. Три желтые лампы на потолке освещали только остывающий табачный дым и два опустевших стола.

На скамье под передним окном сидел, закинув ногу на ногу, худощавый мужчина в коричневом козырьке — очевидно, атрибуте владельца бильярдной. В противоположной от Батлера стороне комнаты стоял второй мужчина, небрежно прислонившись спиной к подставке для киев и держа руки в карманах.

На нем была черная шерстяная фуфайка, штопанная в нескольких местах, какими пользуются в тренировочных лагерях боксеров. Он был выше и гораздо шире Патрика Батлера, с настолько развитой мускулатурой, что его живот почти не выпирал. У него был приплюснутый нос, а волосы нуждались в стрижке.

Молчание затягивалось. Ни один из двух мужчин не смотрел на Батлера.

— Он не слишком здорово играет, а? — осведомился человек в козырьке, как будто говоря о находящемся на другой планете.

— Верно, — согласился второй мужчина густым басом.

— Даже совсем скверно.

— Пожалуй.

В груди Батлера вспыхнул уголек гнева. Он часто слышал такие слова. Казалось, их произносили десятилетние мальчиш-

ки, засунутые в тела взрослых мужчин. Но он пришел сюда с мирной миссией.

— Думаю, — четко сказал Батлер, положив кий на стол, — именно вас двоих я хотел повидать.

Снова наступило молчание. Потом человек в козырьке внезапно откинулся назад и начал хохотать, поблескивая двумя золотыми зубами. Так же неожиданно он перестал смеяться.

— Он хочет повидать нас, Эм, — печально произнес Золотозубый.

— Ага.

— Интересно, почему?

Мужчина по имени Эм выпрямился во весь рост. Вытащив руки из карманов, он медленно надел на правую руку кастет, а поверх натянул тонкую черную перчатку, бросив при этом взгляд на Батлера. Потом Эм с удовлетворением обследовал свою работу. Перчатка должна была удерживать руку и запястье, когда кулак начнет наносить удары.

— Что он сделает, — с любопытством осведомился Золотозубый, — если ты приласкаешь его этим?

— Думаю, ему это не понравится.

— Еще бы! Но что он сделает?

— По-моему, он не сможет сделать ничего.

— Верно.

Патрик Батлер стоял у стола в непринужденной позе. И хотя в груди его клокотала ярость, на лице цвела дружелюбная улыбка.

Страх подкрадывался от живота к горлу, но его пересиливала уверенность, что такие люди не заслуживают даже презрения. Если их невозможно игнорировать, то нужно попросту уничтожить.

Батлер бросил взгляд на шары для пула. Они были подходящего размера и веса. Запустив такой шар с расстояния в двадцать пять футов, можно раскроить череп. Поэтому он продолжал улыбаться, успев спрятать один шар в правой руке.

— Конечно, — снова заговорил Золотозубый, продлевая мучения, — ты не будешь с ним слишком суров.

— Ты видел мою работу, не так ли?

— Видел. Но мы не хотим, чтобы он называл нас скверными именами.

— Он никого не будет называть никакими именами.

— Но назовет нас, если сможет говорить и если ему не понравится такое обхождение.

— Я называю вас ублюдками, — вежливо заговорил Патрик Батлер. — Что вы намерены предпринять по этому поводу?

На сей раз пауза была подобна удару кинжала. Золотозубый и Эм смотрели на Батлера в упор.

— Сделай это как следует, Эм! — злобно произнес Золотозубый.

Рука Батлера метнулась вперед.

Ярко-красный шар угодил в подставку для киев в полудюйме от головы Эма. Один кий, разломанный надвое, толкнул остальные, которые со стуком попадали на пол, прямо к ногам Эма.

«Я нервничал, поэтому промазал. Больше никаких смертельных ударов, Пэт Батлер!»

Физиономия Эма напоминала лицо злого маленького мальчика, скорее распухшего, чем выросшего до размеров мужчины. Казалось, он не понимал, что произошло, пока шар для пула не покатился мимо него по полу.

— Я прикончу тебя! — завопил Эм и рванулся вперед.

«Не попади в тюрьму, дурак! Целься в...»

Второй бросок был куда более метким. Зеленый шар попал в правое плечо, рядом с предплечьем. Эм пошатнулся и рухнул на спину среди упавших киев. Рука в черной перчатке стала беспомощной, как губка. Он пытался шевелить конечностями, словно гигантский черный жук.

— Теперь твоя очередь, Золотишко, — сказал Батлер.

Золотозубого он ненавидел по-настоящему. Сидящий на скамье под окном громила просунул руку за штору и громко забарабанил по стеклу, призывая на помощь. Очередной шар угодил в штору, которая не дала разбить окно. Золотозубый, отдернув руку и обнажив передние зубы, как кролик, быстро нырнул под первый стол.

Несколько секунд в бильярдной было тихо, как в комнате в Помпеях. Батлер в пальто и мягкой шляпе начал потеть. Позади него и слева находилась незапертая дверь, ключ от которой был зажат в его левой руке. Эта дверь вела... бог знает куда.

Входная дверь бесшумно открылась, и в комнату так же бесшумно вошли четверо, люди настолько непримечательной внешности, что Батлер не смог бы их описать.

— Рассейтесь по сторонам! — послышался сдавленный голос Золотозубого. — Пригнитесь за столами! Используйте картошку, когда схватите его!

Имелась в виду картофелина, утыканная лезвиями для безопасных бритв, которые кромсали лицо, превращая его в кровавое месиво.

— Давайте! — скомандовал Золотозубый.

Около пяти секунд Батлер швырял во вновь прибывших шары для пула. Желтый, красный и голубой снаряды просвистели в воздухе, как трассирующие пули во время авианалета. Еще одна подставка с киями свалилась на пол. Один из «новичков», получив удар ниже пояса, с воплем согнулся пополам. Эм, пытавшийся встать, несмотря на сломанное плечо, поскользнулся на упавших киях и рухнул лицом вниз.

Бросив последний взгляд на шары, отскакивающие от пола с маниакальным упорством, Батлер метнулся к боковой двери и закрыл ее за собой. Его руки так сильно дрожали, что он едва не уронил ключ. Ему удалось в последний момент запереть дверь.

Теперь Батлер знал, где находится.

Узкий коридор тянулся вправо, к двери на улицу. Эта дверь была рядом с входной дверью бильярдной и снаружи казалась заколоченной еще до войны.

Слева от Батлера находилась лестница, поднимающаяся на площадку с освещенным дверным проемом, откуда доносились звуки танцевальной музыки...

Клуб, о котором говорила Люсия! Выглядевшая заколоченной дверь была настоящим входом туда.

Батлер взбежал вверх по ступенькам. Осторожность диктовала мчаться к двери на улицу. Но он обещал встретиться с Люсией. И ему предстояло свести кое-какие счета с Золотозубым.

На площадке танцевальная музыка звучала громче. Взгляд в тускло освещенный дверной проем объяснил Батлеру слова Люсии: «Никто не знает, с кем танцует». Танцующие мужчины и женщины были в черных, белых или розовых масках. Некоторые надели маски домино, но большинство добавило кусок ткани, скрывавший все лицо.

Нам площадке у двери молодой человек испанской наружности сидел за столом, на котором лежали открытый грессбух и набор масок. Батлер выпрямился с величавым видом.

— Маску, пожалуйста, — потребовал он.

— Да, сэ́р! — Молодой человек вскочил со стула, быстро взглянул на Батлера и выдвинул ящик стола, служивший кассой. — С вас один фунт, сэ́р!

В дверь внизу колотили кулаками. Золотозубый со товарищи были настроены серьезно.

Батлер не спеша выбрал черную маску, обследовал ее и бросил на стол пять фунтов.

— Вы меня не видели, понятно? — предупредил он.

— Да, сэ́р!

Батлер поспешил в танцевальный зал, но, сделав три шага, остановился и повернулся. Как и следовало ожидать, молодой человек с черными испанскими глазами тут же начал спускаться, явно намереваясь повернуть ключ и впустить Золотозубого и весь осиный рой.

Покуда молодой человек находился спиной к нему, Батлер метнулся назад и обменял черную маску на розовую, потом вернулся в зал и смешался с танцующими.

В так называемом клубе было жарко, душно и немногим чище и просторнее, чем в нижней бильярдной. Вдоль двух стен тянулись ряды стульев, между которыми находилось пространство для танцев. Луч старого, тусклого и шаткого прожектора в углу потолка менял цвет, становясь то красным, то желтым, то фиолетовым и превращая замаскированные лица в персонажей ночного кошмара.

Тем не менее клуб дышал чувственностью, которая ударила Батлеру в голову. Женщины в масках, как было известно в Англии уже три сотни лет, пребывают в подавляющем настроении.

Стараясь не задеть танцоров и правый ряд столиков, Батлер сбросил шляпу и пальто.

«На мне розовая маска, а они будут искать черную. Где же найти партнершу для танца?.. О, благодетельное Провидение!»

За столиком в дальнем конце зала одиноко сидела женщина, чье лицо скрывала белая маска, а волосы были обмотаны белым шарфом наподобие чалмы. При тусклом свете было нелегко разглядеть, что ее черное бархатное платье с низким вырезом спереди старое и поношенное.

Батлер направился к ней, бросил пальто и шляпу под стол и отвесил театральный галльский поклон.

— Mademoiselle, — заговорил он по-французски, — je vous ai remarquée, votre beauté, c'est comme une fleur dans un puisard. Vous permettez?¹

Без дальнейших церемоний он схватил ее за руку, поднял со стула и увлек в толпу танцующих.

«Где же Золотозубый?»

При этом Патрик Батлер не забывал о женщине, которую держал в объятиях.

— Ваша красота, — продолжал он на том же беглом французском, — сводит меня с ума. Ваша грудь обжигает. Ваше тело...

— Патрик, — неуверенно пробормотал голос Люсии Реншо, — не думаю, что это достаточно учтиво.

Батлер споткнулся и чуть не упал.

— Господи! Неужели вы...

— Конечно! — Голубые глаза разглядывали его сквозь прорези маски. — Разве вы не знали, кто я?

— Разумеется, нет! — Батлер поспешно ослабил хватку. — Прошу прощения! Я думал...

— О! — С минуту Люсия молчала, покуда играла музыка и лица-маски кривились в меняющемся свете. — Вы так обращаетесь с любой женщиной, — резко осведомилась она, — которую считаете... не слишком респектабельной?

— Откровенно говоря, да.

В голубых глазах мелькнул гнев, но их выражение тут же изменилось.

— Одно и то же по-французски звучит совсем не так, как по-английски, верно? — равнодушным тоном промолвила Люсия. — И даже если вы хотели сказать мне все это по...

В этот момент в дверном проеме появился Золотозубый с полудюжиной свирепых дружков.

Это был тот же проем, через который вошел Батлер, хотя теперь он и Люсия находились в дальнем конце зала. Однако Батлера встревожило то, что Золотозубый возник в абсолютно новом облике.

Конечно, было невозможно не узнать костлявую физиономию с блуждающей усмешкой. Но козырек исчез, и теперь на нем был вечерний костюм, хотя и грязноватый.

---

¹ Мадемуазель, я заметил вас; ваша красота как цветок в помойной яме. Вы позволите? (фр.)

А самое главное — больше не было золотых зубов.

Луч прожектора, превратившись из фиолетового в желтый, хорошо освещал лицо вошедшего. На нем играла улыбка, приличествующая хозяину заведения, каковым он, вероятно, и являлся, а передние зубы были самыми обыкновенными.

Ни он, ни его спутники не двигались с места. Их глаза медленно и тщательно обшаривали помещение. В руках они держали картофелины, нашпигованные бритвенными лезвиями, Батлер подумал о лице Люсии и инстинктивно вновь прижал ее к себе.

— Так-то лучше, — пробормотала Люсия тем же небрежным тоном. — Как я только что сказала...

— Люсия! — резко прервал ее Батлер. — Почему вы хотели прийти в этот клуб?

— Но я же говорила вам! Иногда мне просто хочется отправиться в какое-нибудь местечко с дурной репутацией. Не для того, чтобы заниматься чем-то недостойным, — поспешно добавила она, — а просто поглазеть на происходящее там. Думаю, многие женщины так делают. Но здесь ужасно скучно, не так ли?

— Да, — согласился Батлер, не сводя глаз с Золотозубого, который теперь бродил среди танцующих, словно гостеприимный хозяин, окидывая взглядом каждого по очереди.

— Почему вы не сказали мне, — прошептал Батлер, — что вход сюда не через бильярдную?

Глаза Люсии расширились под маской.

— Но вы ведь не вошли... Господи! Здесь два входа, и оба не через бильярдную!

— Два входа? Где?

— Один вон там. — Люсия кивнула в сторону охраняемой двери, которую Батлер знал слишком хорошо. — Там лестница, которая спускается в коридор.

— Да, я видел. А где другой?

— Он выглядит так же, только...

Она снова кивнула. Второй дверной проем находился в той же стене, но в противоположном конце. Батлер четко видел две лестницы, спускающиеся параллельно, но разделенные двадцатью футами стены и оркестровой эстрады. Все охранники сосредоточились у первого проема.

— Люсия, кто обычно дежурит у второй двери? — шепотом осведомился Батлер. — Еще один кассир с испанской внешностью?

— Да. Его видно отсюда. Вот он.

— Ради бога, не указывайте пальцем!

Он ощутил внезапно охватившую женщину нервную дрожь.

— Что не так, Пэт?

— Ничего. Просто следуйте за мной.

Золотозубый медленно направился к ним.

Батлер не стал поворачивать партнершу и двигаться в противоположную сторону, зная, что Золотозубый и его помощники ожидают именно признаков паники. Напротив, он повел Люсию прямо к Золотозубому.

«Нам не выбраться через вторую дверь. Мне одному это, возможно, удалось бы, но не с Люсией. Эти головорезы успеют нас перехватить. Нужно перехитрить их...»

Шагнув вместе с партнершей в сторону, Батлер склонился к уху мужчины в черной маске.

— Копы, — пробормотал он, слегка кивнув в сторону мужчин в первом дверном проеме. — Лучше сматывайтесь!

Ничего не произошло. Черная маска всего лишь уставилась на него и проплыла мимо. Батлер и не рассчитывал, что мужчина сразу же устремится ко второй двери. Но семя было посеяно в месте, полном людей с нечистой совестью. Известие должно было быстро распространиться...

— Копы, — обронил Батлер, глядя на другого танцующего, снова указав на первую дверь. — Смывайтесь!

Теперь Золотозубый находился в десяти футах от них.

«Бам!» — зазвенели тарелки на эстраде. Четверо музыкантов заиграли знаменитую песню, чей тяжеловесный ритм бил по нервам и обострял чувства. Пианист, склонившись к микрофону, запел ележным голосом:

Через дым и пламя
Я иду к тебе...

Это словно сблизило танцоров. Мужчина и его партнерша — девушка лет шестнадцати — начали с жаром целоваться. Но шепот о полицейских крался по залу, как шарканье ног.

— Здесь довольно жарко, — сказала Люсия. — Может быть, уйдем?

— Это мы и делаем, — отозвался Батлер, предупредив о копах еще одного мужчину.

— Что происходит, Пэт?

— Примерно через минуту я начну делать странные па, — шепнул Батлер. — Следуйте за мной, даже если мне придется тащить вас за волосы!

— Хорошо! — прошептала в ответ Люсия.

Он чувствовал ее дыхание.

Они оказались позади Золотозубого.

Если ты жива,
Я тебя найду...

В красном свете прожектора Батлер изо всех сил пнул Золотозубого в голень, а когда цвет луча изменился, успел раствориться вместе с Люсией среди других танцующих пар.

Крик боли и гнева, который издал Золотозубый, действовал как инструмент дантиста. Батлер успел шепнуть еще одному мужчине в черной маске, сделав такой же кивок:

— Копы. Сматывайте удочки!

И тогда что-то лопнуло, как струна скрипки.

Черная маска, кем бы он ни был, застыл как вкопанный, что-то шепнул партнерше и устремился ко второй двери с такой скоростью, что оказался неподалеку от нее, прежде чем кто-либо успел его заметить.

Золотозубый яростно указывал на него поверх толпы рукой. Среди охранников у первой двери произошло нечто вроде бесшумного взрыва. Незаметно, но быстро они двинулись вдоль стены, мимо маленькой эстрады, в направлении второй двери.

— Готовьтесь! — шепнул Батлер.

Головорезы Золотозубого не станут опрокидывать беглеца в черной маске на пол и устраивать беспорядки в зале. Скорее всего, они прищучат его на лестнице — и обнаружат, что схватили не того.

Секунд на двадцать первая дверь останется без охраны...

Глава 13

Но не совсем без охраны.

Золотозубый, который никогда не терялся и которого было нелегко провести, сразу начал проталкиваться назад, к первой двери — на всякий случай.

Батлер, поставив Люсию перед собой и вытянув вперед правую руку, чтобы никто не налетел на нее, следовал за Золотозубым быстрыми зигзагами. Позади слышались ругательства.

— Пэт, что вы делаете? — испуганно осведомилась Люсия.

— Мы уходим, как вы предложили.

— А мое пальто? Моя сумка?

— Надеюсь, это не норковое манто?

— Нет, пальто старое. Но сумка... в ней ключ. Ключ к настоящему приключению.

— К настоящему?

— Вы обещали мне, — взгляд Люсии стал умоляющим, — что после того, как мы посетим это место, вы отправитесь со мной за настоящим приключением.

— Ладно, но бог с ним, с ключом. Теперь внимание!

Золотозубый, добравшись до первой двери, круто повернулся. Его маленькие глазки настороженно поблескивали. Два пальца правой руки касались закрытой бритвы, спрятанной в левом рукаве.

Батлер и Люсия, перейдя на нормальный шаг, двигались в танце сбоку от Золотозубого, при этом Батлер негромко, но страстно говорил по-французски.

— ...et je t'adore¹, — закончил он, намеренно наступив Люсии на ногу.

Люсия невольно вскрикнула. Батлер отодвинул ее от себя и шагнул назад, слегка толкнув Золотозубого.

— Mademoiselle, — виновато проблеял он, — je vous demande pardon! Mille pardons, je vous en prie! — Тем же виноватым тоном он обратился к Золотозубому: — Et vous, monsieur, sale chameau et fils de putain...²

Чисто галльским благородным жестом Батлер правой рукой сорвал с лица маску, а левой ударил Золотозубого в челюсть.

Где-то далеко позади взвизгнула женщина.

Были ли тому причиной его собственные действия или — что более вероятно — внезапная толчея у противоположной двери, Батлер не мог определить. Он был слишком занят.

Бритва открылась в руке Золотозубого за секунду до того, как Батлер его ударил. Вылетев на площадку, Золотозубый

---

¹ И я тебя обожаю (фр.).

² Мадемуазель, я прошу прощения! Тысяча извинений, умоляю вас! А вы, месье, грязный верблюд и сукин сын... (фр.)

споткнулся на верхней ступеньке и с удивлением, написанным на окровавленной физиономии, покатился с лестницы, точно деревянная кукла.

Испанский продавец билетов, вскочивший из-за стола, внезапно решил, что это его не касается, и снова сел.

— Придерживайте вашу юбку, — сказал Батлер Люсии, — и бегите вниз следом за мной. Если им хватило ума послать людей наружу к *этой* входной двери...

К счастью, ума им не хватило.

Перешагнув через оглушенного Золотозубого, валяющегося у подножия лестницы, они устремились к двери на улицу. Она, как обычно, была открыта для посетителей клуба наверху. На окутанную холодным туманом Дин-стрит не доносилось никаких звуков суматохи.

Батлер и Люсия сняли маски. Дрожащая женщина в тонком вечернем платье и убого одетый мужчина без пальто и шляпы поспешили в сторону Шафтсбери-авеню.

— Вам незачем искать такси, — сказала Люсия, несмотря на солидный рост, тщетно пытаясь шагать в ногу с Батлером. — Ваша машина стоит поблизости.

— Моя машина?

— Да. Я решила... — Люсия поколебалась, — что для настоящего приключения нам лучше иметь автомобиль. Когда вы уже ушли из дому, я позвонила вашему шоферу...

— Где машина сейчас?

— Рядом с Кембридж-Серкус — позади театра «Палас».

— Благослови вас Бог! — Нервы Батлера все еще были напряжены. — Но я должен найти телефон.

— Зачем?

— Чтобы позвонить — желательно суперинтенденту Хэдли, но другие тоже сойдут.

Они нашли телефонную будку всего в нескольких ярдах от того места, где Джонсон, шофер Батлера, стоял около длинного лимузина. Батлер велел Люсии идти к машине. Как обычно в наши дни, в застекленной будке не было света, а справочник был порван в клочья. Но не требовалось ни света, ни справочника, чтобы набрать Уайтхолл 1212. Батлер вернулся к машине через три минуты. Он застал Люсию сидящей в углу теплого салона и приглаживающей золотистые волосы. Шофер захлопнул дверцу, когда Батлер сел в автомобиль. Он и Люсия посмотрели друг на друга.

— Чувствуете себя лучше? — спросил Батлер.

— О да! — Люсия широко улыбнулась, показав отличные зубы, но заколебалась снова. — Это было ужасно, но по-своему увлекательно. Я бы ни за что на свете такое не пропустила!

— *Cherie, je...*¹ — Батлер умолк — от восторга у него перехватило дух. Он испытывал точно такие же чувства.

— *Tu dis?*² — осведомилась Люсия, опустив глаза.

— Что-что?

— Я заметила, что один или два раза вы, говоря со мной, использовали фамильярное «*tu*»³ вместо формального «*vous*»⁴.

— А какой вариант вы предпочитаете?

— Конечно, фамильярный.

Придвинувшись к Люсии, Патрик Батлер обнял ее и впился в ее губы таким долгим поцелуем, что потерял счет времени. Судя по ответным движениям губ Люсии, было очевидно, что она разделяет его чувства.

Сейчас Батлер не думал о духовных качествах, про которые так вдохновенно и лирично рассуждал вчера вечером. Он был всецело поглощен совсем другими качествами Люсии. Если бы поцелуй продлился дольше...

— Нет! — Люсия оттолкнула его. — Не здесь! Не сейчас! Тем более что меня собираются арестовать.

— Никто не собирается вас арестовывать, — сказал Батлер, пытаясь контролировать свое дыхание. — Между прочим, не забыл ли я упомянуть, что люблю вас?

— Забыли, — подтвердила Люсия, пряча кончики белого шарфа за вырез платья. — Но у нас достаточно времени, чтобы...

Ни Люсия, ни сам Батлер не понимали, что его остановило. Но даже когда он целовал Люсию, перед его мысленным взором на мгновение возник образ Джойс Эллис.

К дьяволу Джойс! Она его не интересуется! Он даже не думал о ней после утренней встречи. Эти чертовы трюки проделывает его больное воображение...

— Кроме того, — покосившись на адвоката, добавила Люсия, — нам предстоит маленькая поездка.

Батлер отбросил навязчивые мысли.

---

¹ Дорогая, я... (фр.)

² Что ты сказал? (фр.)

³ Ты (фр.).

⁴ Вы (фр.).

— Не то чтобы это имело значение, — сказал он, — но куда именно мы поедем?

Люсия постучала по стеклянной перегородке, отделяющей их от водителя.

— Ваш шофер уже получил указания, — ответила она.

Автомобиль тронулся с места. Люсия, хотя ее глаза сияли и от нее исходила аура, столь же ощутимая, как прикосновение, старательно держала Батлера на расстоянии.

— Вам удалось дозвониться? Каков результат?

— Дозвониться?

— В Скотленд-Ярд.

— На Олд-Комптон-стрит стояла патрульная машина, и вскоре полиция наведается в клуб Золотозубого. — Батлер щелкнул пальцами. — Но нам нужны только двое — Золотозубый и еще один, по имени Эм. Помните, мы говорили сегодня о двух громалах, нанятых вашим мужем с целью отправить оперативника из агентства «Смит-Смит» в больницу?

Люсия застыла с приоткрытым ртом. Любое упоминание о Дике Реншо, казалось, гипнотизировало ее, и Батлеру это не нравилось. Лимузин бесшумно объехал вокруг Кембридж-Серкус и оставил позади значительную часть Черинг-Кросс-роуд, пока Батлер рассказывал ей о недавних событиях.

— Готов поставить пять фунтов, что это та самая парочка. Они знали, что я приду, и поджидали меня. Вот почему в их действиях было столько личной злобы. Обыкновенные наемные головорезы выполняют свою работу так же равнодушно, как мясник разделяет тушу. А эти красавчики...

Ему живо представились Эм, надевающий кастет, и хищная ухмылка Золотозубого.

Люсия смотрела в пол.

— Что будет с ними теперь?

— Завтра утром, — мрачно отозвался Батлер, — я явлюсь к судье и обвиню их в разбойном нападении.

— Но, Пэт... — В голосе Люсии слышались удовольствие и гордость. — Ведь напали в основном вы, не так ли?

— Формально — да. Вот почему с обвинением могут возникнуть трудности. Но формулировка не имеет значения. Нам нужно продержат их под арестом как можно дольше и выбить из них информацию. Например, что они знают о главе Клуба убийц.

— А вы можете доказать, что они что-то о нем знают? Даже если такой клуб действительно существует?

— Не могу. И возможно, они действительно ничего об этом не знают.

— А кто мог сообщить им, что вы придете в бильярдную? — задумчиво спросила Люсия.

— Думаю, усатая крыса по имени Люк Парсонс, он же Смит-Смит из одноименного агентства, гарантирующего конфиденциальность. — Но Батлера терзали сомнения. — Беда в том, что эта крыса была смертельно напугана и явно не желала неприятностей. Зачем ему было предупреждать двух ничтожеств, вроде Золотозубого и Эма, что он, попросту говоря, выдал их? Нет, он не стал бы никого предупреждать. Разве только...

— Разве только?

— Разве только, — ответил Батлер, стукнув себя кулаком по колену, — главу Клуба убийц.

Последовала пауза, во время которой Батлер оставался слеп ко всему окружающему.

— Я шел по неправильному следу! — воскликнул вдруг он. — Поверьте, я никогда не ошибаюсь, когда речь идет о чьей-либо виновности или исходе процесса. И сейчас я не ошибся, а всего лишь взял неверный след. Мне нужно было сосредоточиться не на Золотозубом и Эме, а на усатой крысе по имени Парсонс. Люсия, он знает, кто глава Клуба убийц, и боится его до смерти! Вот почему его лицо приобрело цвет сальной свечи, когда ему показалось, будто он слышит голос Дика Реншо в соседней комнате! Вот почему...

— О чем вы говорите?

— Подождите! — простонал Батлер. — Дайте мне подумать!

— Пэт. Дорогой, выслушайте меня! — взмолилась Люсия. Нежность и покорность в ее голосе глубоко тронула Батлера, так как он никак не ожидал их услышать. Она протянула к нему руки. — Пожалуйста, вернитесь ко мне хоть на секунду!

Перед такой просьбой Батлер не мог устоять, хотя она нарушала ход его мыслей.

— Я думала о вашей адвокатской корпорации, — продолжила Люсия, склонив голову ему на плечо. — В таких вещах я плохо разбираюсь, но мне говорил Чарли Денем... Ведь вы принадлежите к одной из них?

— Разумеется. А почему вы спрашиваете?

— Ну... Как вы думаете, Пэт, им понравится, если вы завтра будете давать показания в полицейском суде о потасовке в Сохо, в которой вы принимали участие? Мистер Денем сказал...

Батлер тут же ощутил укол ревности.

— Когда вы видели Чарли?

— Сегодня после ленча. Он сказал, что вчера на процессе вы встали и назвали судью старой свиньей.

Батлер пожал плечами.

— Я назвал старой свиньей старую свинью, — уточнил он.

— Что, если корпорация вас дисквалифицирует, тем более что вы участвовали в драке в Сохо? А что произойдет, если вы вдобавок сделаете что-нибудь ужасное с этим человеком из детективного агентства?

Разумеется, все это было правдой. Но Батлеру даже в голову не пришло изменить свои намерения.

— Неужели вы не понимаете, что я делаю все это ради вас? — осведомился он.

— Я знаю, дорогой! И мне это нравится! Особенно когда вы рискуете и... — Люсия судорожно глотнула. — Но разве вы не понимаете, что рано или поздно, как сказал за ленчем мистер Хэдли, вы можете серьезно пострадать?

— Сегодня я не пострадал, верно?

— Вам просто повезло!

Патрик Батлер молча посмотрел на нее. Почувствовав в нем перемену, Люсия подняла взгляд. Он выпустил ее из объятий и отодвинулся в противоположный угол с высокомерием римского императора.

— Очевидно, — заметил Батлер, обращаясь к стеклянной перегородке, — я везунчик.

— Дорогой! — виновато воскликнула Люсия. — Я не имела в виду...

Батлер махнул рукой.

— Этим вечером, — продолжал он голосом, каким говорил в зале суда, — два джентльмена пытались отправить меня в больницу. Разумеется, по чистой случайности — ха-ха! — теперь они сами нуждаются в срочной медицинской помощи. Мы с вами в ночном клубе, посещаемом мелкими уголовниками и проститутками-любительницами, подверглись нападению куда большего числа подобных джентльменов. Тем не менее, снова благо-

даря слепой случайности, мы вышли оттуда свободными как ветер.

— Пэт! Пожалуйста, послушайте меня!

Тон Батлера изменился.

— Где мы, черт побери? — спросил он. — Что мы здесь делаем? Куда мы едем?

Взглянув через боковое и заднее стекла, Батлер снова стал ощущать мир снаружи автомобиля.

Они ехали по Вестминстерскому мосту в сторону графства Суррей. В воде, дрожа, отражались высокие фонари, словно, как писал кто-то, призраки самоубийц держали факелы, указывая места, где они утонули. В заднем окне виднелась башня здания парламента со светящимся циферблатом часов.

Звон Биг-Бена, бьющего четверть десятого, вибрировал в воздухе, побудив Батлера к ледяной учтивости.

— Могу я снова спросить, Люсия, куда мы едем?

Бледная Люсия смотрела на него с обидой и упреком.

— В Бэлем, — пробормотала она, отвернувшись. — Конечно, если вы все еще хотите продолжать поездку.

— Ага! — Батлер поднял брови. — Полагаю, под Бэлемом вы подразумеваете дом миссис Тейлор?

— Вовсе нет!

— Тогда будьте любезны объяснить.

Люсия отодвинулась от него, словно говоря: «Я вас ненавижу!» Тем не менее она ответила спокойно и надменно:

— Вероятно, вы слышали вчера вечером, что я унаследовала три дома: один в Хампстеде, другой, принадлежавший миссис Тейлор, в Бэлеме и третий там же. Это маленький дом. В нем никогда не жили.

— И это вы называете приключением? — спросил удивленный Батлер.

Ответа не последовало.

— В то время, когда я должен был охотиться за Люком Парсонсом и работать в ваших интересах, вы хотите, чтобы мы обследовали жалкий домишко, в котором никогда не жили?

— Скотина! — не выдержала Люсия, порывисто подавшись к нему. — Вы можете найти там больше, чем ожидаете!

Фраза, вылетевшая из уст Люсии, вызывала смутную тревогу. Почти невидимый туман висел над черной Темзой. Вестминстерский мост напоминал скользкий и пустынный танцпол.

Патрик Батлер, уже забыв о своем гневе, чувствовал угрызения совести и хотел извиниться. Но он был по-настоящему влюблен в Люсию, его гордость давала о себе знать, и обычная беглая речь застревала в горле. Поэтому он скрестил руки на груди и стал смотреть вперед. Люсия смотрела туда же. Они сидели как пара манекенов, покуда автомобиль мчался через угрюмые Кеннингтон и Брикстон.

Невысказанные обвинения висели в воздухе во все время долгой поездки. Батлер погрузился в мрачные мысли о самоубийстве, которые неожиданно были прерваны.

— Куда смотришь, козел! — послышался сердитый голос шофера.

Скрипнули тормоза, автомобиль резко остановился, и обоих пассажиров подбросило вперед.

Слева они увидели красно-бело-голубой знак станции метро с названием «Бэлем». Справа высилась арка железнодорожного моста. Посредине висел светофор, горящий зеленым светом. Худощавая фигура в пальто с капюшоном и старой твидовой кепке, с медицинским саквояжем в руке, сосредоточенно переходила улицу.

Словно повинувшись единому импульсу, Батлер и Люсия одновременно повернулись друг к другу.

— Я не хотел... — начал Батлер.

— Я тоже! — отозвалась Люсия.

Несомненно, последовало бы продолжение, если бы худощавая фигура в старой кепке не зашагала к автомобилю, чтобы обменяться резкими выражениями с шофером. Батлер подобрал переговорную трубку.

— Полегче, Джонсон! — предупредил он шофера. — Это наш друг. — Потом он открыл дверцу и окликнул: — Доктор Бирс!

Фигура остановилась у бокового фонаря. Они увидели утомленные карие глаза доктора Артура Бирса с темными впадинами под ними.

— Садитесь в машину, — пригласил Батлер.

Доктор повиновался, и автомобиль подъехал к тротуару у станции метро.

Доктор Бирс опустил на одно из выдвижных сидений лицом к Батлеру и Люсии и снял фуражку, продемонстрировав

веснушчатый лысый череп и выпятив нижнюю губу. Саквояж он положил на колени. Вид у него был не столько сердитый, сколько усталый и встревоженный.

— Значит, вы все-таки решили приехать сюда! — заговорил он.

— Приехать сюда? — Удивленный Батлер повернулся к Люсии. — Доктор Бирс знал об этом?

— Нет! — воскликнула Люсия. — Я никому не говорила! Правда, Амброз?

Доктор Бирс скорчил гримасу.

— Возможно, вы слышали, — обратился он к Батлеру, — что покойная миссис Тейлор называла меня Амброз. В честь Амброза Бирса — прекрасного писателя. — Костлявые пальцы доктора стиснули ручку саквояжа. — Его рассказы были причудливыми и зачастую страшными. Но они никогда не бывали патологическими.

— Как раз об этом я хотел с вами поговорить, — отозвался Батлер — адвокат с ног до головы. — Потому и рискнул остановить вас.

— Вот как?

— Мы встречались только дважды, доктор. Первый раз в зале суда, а второй — у миссис Реншо вчера вечером. Но в суде мне пришло в голову, что вы знаете о миссис Тейлор гораздо больше, чем вам позволяли говорить правила свидетельских показаний.

— Да, — кратко согласился доктор Бирс.

— Вчера у миссис Реншо я спросил у вас, почему вы сказали, что в «Приорате» — доме миссис Тейлор — была нездоровая атмосфера. Нас прервали, прежде чем вы смогли ответить.

— Да. — Худощавое лицо стало еще более суровым.

— Не хотели ли вы сказать, что Ричард Реншо был в очень дружеских отношениях с миссис Тейлор? Куда более дружеских, чем, например, — он кивнул в сторону Люсии, — ее собственная племянница?

— Естественно, — с тем же лаконизмом подтвердил доктор Бирс. — Зло всегда привлекает зло.

Последовала короткая пауза.

— Надеюсь, вы не сочтете меня сумасшедшим, доктор, если я выскажу предположение о группе, которая действует под ка-

ким-то фантастическим прикрытием, — продолжал Батлер. Доктор Бирс бросил на него быстрый взгляд. — Мне кажется, миссис Тейлор занимала в этой группе достаточно высокое положение — возможно, следующее после главы. А главой, по моему, был Дик Реншо. И кто-то отравил обоих, чтобы заполучить контроль над группой.

— Отлично! — Доктор хлопнул ладонью по саквяжу. — Тогда почему бы вам прямо сейчас не отправиться в «Приорат» и не убедиться в этом?

Патрик Батлер быстро заморгал.

— В дом миссис Тейлор?

— Конечно! Разве вы едете не туда?

— Нет-нет! — вмешалась Люсия. — Мы едем в другое место — в...

— Этим вечером в доме кто-то есть, — прервал доктор Бирс.

Слова были вроде бы обычными, но в них слышался зловещий отзвук историй о привидениях.

— Этого не может быть! — запротестовала Люсия. — Слуги выехали оттуда неделю назад. Электричество отключено. Дом заперт.

— Тем не менее, — сказал доктор, — кое-кто ходит из комнаты в комнату с керосиновой лампой. Не бойтесь — я имею в виду не грабителей и убийц. Это доктор Гидеон Фелл.

— Доктор Фелл? — невольно вскрикнула Люсия.

— Да. Он, безусловно, был там вчера вечером — очень поздно — роясь в поисках какой-то улики. Полисмен, который застал его там и принял за взломщика, рассказал мне об этом сегодня. Разве вам не передали мое сообщение?

— Какое сообщение?

— Моя дорогая мадам, — сердито произнес доктор, — я знаю, что вас не было дома между временем ленча и шестью вечера. Но я оставил сообщение... — он щелкнул костлявыми пальцами, стимулируя память, — некой мисс Кэннон.

— Агнес ничего мне не передавала!

— Я думал, вас это может заинтересовать. Не сомневаюсь, что он там и сегодня вечером.

— Почему вы в этом уверены?

— Потому что я видел свет лампы. И доктор Фелл сказал полисмену, что проводит эксперимент с целью доказать, кто в действительности отравил миссис Тейлор.

Батлер выпрямился. Люсия, склонявшаяся вперед, поблескивая золотистыми волосами в тусклом свете станции метро, резко откинулась на спинку сиденья.

— Дом не слишком далеко отсюда, верно? — осведомился Батлер.

— Нет-нет! — Доктор Батлер указал направление. — Проедете под аркой железнодорожного моста и свернете направо на Бедфорд-Хилл-роуд, а потом... Не мог бы я поехать с вами?

Батлер быстро дал указания шоферу. Автомобиль ожил.

— Я хочу знать одну вещь, доктор, — настаивал Патрик Батлер. — Что собой представлял бизнес Реншо? Я имею в виду его официальный бизнес. Люсия только слышала что-то о каких-то фабриках...

— Дорогой, это все, что он мне рассказывал!

— Его официальный бизнес мне не известен, — сухо отозвался доктор Бирс. — Насколько я знаю, у него был офис в Сити и полезный титул «агент». — На губах доктора мелькнула сардоническая усмешка — мрачная, как в шотландском мюзик-холле. — Но я могу сообщить вам кое-что об этом джентльмене благодаря замечанию, которое обронила миссис Тейлор. А именно — кем он начинал карьеру.

— Ну и кем же?

— Рукоположенным священником, — ответил доктор Бирс.

Глава 13

На верху Бедфорд-Хилл-роуд, у края Тутинг-Коммон, смутно маячили на фоне черного неба викторианско-готические зубцы и декоративная башня «Приората». Света нигде не было.

Хотя «Приорат» в точности походил на дом Люсии в Хампстеде, он вызывал иные чувства. Окружающая его территория за низкой каменной стеной была больше, но плохо ухожена. Она словно отталкивала, как презрительный холодный взгляд слишком уважаемого человека, встреченного на улице. Деревья скорее прикрывали стрельчатые окна, чем украшали их.

Лимузин с потушенными фарами оставили немного ниже по улице. Батлер, Люсия и доктор Бирс — именно в таком порядке — зашагали по мощенной булыжником дорожке к фасаду.

— Священник! — бормотал Батлер. — Скажите на милость! — Потом ему припомнилось распятие из слоновой кости на стене спальни Реншо.

— Где, кроме церкви, — негромко осведомился доктор Бирс, — он мог использовать свой голос? Разве только на сцене или в зале суда.

— Я знаю, черт возьми, что похож на него!

— Ш-ш!

— А вы знали о прошлом вашего мужа, Люсия?

Так как ответа не последовало, Батлер повторил вопрос.

— Нет, не знала. — Люсия плотнее обмотала вокруг шеи белый шарф. — Хотя пару раз у меня в голове мелькнула такая догадка. Но вы совсем не похожи на него. — Она сжала руку Батлера.

— Попробуйте открыть парадную дверь! — послышался резкий голос доктора Бирса.

Входная дверь, которую при жизни миссис Тейлор закрывали на замок, засов и цепочку, сейчас не была закрыта ни на то ни на другое. Когда Батлер повернул ручку, она распахнулась в глухую темноту. Но он знал, с чем ему предстоит столкнуться. Слабый запах сырости и плесени смешивался с ароматом духов, которыми пользовалась покойная.

— У кого-нибудь есть электрический фонарик?

— Я всегда ношу его с собой, — отозвался доктор Бирс. — Вот!

Внутри, как и в хампстедском доме, находился коридор с двумя комнатами на каждой стороне. Но если в Хампстеде гостиной была первая комната справа, то здесь дверь в спальню-гостиную находилась слева.

Батлер вошел туда так быстро, словно его толкали чьи-то руки. Остальные последовали за ним, и доктор Бирс закрыл дверь. Луч фонаря Батлера осветил открытую дверь в спальню миссис Тейлор, затем переместился на маленький столик рядом с ней.

На столике стояла старомодная лампа — белый фарфоровый шар, расписанный цветами. Батлер поднял лампу и потрянул ее.

— Внутри масло, — сказал он, когда в тишине раздался всплеск. — Но лампа совсем холодная. Этим вечером здесь никого не было!

— Говорю вам, я видел свет! Доктор Фелл...

— Он не мог ходить в темноте, верно?

Вернув фонарик Бирсу, Батлер снял с лампы плафон, зажег карманной зажигалкой фитиль и поставил плафон на место. Призрачный беловатый свет создавал атмосферу 60-х годов прошлого столетия.

Словно бросая вызов призракам, Батлер шагнул в спальню миссис Тейлор. Он не поворачивался, пока не добрался до середины комнаты.

Остановившись, Батлер посмотрел на кровать покойной с ее резной деревянной спинкой и белым шнуром звонка. Изголовье было у стены, отделяющей комнату от коридора. Белье с матраца убрали, но кровать как будто злобно усмехалась в темноте. Батлер не удивился бы, увидев толстую миссис Тейлор с нарумяненным лицом и крашеными волосами, сидящую на кровати в розовой ночной рубашке, уставившись на него.

Он огляделся вокруг. Лампа тускло освещала набитые конским волосом диван и кресла, столики с мраморным верхом, камин с часами. Стрельчатое окно спереди было закрыто ставнями. Ничего не изменилось со времени прошлого визита Батлера.

— Пэт! — Люсия, на цыпочках последовав за ним в комнату, посмотрела на кровать и тут же отвела взгляд. — Если доктор Фелл был здесь, то он уже ушел. Что ему понадобилось в этом доме?

— Бог знает. Полагаю, он проверял, есть ли тут привидения. Доктор Бирс, человек науки, скептически наморщил нос.

— Какой-нибудь эксперимент... — начал он.

— Но какой? — Батлер обвел лампой комнату. — Здесь все то же самое...

Но это было не совсем так.

— Кто поставил этот графин на столик у кровати? — осведомился он.

— Графин? — переспросила Люсия.

— Когда миссис Тейлор была отравлена, на этом столике, кроме электрической лампы, находились только два предмета: банка с ядом и стакан с ложкой. Графина, безусловно, не было. А посмотрите теперь!

На столике слева от кровати стояла потушенная электрическая лампа под желтым абажуром с бахромой. Рядом нахо-

дился графин — похожий на графин в спальне Дика Реншо — с надетым на горлышко перевернутым стаканом. Графин был полон до середины.

— Похоже... — Люсия судорожно глотнула. — Ну, вы знаете на что! Но почему графин оказался здесь?

— Не знаю. Насколько мне известно, у старой мадам Тейлор вообще не было графина.

Батлер подошел к столику. Бледный свет лампы превращал лица его компаньонов в незнакомые белесые маски. Все двигались с такой осторожностью, как будто опасались, что графин взорвется. Патрик Батлер подобрал стакан и обследовал его. Он был чистым и сухим. Поставив стакан, Батлер поднял графин и понюхал его содержимое, потом поднес его ко рту...

— Ради бога, не делайте этого! — воскликнул хриплый голос так близко, что Батлер чуть не уронил графин.

Все были так поглощены осмотром комнаты, что не слышали даже слоновьих шагов и стука трости доктора Гидеона Фелла. Слишком массивный, чтобы пройти через дверь лицом к ней, доктор Фелл стоял боком, держа в руке маленькую лампу под цилиндрическим стеклянным колпачком. Свет падал на озабоченное розовое лицо; глаза поблескивали под съехавшими набок очками на черной ленте.

— Или, раз уж вы должны соваться в эту историю, — продолжал доктор Фелл, — умоляю вас не пить воду. Она отравлена.

Батлер спешно поставил графин.

— Спасибо за предупреждение. Простите, но это следствие вашего эксперимента? Вы ведь хотите утвердиться в своем предположении, кто на самом деле отравил миссис Тейлор?

Доктор Фелл нахмурился. Он боком протиснулся в дверь с широкополой шляпой на голове и тростью, висящей на руке под черной накидкой.

— Миссис Тейлор? — переспросил он. — Нет-нет! Вы извращаете факты, мой дорогой сэр. Мой эксперимент, если его можно удостоить этого наименования, связан с важным моментом в деле отравления Ричарда Реншо.

— И вы... разобрались в нем? — спросила Люсия.

Доктор Фелл одарил ее благожелательным взглядом, ответил поклоном, словно рассеянный старый король Коул¹, и кив-

---

¹ Король Коул — персонаж английских легенд.

нул доктору Бирсу. Посмотрев на свое солидное брюхо, он не без труда извлек из складок жилета большие золотые часы и взглянул на них.

— Теперь могу, разрази меня гром! — воскликнул он, возвращая часы на место с такими же муками. — Этот графин простоял на столике значительно больше двадцати четырех часов, что дает нам некоторый запас времени. Давайте посмотрим!

— Что это? — вскрикнула Люсия.

Доктор Фелл поднял графин и, держа его возле лампы в руке Батлера, приблизил к нему свою желтую лампочку, ярко осветив с двух сторон. Вода была прозрачной, как кристалл; стекло сверкало. Доктор изучал графин, наклоняя его в разные стороны.

— Ну? — нетерпеливо осведомился Батлер, чувствуя непонятное возбуждение. — Что вы там видите?

Доктор Фелл испустил вздох облегчения.

— Рад сообщить, что абсолютно ничего!

— Но яд...

— Мой дорогой сэр! — Доктор Фелл был явно озадачен. — Эксперимент не имел ничего общего с ядом! — Он поставил графин и маленькую лампу на столик.

Патрик Батлер закрыл глаза, медленно просчитал до десяти и открыл их снова.

— Одну минуту! — произнес он так властно, что доктор Фелл недоуменно заморгал. — Давайте разберемся. Иногда ваши загадочные замечания звучат как всего лишь фокус-покус, а иногда они похожи на речь слабоумного.

Доктор Фелл выглядел виноватым.

— Но человек, который раскрыл дело вампира и тайну отравлений в Касуэлл-Моуи-Хаус, не может быть слабоумным, — продолжал Батлер. — А значит, его замечания не пустая болтовня.

— Безусловно, — заверил доктор Фелл.

— Мне кажется, вы видите какую-то связь между уликами, которая стала бы очевидной и нам, если бы вы на нее указали. Но ваши мысли метнулись к другому аспекту дела, и вы искренне забываете, о чем идет речь, когда мы задаем вопросы об этой связи. — Батлер вернулся к своей манере вести разговор в стиле XVIII века. — Сэр, вы примете вызов здесь и сейчас?

Доктор Фелл выпрямился и поправил очки.

— Охотно, сэр.

— Тогда докажите, что мое суждение верно. Что представляет собой Клуб убийц? Как он функционирует? Что указывает на его существование? А самое главное... — любопытство Батлера достигло апогея, — под каким прикрытием он действует? Можете ли вы — или захотите ли — ответить на эти вопросы?

Доктор Фелл, чья гротескная тень упала на дверь, когда Батлер поднял белесую лампу, устремил на него ясный взгляд, абсолютно лишенный рассеянности.

— Могу и отвечу, — отозвался он. — Вы заслужили право знать, с каким опасным врагом ведете борьбу.

— И этот враг...

Телефонный звонок заставил Батлера вздрогнуть.

— Телефон отключен уже несколько недель! — воскликнула Люсия.

Доктор Фелл покачал головой:

— По счастливой случайности или даже намеренно — нет. Поэтому я смог связаться с Хэдли. Прошу прощения — я на минуту...

Батлер был в отчаянии.

«Если он попытается улизнуть от меня и я не услышу его рассказ через десять минут, я буду следовать за ним, как собираюсь следовать за Люком Парсонсом!»

Доктор Бирс с кепкой в одной руке и саквояжем в другой разглядывал деревянную кровать со странным выражением лица, которое Батлер не мог понять — оно напоминало ему другое лицо, возможно историческое, также ускользавшее из его памяти. Люсия, закусив губу, как будто одновременно хотела и боялась узнать правду, собиралась заговорить, но внезапно бросила удивленный взгляд на дверь.

В проеме стояла мисс Агнес Кэннон.

— Ну и ну! — промолвила она не без высокомерия и повторила слова доктора Бирса: — Значит, ты все-таки решила приехать сюда.

Краска залила щеки Люсии.

— Да, — отозвалась она, — но не благодаря вам! Почему вы не передали мне сообщение доктора Бирса?

Мисс Кэннон в аккуратном коричневом пальто и голубом шарфе, обматывающем голову и завязанном узлом под подбородком,

родком, продолжала шипеть, как газированная вода в человеческом облике.

— Милдред Тейлор! — промолвила она, окинув комнату медленным взглядом. — Здесь умерла одна из самых достойных и благородных женщин, какую я когда-либо знала... — Внезапно она переменяла тему, ответив на вопрос: — Ты ребенок, Люсия. Ты не позволяешь мне выполнять мой долг и заботиться о тебе. Если кто-то должен был отправиться сюда, я решила, что это следует сделать мне.

— А что вам здесь понадобилось? — воскликнула Люсия.

Мисс Кэннон блеснула стеклами пенсне.

— Я лщу себя мыслью, что обладаю достаточным жизненным опытом. Я знаю человеческую натуру. — Она бросила многозначительный взгляд на Батлера. — Ты даже не сообщила мне, куда направляешься и с кем.

— Ради бога, Агнес, перестаньте!

Открыв сумочку, мисс Кэннон спрятала туда аккуратно стянутые перчатки и защелкнула замок.

— Ты ведь не знала, — ее голос дрогнул, — когда прибежала домой переодеться к обеду, что полиция сегодня обыскала дом?

Казалось, Люсия на какое-то время перестала дышать.

— Они обыскивали мою комнату?

— Очевидно — как и все прочие.

— Что они искали?

— Мне они об этом не рассказывали. Но у них был ордер на обыск. Я заставила старшего инспектора Сомса предъявить его.

В коридоре послышались неуклюжие шаги. Когда доктор Фелл боком протиснулся в комнату и подошел к ним, излучая энергию, как печь — тепло, мисс Кэннон словно растаяла в темном углу. Лицо доктора Фелла стало серьезным, когда он посмотрел на Батлера.

— Слушайте! — резко начал он, отбросив «ученые» манеры. — Боюсь, у меня для вас скверные новости. Звонил Хэдди. Полицейский рейд на некий клуб «Любовь под маской» потерпел фиаско.

— Что вы имеете в виду?

— Один из ваших врагов, которого вы описали как Эма, отправился к врачу вправлять вывихи. Другой, которого вы именovali Золотозубым, убрался до прибытия полиции. Оба все еще в розыске.

Батлер засмеялся. Доктор Фелл, придерживая очки, наблюдал за ним с новым интересом и даже восхищением.

— Ныне я пребываю не в такой физической форме, — промолвил он, — чтобы вламываться в бильярдные и ночные клубы Сохо, как, кажется, проделали вы и миссис Реншо...

— Люсия! — ахнула мисс Кэннон.

Доктор Фелл отмахнулся от нее.

— Но Хэдли просил передать вам очень серьезное предупреждение. Золотозубый намерен отправить вас в морг.

— Если вы думаете, что у меня кровь станет в жилах от этого сообщения, то вы ошибаетесь, — сухо отозвался Батлер. — Значит, эти головорезы все еще на свободе?

Физиономия доктора Фелла покраснела еще сильнее.

— Если бы вы слышали «послужной список» Золотозубого, когда Хэдли читал его по телефону, то были бы более осторожны. У вас есть лицензия на огнестрельное оружие?

— Нет.

— Ну, тогда утром бегите в Скотленд-Ярд. Хэдли мигом обеспечит вас ею.

Батлер поднял брови.

— Вы искренне думаете, — осведомился он, — что джентльмен должен использовать револьвер против подобных типов? Их угрозы следует попросту игнорировать.

— Ради бога, послушайте меня! При вашей первой встрече Золотозубый счел вас простофилей...

— У меня сложилось о нем такое же мнение. Возможно, оно чересчур лестное.

— Но сейчас он так не считает. Золотозубый не станет рисковать — он подкрадется к вам сзади, когда вы этого не ожидаете. Что вы собираетесь делать, мой дорогой сэр?

— Ни до встречи с ним, ни сейчас, — спокойно ответил Батлер, — у меня не было никаких идей насчет того, какой тактики придерживаться. Но я что-нибудь придумаю.

— Пэт, — воскликнула Люсия, — а если они нападут на вас этой ночью?

— Ну и что? Не тревожьтесь, милая моя. — Батлер потрепал ее по щеке — к ужасу мисс Кэннон, и поставил лампу на столик. Его вновь одолевало любопытство. — Надеюсь, теперь мы услышим нечто по-настоящему важное. Доктор Фелл, вы намерены рассказать нам о Клубе убийц?

— Да, — серьезно ответил Фелл.

В наступившем молчании, когда остальные инстинктивно шагнули назад, он опустил на край широкой кровати, упираясь тростью в пол.

— Признаюсь, — с непривычной скромностью продолжал Батлер, — что мои мозги бессильны. Я лишь знаю, что эта шайка изобрела какой-то совершенно новый способ рэкета...

— Нет! — прервал доктор Фелл голосом, похожим на пистолетный выстрел, и стукнул по полу наконечником трости.

— Значит, он не новый?

Вскинув массивную голову с копной седеющих волос, доктор Фелл изучал Батлера взглядом старика, обладающего энергией юноши.

— Я часто говорил суперинтенденту Хэдли, — вздохнул он, — что ему следует на пятнадцать часов в день закрываться в библиотеке и читать книги по истории. На это он не без оснований возражал, что в таком случае у него больше ни на что не оставалось бы времени. Не существует преступления и преступных тенденций, которые не повторялись бы снова и снова. То, что вы соизволили назвать рэкетом, старо, как Средние века.

Тусклая белесая лампа словно переносила комнату с обоями в желтую полоску в Викторианскую эру. Время перестало существовать. Миссис Тейлор, даже если ее призрак все еще ухмылялся под крашеными волосами, могла быть мертвой уже почти столетие. Но доктор Фелл перенес слушателей на много веков раньше.

— Я не отклонюсь от темы, — продолжал он, — упомянув о средневековом крестьянине. Любому школьнику известно, какой тяжелой была его жизнь. Казалось, церковь и государство объединились, чтобы угнетать его. Князья церкви и мира ездили мимо на великолепных лошадях в замки, полные яств и напитков, а ему приходилось искать пенни или его натуральный эквивалент, чтобы нагрузиться элем в пивной и забыть ненадолго о своих бедах. Его могли повесить за ничтожный проступок или отправить на войну за границей. Единственным его утешением была церковь, сверкающая в сиянии свечей, как небесное видение, как золото из сундуков. Но и там таились ужасы. Бог существовал, но он был далеким и грозным. Разве он делал что-нибудь для детей горя?

Доктор Фелл махнул рукой:

— Ладно. Это всего лишь краткий экскурс с комическим привкусом, если вспомнить о том, что мы именуем прогрессом. Давайте подумаем о невыносимых ужасах в жизни сегодняшнего обыкновенного человека.

Поскольку мисс Кэннон собирается заговорить, спешу добавить, что это не вопрос того, какое правительство сейчас у власти, а результат мирового катаклизма. Никакое правительство за пределами Утопии не способно создать панацею от всех бед. Но вернемся к нашему обыкновенному человеку.

Конечно, качество его жизни повысилось! Он не голодает, хотя получает лишь столько пищи, чтобы не свалиться с ног. Даже при наличии денег он не может ничего купить, так как покупать абсолютно нечего. Он стоит в длинных очередях за сигаретами, когда может себе это позволить. Даже реклама издевается над ним, восхваляя какой-нибудь заварной крем, который достать все равно невозможно, поскольку его хотят слишком многие.

Его давят в толпе, мнут в очередях, опутывают бюрократической волокитой, обманывают торговцы, с которыми ему приходится иметь дело. Его нервы истерзаны пятью годами войны и авианалетов, поэтому он отчаянно стремится вырваться из убогой реальности. Вы когда-нибудь обращали внимание на бесконечные очереди в кинотеатры, где люди с пустыми, как у овец, глазами, мерзнут, чтобы ненадолго оказаться в подслащенной чепухе мира кино? Каким может быть их душевное состояние?

Давайте вернемся к давно усопшим, но хорошо знакомым персонажам Средневековья. Для многих из них с их кошмарным существованием Царь Царей являлся непостижимой загадкой. Но был и другой бог, куда более волнующий. Он тоже был могуществен. Он мог раздавать богатые дары и вознаграждать своих приверженцев, не обращая внимания на церковь и государство. И поэтому они...

Доктор Фелл сделал паузу.

— Они — что? — спросила Люсия, вцепившись в спинку кровати.

— Поэтому они часто поклонялись Сатане, — ответил доктор Фелл. — Тогда, как и сейчас, только ради возбуждения.

Затянувшееся молчание казалось невыносимым. В белесом свете лампы четыре лица выглядели как лица призраков.

— Вы сознаете тот факт, — заговорил доктор Фелл, — что все имеет обыкновение возвращаться на круги своя?

— Право же! — тонким пронзительным голоском отозвалась мисс Кэннон. — Если вы хотите, чтобы мы приняли всерьез эти глупые сказки...

Доктор Фелл закрыл глаза.

— «Несомненно, вы читали, — я цитирую мистера Мэкенна¹, — о шабаше ведьм и смеялись над историями, которые пугали наших предков, — потешались над черными кошками, метлами, заклятиями, произносимыми против коровы какой-нибудь старухи. Поскольку я знал правду, то часто думал, что верить в подобный фарс, в общем, было счастьем».

Он снова открыл глаза. Кончики его разбойничьих усов поникли.

— Мэм, — обратился доктор Фелл к мисс Кэннон, — вам известно, что собой представляла черная месса?

— Ну...

— Ни один беллетрист не изображал ее с точностью, за исключением Гюисманса² в «Там, внизу». Только церковь осмеливалась описывать подробности, и я не буду более стыдлив, чем она. Черная месса, которую служили на теле обнаженной женщины вместо алтаря, начиналась с церемонии...

Два голоса заговорили одновременно.

— Право, — сказала мисс Кэннон. — Многим нравится выглядеть людьми с широкими взглядами. Но дурной вкус есть дурной вкус.

— Антихрист! — воскликнул доктор Бирс, словно молясь. — Пусть все сгорит и будет уничтожено!

Оглянувшись, Батлер понял, кого напоминает ему Артур Бирс. Каким бы ни была его профессия, он куда меньше походил на врача, исцеляющего тела, чем на шотландского пуританина XVII века, исцеляющего души. Даже его внешность — узкая лысая макушка, словно увенчивающая худое аскетичное лицо с задумчивыми карими глазами, — напоминала полотна старых живописцев.

---

¹ Мэкен Артур (1863—1947) — английский писатель.

² Гюисманс Шарль-Мари-Жорж (1848—1907) — французский писатель.

— Колдовство! Культ Сатаны! — Люсия поежилась. — Неужели в наши дни...

— В наши дни более чем когда-либо, — сказал доктор Фелл.

— Почему?

— Потому что мир в хаосе. Потому что после покойного Адольфа Гитлера многие верят, что общепринятым стандартам достойного поведения больше нет места. Ужасы перестали шокировать. Что до религии, ее место заняла политика. Мы видим пятнадцатилетних девочек, орущих пьяные песни на Лестерсквер. Порядочные люди пускаются в обман и мошенничество, так как к этому их вынуждает жизнь. Конечно, все когда-нибудь изменится. Но пока что сатанизм существует.

— И он широко распространен? — осведомился Патрик Батлер.

— Не слишком широко. Но от этого он не становится менее опасным, так как его исповедуют алчные авантюристы и потенциальные убийцы.

— Убийцы? — вскрикнула Люсия.

— Неужели вы не понимаете? Культ Сатаны всегда был прикрытием для массовых отравителей.

Глава 14

— Много лет назад, — продолжал доктор Фелл, очевидно не ощущая напряжения слушателей, — инспектор Эллиот и я думали, что обнаружили культ Сатаны в деле о согнутой петле¹. Мы ошиблись — он существовал только в голове у одного человека. Но теперь, разрази меня гром, все вернулось с избытком! Объяснить, как я это открыл?

— Да-да! — Люсия повернула к доктору Феллу одно из старых кресел и опустилась в него.

Мисс Кэннон, явно шокированная, суетилась над ней.

Доктор Фелл посмотрел на Патрика Батлера:

— Прошлой ночью, в доме миссис Реншо, я говорил вам, что верю в организацию, распространяющую яд. Но я не понимал, каким образом она столько времени могла функционировать в полной тайне. Афинские архонты, какая тупость! — Доктор

---

¹ См. роман «Согнутая петля».

Фелл хлопнул себя ладонью по лбу. — Я забыл историю, чего не должен допускать ни один криминалист. Почти сразу же я увидел на столе в гостиной большой серебряный канделябр с семью ответвлениями для свечей.

Мгновение все молчали.

— Но все, что вы сделали, — запротестовал Батлер, хотя чувствовал приближение многих опасностей, — это соскрести в одном из гнезд несколько кусочков воска, почерневших от пыли.

— О нет! — возразил доктор Фелл. — Не от пыли! Как я сразу же выяснил, мисс Кэннон слишком хорошая домохозяйка, чтобы допускать существование пыли. К тому же капля воска не могла почернеть не только сверху, но и снизу. Вы когда-нибудь видели черные свечи подходящего размера для гнезд этого канделябра? Нет, так как их изготавливают только тайно.

— Для черной мессы, — добавил доктор Бирс с ужасающим хладнокровием.

— Могу вам сообщить, — заявила мисс Кэннон, — что гнезда для свечей были абсолютно чистыми. Я сама проверяла их сегодня утром.

— Об этом меня информировал Хэдли. Он виделся с миссис Реншо во время ленча. — Доктор Фелл посмотрел на Люсию. — Иными словами, миссис Реншо, кто-то в вашем доме вычистил ночью эти гнезда. Повторяю: в вашем доме. Вам не кажется, что становится все теплее?

— Не понимаю, о чем вы. — У Люсии пересохло в горле. — Честное слово.

— Ну-у, — протянул доктор Фелл, возобновляя повествование, — после ослепительной иллюминации, созданной свечами, я получил еще одну информацию, которая, как вы, возможно, заметили, заставила меня подпрыгнуть.

— И что же это за информация? — спросил доктор Бирс, который стоял в тени, сжав кулаки. — Я... э-э... покинул дом после встречи с вами.

— На подоконнике одного из окон в спальне мистера Реншо, — ответил доктор Фелл, — кто-то начертил в пыли маленькие рисунки. Как любезно сообщила мне мисс Кэннон, каждый из них выглядит как перевернутая буква «Т» — может быть, с крошечным хвостиком. Хмф, да.

— К сожалению, — сказала мисс Кэннон, — следы в пыли стерли.

— К счастью, — отозвался доктор Фелл, — полиция сфотографировала их при первом же осмотре комнаты.

Порывшись во внутреннем кармане пиджака, в котором, вероятно, было достаточно старых писем, чтобы наполнить ими коробку из-под обуви, доктор Фелл достал мятую глянцевою фотографию и подержал ее перед глазами Люсии.

— Все так, как говорила Агнес! — заявила она. — Хвостик — продолжение вертикальной линии.

— Вам о чем-нибудь говорят эти рисунки?

— Нет.

— Тогда давайте перевернем фотографию, — предложил доктор Фелл.

Он сделал это, и Люсия вскрикнула.

— Господи, они выглядят как христианские кресты!

— Вот именно! — Доктор Фелл спрятал снимок в карман. — Как мы помним, на стене этой комнаты висело распятие из слоновой кости. Кто-то с усмешкой смотрел на него, опуская в графин яд, и несколько раз нарисовал в пыли в качестве комментария символ всех дьявольских культов — перевернутый крест Сатаны!

Трость доктора Фелла вновь стукнула по полу.

— «Опуская яд в графин», — повторила Люсия.

— Да. Очень важная деталь.

— Вчера вечером... — голубые глаза Люсии искали новые опасности, — вы задали мне два вопроса и сказали, что они очень важные. Вы спросили, ссорилась ли я с тетей Милдред Тейлор из-за религии. А я ответила, что она говорила о католической церкви.

— Вы уверены? — осведомился доктор Фелл.

— Конечно, уверена! И выглядела она при этом очень странно. Могу повторить ее слова: «Какую радость ты бы познала, дорогая, обратившись к старой религии!»

— «К старой религии!» — с удовлетворением повторил доктор Фелл. — Это уже лучше! Я так и думал!

— Неужели вы имеете в виду...

— Такое название дают культу антихриста многие его поклонники, — объяснил доктор. — Что касается второго важного вопроса, который я вам задал и убедился в вашей невиновности, когда этот вопрос вас вроде бы озадачил... Слушайте!

Невесело усмехнувшись, доктор Фелл поднял седеющую голову, отяжелевшую под грузом знаний, и посмотрел по очереди на каждого из четырех человек, окружавших его.

— Позвольте напомнить вам одну маленькую историю, — снова заговорил он. — Вы все ее знаете. Она была напечатана в доброй половине школьных учебников и прочитана в большинстве стран. Но ни авторы, публиковавшие ее, ни читатели, ее запоминавшие, не имели ни малейшего понятия о том, что она в действительности означала.

История эта произошла в период царствования Эдуарда III, в XIV веке. Некая леди (в большинстве версий она идентифицирована как графиня Солсбери) танцевала на придворном балу, устроенном королем. Во время танца она уронила подвязку и смутилась. Король Эдуард тут же подобрал подвязку, прикрепил ее на собственной ноге со словами «*Honi soit qui mal y pense*» и после этого инцидента основал орден Подвязки — высший рыцарский орден во всей Европе.

Доктор Фелл насмешливо чмокнул губами под разбойничьими усами.

— Интерес этой маленькой истории заключается не в том, правдива ли она или отчасти легендарна. Но за прошедшие века она утратила свой подлинный смысл. Уверяю вас, требовалось куда большее, нежели потерянная подвязка, чтобы шокировать даму. Подобный инцидент мог вызвать легкое смущение разве что при королеве Виктории. Ныне любой ребенок может перевести с французского фразу «*Honi soit qui mal y pense*» — «Стыд тому, кто дурно об этом подумает». Но какие дурные мысли это могло вызвать?

Однако король Эдуард знал, что так потрясло леди Солсбери и испугало гостей. Его сообразительность, как указывает мисс Марри¹, вероятно, спасла ей жизнь. Ибо подвязка, тогда используемая как веревка, тесемка или шнурок...

Люсия Реншо встала и с присущей ей интуитивной грацией отошла назад на несколько шагов, прижав ладони к щекам.

— Продолжайте! — поторопил Патрик Батлер.

— Подвязка была знаком ведьмы. Она символизировала существо, погрязшее в разврате и убийствах, постоянно мая-

---

¹ Марри Маргарет Элис (1863–1963) — английский антрополог, автор книги «Бог ведьм».

чившее на фоне грозового неба Средневековья. А красная подвязка обозначала главу шабаша, председательствующую на нечестивых сборищах и наиболее близкую к особе — обычно мужского пола, — выступавшей в роли Сатаны.

На слушателей повеяло холодом, как будто белесая лампа перестала излучать тепло и мертвая миссис Тейлор присоединилась к группе.

— Да, можете глазеть на меня! — с вызовом произнесла Люсия. — Я уже больше года надеваю подвязки, и даже носила их вчера вечером.

Доктор Фелл тяжело вздохнул.

— Рад, что вы сказали это, мэм, — проворчал он, снова по-мрачнев. — В ящике вашего туалетного стола полиция обнаружила...

— Да, конечно! Вот почему я так испугалась, когда Агнес сообщила мне, что они обыскивали дом.

— Нет-нет! — Доктор Фелл сердито покачал головой. — Они искали нечто более важное, чем пять пар красных подвязок. Но почему вы солгали мне вчера вечером?

— Потому что я не знала, что они означают! В ваших устах это звучало так таинственно и многозначительно, что я испугалась, благодаря... можете назвать это инстинктом! Дик заставлял меня делать это.

— Ваш муж заставлял вас носить подвязки?

— Да. Это казалось шуткой, но за ней что-то крылось. Дик часто спрашивал: «Моя дорогая надела свои украшения?» Он всегда называл подвязки «украшениями» и смеялся при этом. Я ни разу не могла угадать, когда ему придет в голову задать этот вопрос.

Люсия облизнула губы. Ее взгляд устремился на Батлера.

— Помните, я сказала, что Дик всегда выбирал мне одежду? Только так я осмелилась на это намекнуть. Но клянусь, я понятия не имела, что это значит! Пэт, дорогой! — Она протянула к нему руки, но тут же опустила их. — Неужели вы мне не верите?

— Конечно, верю. — Батлер засмеялся, но его никто не поддержал. — Как и все остальные. Что скажете, мисс Кэннон?

Женщина, сняв пенсне, чтобы вытереть глаза, близоруко уставилась на него.

— Я скажу, — чопорно отозвалась она, — что немедленно покину этот дом, если еще раз услышу нечто подобное. Я считаю эту тему не подходящей для обсуждения.

— Одну минуту! — резко произнес доктор Фелл.

Люсия сделала едва заметный жест, умоляя Батлера подойти к ней. Он повиновался, чуть коснувшись ее руки. Теперь Батлер четко видел широко открытые глаза доктора Фелла — ясные серые глаза, не замутненные временем и избыточным потреблением пива.

— Ваш муж, миссис Реншо, ранее был священником, — сказал доктор Фелл. — Рутинная полицейская работа позволила быстро это обнаружить. Вы об этом знали?

— Нет. Не знала до сегодняшнего вечера, когда доктор Бирс сообщил мне это. Но у меня... как бы это объяснить... были смутные подозрения...

— Вы подозревали — в чем я твердо уверен, — что он был главой сатанинского культа?

«Значит, я был прав!» — подумал Батлер.

— Нет! — вскрикнула Люсия. — Никогда! Просто я иногда думала... ну, ведь существует множество странных, но абсолютно безвредных культов — вроде поклонения деревьям, солнцу или чему-то еще...

— Ваш муж когда-нибудь проводил с вами какие-нибудь ритуалы, необходимые для присоединения к культу Сатаны? Незачем краснеть как школьница, миссис Реншо. Уверяю вас, если бы он так делал, вы бы это запомнили.

— Я ничего подобного не помню. Нет.

— И даже не намекал на это?

— Я обязана отвечать на этот вопрос?

— Моя дорогая леди, вы вообще не обязаны мне отвечать. Можете покинуть этот дом, как хочет сделать мисс Кэннон, и идти с миром. Как я уже говорил, я всего лишь старый тупица, который старается вам помочь.

Батлер, чья ненависть к Дику Реншо достигла новых высот (или глубин), сжал руку Люсии, давая понять, что она должна ответить. Казалось, дух Дика Реншо парил над ними, махая черными крыльями.

— Может быть... — Люсия сплетала тонкие пальцы, — я только считаю это намеком. Но однажды Дик сказал мне... — Она заколебалась. — «Дорогая, ты Венера только внешне, а в душе —

тетушка пастора». — «А может быть, ты — неподходящий мужчина», — ответила я. И тогда он меня ударил... О, неужели мы должны обсуждать подобное?

— Потерпите еще минуту. Мне самому это не нравится, разрази меня гром! Вы знаете, что только рукоположенный священник может служить черную мессу?

— Доктор Фелл, я никогда не слышала о черной мессе, если не считать одного-двух рассказов о призраках, где толком ничего не объяснялось. — В глазах Люсии светилось невольное любопытство. — Что именно там проделывают?

— Вы не знали, — допытывался доктор Фелл, игнорируя вопрос, — что ритуалы черной мессы проводились здесь?

Два голоса прозвучали одновременно.

— Здесь? — воскликнула мисс Кэннон.

— В этом доме? — осведомился доктор Бирс. Стиснув кулаки, он медленно обошел вокруг кровати и посмотрел в лицо доктору Феллу.

— Не в этом, — ответил Фелл, скользнув взглядом по комнате, где все еще ощущался запах духов миссис Тейлор. — Но очень близко отсюда. В маленьком строении, принадлежащем теперь миссис Люсии Реншо. Кажется, я упоминал, что разговаривал с мистером Чарлзом Денемом о завещании миссис Тейлор. Миссис Реншо унаследовала три дома: «Приорат», «Дом аббата» и третий, под названием «Часовня».

— Ну и что?

— Кто-то отмечал, доктор Бирс, наш нелепый способ давать названия домам. Мы строим маленькую виллу без единого дерева в радиусе сотни ярдов, называем ее «Вязы», и это никого не удивляет. Этот дом — не приорат. Ни один монах никогда не переступал порог «Дома аббата». Но, как ни странно, место, именуемое «Часовней», действительно ею является.

Скулы резко обозначились на костлявом лице доктора Бирса.

— Если вы скажете мне, что это нонконформистская¹ часовня, — заявил он, с усилием взяв себя в руки, — я сразу отвечу, что это ложь.

---

¹ Нонконформисты — в Англии протестанты, не принадлежащие к англиканской церкви.

— Нет-нет! Я имею в виду частную часовню, относящуюся к большому дому, который давно снесли. Но она была освящена. Вероятно, потому ее и использовали для культа Сатаны.

Батлеру показалось, что с уст Бирса вот-вот снова сорвутся слова: «Пусть ее сожгут и разрушат!» Но врач только указал на кровать и осведомился тем же резким голосом:

— Миссис Тейлор?

— Думаю, сэ,р, она была первой помощницей главы культа, Ричарда Реншо.

— И она посещала ритуалы в этой... часовне?

— Мой дорогой сэ,р, вы сами заявили в суде, что миссис Тейлор могла бы отправиться пешком в Китай с чемоданом руке. Она не была инвалидом.

— А если бы она думала, что кто-то прячет что-то от нее, то перерыла бы весь дом в поисках этого. Проклятая женщина, — доктор Бирс произнес прилагательное с ударением на первом слоге, — настаивала на том, чтобы ночевать здесь одной, за исключением компаньонки-секретарши в задней части дома. Если она выходила через парадную дверь, это оставалось для всех незаметным.

— Да.

— Доктор Фелл, а что вас интересует в... часовне?

— Черт возьми, неужели вы не понимаете? Мы расследуем дело не о сатанизме, а о массовых отравлениях. Что касается часовни... — Доктор Фелл посмотрел на остальных и добавил: — Я отведу всех вас туда этой ночью.

Где-то в темном доме послышался звон стекла.

Все четверо оставались неподвижными. Батлеру показалось, что звук раздался совсем близко.

— Фонарик при вас? — спросил он доктора Бирса. — Отлично! Дайте его мне!

Врач принес фонарь с кресла, куда положил кепку и саквояж. Люсия шагнула вперед.

— Пэт, что вы собираетесь делать?

— Просто осмотреться.

— Будьте осторожны!

— Чего мне бояться? — отмахнулся Батлер и поспешил в коридор.

Ему и в голову не приходило, что в дом мог проникнуть взломщик. Он всего лишь хотел побыть несколько минут один

в темноте, наедине со своими мыслями, чтобы выражение лица не могло его выдать.

Батлер скользнул лучом фонаря по двум дверям на каждой стороне коридора и полинявшим желтым обоям, потом медленно двинулся вперед.

Последние полчаса он пребывал в более угнетенном состоянии, чем когда-либо до того, чувствуя неудержимое желание колотить кулаком по стенам.

Сатанизм. Плоть и дьявол. Черные свечи, горящие на обнаженном теле под перевернутым крестом. Красные подвязки, тесемки и веревки, вроде бы канувшие в прошлое. Согласно ирландскому суевию, подвязка обладала магической силой. Батлер вспомнил мемуары Пипса¹, где говорилось о старинном обычае драться на свадьбе из-за подвязки невесты...

Свадьба... Люсия... Часовня...

Несомненно, Люсия собиралась привести его этим вечером в часовню. Он вспомнил ее слова в «Кларидже» («Настоящее приключение!»), в клубе «Любовь под маской» («Сумка... в ней ключ»), в салоне мчащегося автомобиля («Вы можете найти там больше, чем ожидаете»).

Стоп! Возможно ли, что черную мессу будут служить в часовне этой ночью? Не потому ли доктор Фелл хочет отвести их туда?

Батлер знал об этой церемонии лишь то, что она завершалась эротической оргией, видения которой он отогнал так же быстро, как захлопнул бы дверь.

Чепуха! Этого не может быть!

Люсия ни в чем не виновна — тем более в убийстве. Его уверенность крепла с каждой минутой.

«Вы когда-нибудь слышали, — обратился бы он к присяжным, — чтобы женщина более ясно, разумно и честно отвечала на вопросы, как обвиняемая отвечала доктору Феллу несколько минут назад? Дьявольские подвязки были изобретением Дика Реншо, чья душа сейчас поджаривается в аду!

Предположим, она пригласила меня в эту часовню. Ее собственные слова содержат объяснение, хотя она не собиралась его давать. Миссис Реншо верила, что ее муж был священником — возможно, самозванным, — и, как она сказала,

---

¹ П и п с Сэмюэл (1603—1703) — английский мемуарист.

«существует множество странных, но абсолютно безвредных культов».

Обследование третьего дома, принадлежащего ей («В нем никогда не жили»), могло предоставить доказательства по делу об убийстве Реншо и в то же время стать безобидным приключением, которое так ее привлекало. Это легко понять...»

Патрик Батлер остановился, прислушиваясь.

Где он?

Его палец соскользнул с кнопки фонаря — очевидно, он уже некоторое время бродил в темноте. Батлер был так поглощен своей безмолвной речью, что не замечал, куда идет.

Судя по более свежему воздуху, деревянному полу и ощущению упругости ковра под ногами, он находился в просторном заднем холле с галереей вокруг него. Его охватила паника, как бывает с человеком, внезапно пробудившимся ото сна. Встретить мертвого и проклятого Дика Реншо было бы так же неприятно, как повстречать собственное отражение в зеркале.

Рядом заскрипели шаги.

— Кто здесь?

— Кто здесь?

Вопросы прозвучали одновременно. Батлер нажал кнопку фонарика. Кто-то стоящий неподалеку лицом к нему сделал то же самое. Два луча света пересеклись над столом, между двумя серебряными канделябрами — точно такими же, как в доме Люсии Реншо. Батлер с облегчением узнал массивную фигуру полисмена.

— Кто вы, сэр? — осведомился последний, держа фонарь с увеличительным стеклом.

— Моя фамилия Батлер. Я здесь с доктором Феллом — он сейчас в передней комнате. Думаю, у меня есть карточка.

Найдя карточку, Батлер протянул ее через стол. Полицейский бросил на нее быстрый взгляд и вернул назад.

— Батлер, — произнес он, как будто фамилия казалась ему знакомой и зловещей. — Вы знаете, сэр, что задняя дверь открыта настежь?

— Должно быть, ее открыл доктор Фелл! Сейчас я проверю. Я слышал, как где-то разбилось стекло...

— Это был взломщик, сэр.

— Взломщик?

— Он наткнулся на большую стеклянную вазу на подставке у задней двери, потом увидел мой фонарь и убежал. Мы получили указания разыскивать его.

— Разыскивать?

— На вашем месте, сэр, я был бы осторожен. У него два передних зуба — золотые.

Глава 15

— Это и есть часовня? — пробормотал доктор Бирс.

— Но я же говорила вам, что у меня нет ключа! — настаивала Люсия. — Я оставила его в сумочке в том ночном клубе.

— Не важно. У меня свой ключ. — Доктор Фелл достал большой железный ключ с прикрепленной к нему картонной биркой. — Я обзавелся им в ратуше, вместе с кое-какой информацией об этом сооружении.

Агнес Кэннон и Патрик Батлер ничего не сказали.

Они стояли на восточной стороне Тутинг-Коммон, почти у южного ее края. Пустошь, зеленовато-коричневая днем, выглядела ночью абсолютно черной. Вдалеке виднелись уличные фонари и голые деревья.

Часовня середины XVIII века могла привлечь внимание, не возбуждая особого любопытства. Маленькая и узкая, построенная из серого камня, она имела островерхую крышу, как церковь без шпиля. Ни кусочка стекла не осталось в стрельчатых окнах, пострадавших задолго до бомбардировок. Одно окно, большое, заколоченное изнутри почерневшими от времени досками, смотрело на посетителей; узкое было обращено к тротуару за высокой тисовой изгородью.

С обеих стороны часовни, на расстоянии около дюжины футов, стояли два уважаемых пригородных дома — темных с целью экономии электричества и топлива. Белый туман сгущался снова. Все, чего касались руки, было холодным, как жаба.

Голос доктора Фелла, рокочущий впереди, служил единственным указателем дороги сквозь проем в изгороди и налево вокруг часовни.

— Около двухсот лет назад, — произносил голос раскатистым шепотом, — большая часть этой стороны Тутинг-Коммон

принадлежала баронету по фамилии Флетчер. Крытый проход соединял дом с часовней. Дверь с этой стороны... Что-нибудь не так?

— Ничего, — отозвался Батлер, шедший позади.

Он всего лишь задел спиной изгородь, но ему почудилась рука Золотозубого на своей шее.

Впереди Батлера шла Люсия в его пальто, которое он заставил ее надеть. Возникшее между ними чувство было настолько сильным, что она обернулась, словно услышав его мысли.

— Что произошло в доме, Пэт? — спросила она. — Когда разбилось стекло и вы вышли посмотреть?

— Я уже говорил вам, что ничего, — солгал Батлер.

— Вы мне не доверяете?

— Полисмен обнаружил заднюю дверь открытой — вот и все. Доктор Фелл потом признался, что это он оставил ее открытой. Полисмен случайно разбил стеклянную вазу на подставке.

Впереди заскрипел в замке ключ. Сбоку маленькой часовни открылась арочная островерхая дверь. Все протиснулись внутрь — даже туша доктора Фелла, держащего фонарь доктора Бирса.

— Самая обыкновенная часовня, — промолвила мисс Кэннон, когда доктор Фелл запер за ними дверь и положил ключ в карман. — Правда, в ужасном состоянии — скамьи сломаны.

— Верно, — согласился доктор Фелл и добавил — вроде бы не к месту: — Сэр Томас Флетчер, первый баронет, не фигурирует в «Национальном биографическом словаре», но его сын Харри, который был связан с сатанистским обществом под названием «Медменхэмские монахи», удостоился одного абзаца. Идите за мной.

Батлер, погруженный в свои мысли, не замечал, куда ведет их доктор Фелл. Очевидно, к ночи его энергия стала истощаться, думал он, иначе Золотозубый не занимал бы его мысли. Встреча с ним лицом к лицу при свете не создавала бы проблем, но здесь...

Где-то под окном поднялась тяжелая крышка люка. Следуя один за другим, они спускались по лестнице, достаточно широкой даже для доктора Фелла. Бирс, шедший позади, закрыл за ними люк.

«Проснись, дурень!»

Здесь все выглядело совсем по-другому. Лестница была покрыта мягким ковром. Каменную стену справа тоже скрывал занавес из мягкого и плотного материала. При неустойчивом свете фонаря ковер и занавес казались темно-красными. Перила слева были из какого-то черного глянцевого дерева, похожего на эбеновое.

Помещение наполнял застоявшийся запах ладана, смешанный с другим, более слабым запахом, который Батлер не мог опознать, пока не вспомнил дело Эрлингтона. Это был запах марихуаны.

У подножия короткой лестницы, на стойке перил, возвышалась массивная бронзовая группа, должно быть, весившая сорок или пятьдесят фунтов.

Когда они оказались на полу невысокой продолговатой комнаты, послышался щелчок и на потолке зажегся тусклый свет.

Большой стеклянный плафон был раскрашен в виде человеческого глаза с черным зрачком и красноватой радужной оболочкой. Хотя он смотрел вниз, словно глаз, испытывающий совесть, но освещал лишь красные и черные занавеси. Оба конца комнаты оставались в тени.

— Доктор Фелл, — спросила Люсия, с интересом оглядываясь вокруг, — это электрический свет?

— Да. А стены за драпировкой бетонные.

— Но кто...

— Эта часовня — не слишком хороший вклад в недвижимость — была куплена дедом миссис Тейлор, которая унаследовала ее от отца.

Бирс рассматривал бронзовую группу на стойке перил. Патрик Батлер проследил за его взглядом. Группа представляла собой нимфу в объятиях сатира и была выдержана в стиле реалистической итальянской школы. Каждая черта и каждый мускул казались живыми.

— Доктор Фелл, вы были здесь раньше! — обвиняющим тоном заявила мисс Кэннон.

— О да. Сегодня утром.

— Тогда почему теперь вы притащили сюда нас?

— Потому что каждый дюйм этой комнаты должен быть обыскан. Разве я не говорил вам, что сатанинский культ всегда служил прикрытием для отравителей?

— Но я не понимаю... — начала Люсия.

Она сбросила с плеч пальто Батлера, так как здесь было слишком жарко, и бросила его ему. Доктор Фелл указал на нее тростью.

— Предположим, вы член этой секты, — сказал он. — Вначале вы всего лишь ищете приключений или только отчасти разделяете веру остальных приверженцев секты. Но вы приходите сюда и вдыхаете здешний воздух. В углах горят жаровни — травы, смешанные с...

— Марихуаной? — спросил Батлер.

Доктор Фелл кивнул.

— Чей первоначальный эффект, о чем редко сообщают газеты и беллетристика, не безумие, а потеря того, что называют тормозами. Вон там... — он указал на скрытый в темноте дальний конец комнаты, — горят на алтаре свечи. Вы падаете ниц перед Люцифером, теряете человеческое достоинство и впадаете в дьявольский экстаз. Разве есть что-нибудь невозможное для Повелителя Пламени?

Доктор снова указал тростью. По обеим сторонам от рядов черных, расшитых золотом подушек, заменявших скамьи, возле красно-черных занавесей на стенах стояли широкие кабинки, казавшиеся благодаря резьбе полуоткрытыми.

— Исповедальни, — объяснил доктор Фелл.

— Вы имеете в виду, что они исповедуются в своих... — Люсия не договорила.

— Они крадутся туда в масках, чтобы исповедаться не в грехах, а в желаниях грехов. Они сообщают об этом главе секты, представителю Сатаны, который может обеспечить все.

Обычных или даже необычных грехов не приходится долго дожидаться — они предоставляются легко. Но предположим, жена хочет избавиться от мужа или муж от жены. Или же богатый старый маразматик задерживается на этом свете и никак не желает умирать.

В истории с девятью отравлениями за шесть месяцев перед нами возникают две проблемы, — продолжал доктор Фелл. — Во-первых, как могла секта существовать в такой глубокой тайне? Сатанизм дает на это ответ. Все члены секты внешне уважаемы, так как присоединиться к ней могут только более-менее состоятельные люди. И конечно, они надевают маски. Но в момент экстаза маски могут соскользнуть...

— Снова маски! — сердито прервал Батлер.

— Так будет до тех пор, — отозвался доктор Фелл, — пока мы не сорвем маску с нынешнего главы секты.

— А вторая проблема? — спросил Бирс, которого, подобно приторным запахам комнаты, душили ненависть и отвращение.

— Каким образом во всех девяти случаях полиция не смогла отследить связь между ядом и кем-либо из замешанных в деле?

— Меня это тоже интересует с профессиональной точки зрения.

— Предположим, вы архитектор, живущий, скажем, в Оксфорде. Что для вас имеет значение в этом убогом и насыщенном горестями мире? Почему вы должны терпеть вашу жену, когда можете вкушать радости сатанизма?

— Я никогда не мог позволить себе роскошь быть женатым. — Бирс скривил губы. — Но допустим! Что тогда?

Доктор Фелл снова указал на исповедальню.

— Вы шепчете ваше желание, после чего вам выдается готовый план действий. В определенный день вы должны отправиться, скажем, в Вулверхэмптон. Вам называют улицу, адрес и имя вполне уважаемого аптекаря. С помощью тщательно подготовленной истории вы покупаете у него яд под названием аконитин и расписываетесь в регистрационной книге подлинным именем одного из жителей города. Потом вы возвращаетесь, а через некоторое время ваша жена отравлена...

— Аконитином?

— Нет! — простонал доктор Фелл, взмахнув накидкой при свете налитого кровью светильника-глаза. — В том-то и весь секрет. Она отравлена мышьяком!

— Мышьяком?

— Все подготовлено заранее. Вы возвращаетесь и докладываете о результатах поездки представителю Сатаны. За ваш аконитин, который вы передаете через решетку, вы получаете мышьяк. Какой-нибудь другой потенциальный убийца — скажем, маленькая симпатичная женщина из Лондона — купила мышьяк в Лидсе. При таком количестве членов секты обмен совершается легко. Не используются никакие подозрительные яды — только те, которые можно купить для применения в домашнем хозяйстве. Когда ваша жена умрет от мышьяка в Оксфорде, кто будет отслеживать вас, покупающего аконитин в Вулверхэмптоне?

Последовала пауза. Люсия дрожала, опустив голову.

— Из всех новых изобретательных способов... — начал Батлер.

— Новых? — устало переспросил доктор Фелл. — Мой дорогой сэр, этот способ применялся сатанистской сектой Джона Ичарда в 1746 году. Естественно, я не удивлен.

Артур Бирс дико озирался вокруг.

— Но что мы здесь ищем, во имя истинного Бога?

— Документы, — ответил доктор Фелл. — Неужели вы не понимаете, что при такой сложной организации в руках одного человека — Ричард Реншо имел три банковских счета на общую сумму, выраженную шестизначным числом, — должны существовать записи бухгалтерских отчетов? Эти записи наверняка содержат имена, даты, места. Но где они?

— Кажется, Реншо имел офис в Сити? — сухо осведомился Бирс.

— Да.

— Вероятно, в качестве «агента»?

— Совершенно верно, — проворчал доктор Фелл. — Но полиция ничего там не нашла. — Он посмотрел на Люсию. — Сегодня они обыскивали его дом не ради подвязок. А я уже второй вечер переворачиваю вверх дном дом миссис Тейлор без какого-либо результата. Напрашивается единственный вывод — записи должны быть здесь.

Его прервали. Миссис Кэннон, глазевшая на бронзовых нимфу и сатира, внезапно взбежала по устланном ковром ступенькам и исчезла в люке.

— Пускай уходит, — отмахнулся доктор Фелл. — Она видела достаточно.

— А я нет? — спросила Люсия.

Что-то буркнув в ответ, доктор Фелл снова окинул взглядом комнату и двинулся по проходу красно-черной часовни.

Остальные, чьи глаза начали привыкать к освещению, последовали за ним. Шаги по мягкому ковру были абсолютно беззвучными. Низкий потолок поддерживали колонны и резные балки из черного дерева. По обеим сторонам прохода были небрежно разбросаны шитые золотом подушки. Расстояние до алтаря, к которому ковылял доктор Фелл, было небольшим.

Батлеру, шагавшему по проходу вместе с Люсией, повисшей у него на руке, казалось чудовищным гротеском то, что

они приближаются к алтарю, словно на церемонии бракосочетания. Эта мысль забавляла и в то же время шокировала его. Кроме того, жених и невеста не идут по проходу рука об руку.

В застоявшемся сладковатом запахе, казалось скорее обострявшем, чем притуплявшем чувства, Батлер ощущал другой, еще более слабый запах.

— Керосин? — пробормотал он.

— Что вы сказали? — спросила Люсия.

— Я просто бормотал себе под нос.

Ему казалось, что чиркнуть спичкой или зажигалкой в этой душной занавешенной часовне было бы более чем щедрым даром повелителю тьмы и яда. Шедший позади них Бирс тоже что-то бормотал.

Доктор Фелл добрался до святилища — глубокой сводчатой ниши, в которой стоял алтарь в виде кушетки, покрытой мягкой тканью. По обеим его сторонам находились канделябры на подставке, с семью черными свечами каждый. Задняя стенка казалась скрытой большим темным гобеленом.

Чиркнув спичкой, доктор Фелл медленно зажег четырнадцать черных свечей. И тогда их глазам предстала подлинная дьявольщина. Свет пламени струился из ниши в черно-красную часовню. На французском или итальянском гобелене XVII века красовалась надпись: «*Lucifer Triumphans*»¹. Бросив на него взгляд, Люсия поспешно отвела глаза.

— Зачем вам понадобилось приводить нас сюда? — воскликнула она почти тем же голосом, что ранее мисс Кэннон. — Если вы собирались искать документы, то могли бы делать это самостоятельно!

— Прошу прощения, — серьезно отозвался доктор Фелл, — но вы обратили внимание на канделябры?

— Я не желаю на них смотреть!

— Это подделка под серебро, к тому же подделка изрядно потускневшая. Я нашел эти предметы в шкафу, за портьерой слева от алтаря.

— Ну и что?

— А то, моя дорогая леди, что собрание сектантов, если не сама черная месса, происходило в этой комнате не ранее четы-

---

¹ «Люцифер торжествующий» (лат.).

рех ночей назад. И канделябры, использованные на этой церемонии, взяты из вашего дома.

Люсия все еще стояла спиной к алтарю и гобелену, но ее плечи напряглись, свидетельствуя о крайнем нервном напряжении. Патрик Батлер ободряюще коснулся ее локтя.

— Вы можете это доказать? — обратился он к доктору Феллу.

— Судите сами! Сегодня пятница, 21-е число. Вчера был четверг, 20-е, а позавчера — среда, 19-е.

— Я подвергаю сомнению не календарь, а ваши слова, сэр.

— Дик Реншо, — продолжал доктор Фелл, — был отравлен ночью в среду — 19-го числа. Кто-то по какой-то причине принес эти канделябры назад в дом. У меня имеются собственные идеи относительно его личности. Но гнезда для свечей не были толком вычищены — мы с вами видели остатки черного воска вчера вечером, 20-го.

— Но на основании этого называть Люсию убийцей...

Доктор Фелл махнул рукой, словно речь шла о мелком грешке.

— Я не думаю, что она убийца, если это может вас утешить. Но вы не видите самого главного. Кто-то, между вчерашним вечером и сегодняшним утром, проскользнул вниз и вычистил эти гнезда. Но никто не признается, что выполнил эту обычную домашнюю работу. Следовательно, кто-то в «Доме аббата» тесно связан с сатанистской сектой. Вероятно, речь идет только об одной персоне.

Люсия, набрав в легкие воздух, повернулась к доктору Феллу, горящим свечам и гобелену.

— Нас здесь только трое, — заметила она. — Кого вы выбираете?

— Ну-у... — Доктор Фелл потянул себя за нижнюю губу. — А вы не подумали о вашей горничной, Китти Оуэн?

— Китти? — изумилась Люсия.

— А кого бы вы выбрали, мэм? — сухо осведомился доктор.

— Никого, — ответила Люсия. — Все это кажется мне глупым, отвратительным и... ужасным!

— Тем не менее, — доктор Фелл наморщил нос, — эта девица выглядит тощей и голодной. Она не принадлежит к тем, кого мое поколение именовало «зелеными», в смысле цветущими. И мне не понравились некоторые эпизоды, свидетелем коих я стал. Совершенно очевидно, что она поклоняется кое-кому.

— Глупо, отвратительно и ужасно! — повторила Люсия. — Вы со мной согласны, Пэт?

Пламя свечей образовывало золотой нимб вокруг ее волос, когда она повернулась к Батлеру.

Но на сей раз он не прореагировал. Слово «зеленые», произнесенное доктором Феллом, открыло заслонку у него в голове и осветило темную сцену. Точно так же на него снизошло вдохновение этим же вечером ранее, но теперь эффект был куда сильнее, позволив четко разглядеть то, что ему следовало увидеть задолго до того. Батлер выпрямился, не заботясь о том, что может казаться напыщенным.

— Простите, что я игнорирую ваш вопрос, Люсия. Но теперь я знаю, как был убит ваш муж и кто убил его.

— Разрази меня гром! — пробормотал доктор Фелл, чьи очки вновь съехали набок. — Понимаете, — виновато добавил он, — я все время был уверен, что тоже это знаю.

— Прежде чем предъявить неопровержимое доказательство, — продолжал Батлер, — позвольте упомянуть один пункт, который оправдает Люсию, если ее обвинят в убийстве миссис Тейлор. Я имею в виду вопрос транспорта.

Доктор Фелл недоуменно заморгал.

— Транспорта?

— Да. Ни одно такси не повезло бы ее из Хампстеда в Бэлем или обратно. Им бы попросту не хватило бензина. Если бы она поехала туда ночью, ей бы пришлось воспользоваться услугами проката автомобилей, и заказ был бы зафиксирован. А вы нигде не обнаружите записи об этом.

— О Бахус! — простонал доктор Фелл, разинув рот под разбойничьими усами. — Вы считаете это доказательством в пользу... харрумф! — защиты?

— Естественно!

— Должен поделиться с вами конфиденциальной информацией, сэр, — вздохнул доктор. — Вы использовали один из главных аргументов старшего инспектора Сомса в пользу обвинения.

— То есть как?

— Возможно, вы заметили, когда ехали в Хампстед вчера вечером, станцию метро «Хампстед»? Она напротив светофора у Хампстедтской средней школы и рядом с Кэннон-роу?

— Да, помню.

— И вы, несомненно, видели станцию метро «Бэлем» неподалеку от дома миссис Тейлор?

Батлер открыл рот, чтобы ответить, но тут же закрыл его.

— Это Северная линия, — продолжал доктор Фелл. — В принципе вы абсолютно правы насчет нашего великолепного подземного лабиринта. Но там не требуется ни пересадок, ни поездок в обратную сторону, ни блуждания по станции «Эрлс-Корт». От Хампстеда до Бэлема можно проехать по прямой за сорок пять минут. Так что, если миссис Реншо отравила миссис Тейлор до половины двенадцатого ночи, она могла бы вернуться последним поездом.

Батлер вежливо улыбался, держа руку в кармане. Он даже глазом не моргнул. Много раз в суде обвинитель думал, что загнал его в угол. Сейчас он покажет им, чего стоит — особенно Люсии.

— Это не слишком важно, — заявил он, понимая в глубине души, что это не так. — Хотя я мог бы оспорить пункт насчет последнего поезда. — Его голос внезапно повысился. — Хотите услышать, как в действительности был отравлен муж Люсии?

Все молчали. Батлер продолжал улыбаться.

— Нам говорят: «Если миссис Реншо этого не делала, то кто еще мог это сделать?» Это кажется неразрешимой проблемой. — Батлер позволил себе небольшую паузу, звякая в кармане монетами. — Настоящая убийца — Китти Оуэн. А улика, которая все время болталась у нас перед глазами, — большая зеленая вязальная корзина.

Люсия ошеломленно уставилась на него.

— Вы имеете в виду мою корзину? — воскликнула она.

— Да. Вы говорили нам, не так ли, что Китти постоянно шатается по дому с этой корзиной?

— Да, но...

— Потом вы сказали, — Батлер невольно поднял палец, как в зале суда, — что вязальная корзина висела на руке у Китти, когда она убирала в комнате?

— Кажется, да. А что?

— Наконец, доктор Фелл и я присутствовали, когда Китти подслушивала у двери. Она бросила на вас взгляд, который мне не понравился, а потом схватила корзину и убежала, верно?

— Да, но я не совсем понимаю, что значит «взгляд, который вам не понравился».

— Только не волнуйтесь, Люсия! — Батлер воссоздавал сцену так зримо, что ему казалось, будто он сам видел это в ночь убийства — видел Китти со щеткой для ковров, графин с водой под распятием из слоновой кости и всех трех женщин, ожидающих возвращения Дика Реншо.

— Ранее вечером вы велели Китти убрать в комнате, но она не начала уборку до начала двенадцатого?

— Да, так как...

— Так как она знала, что вы или неутомимая мисс Кэннон будете наблюдать за каждым ее движением?

— Ну... очевидно. Агнес всегда путается под ногами.

— Теперь скажите, Люсия... — Голос Батлера стал вкрадчивым, как урчание тигра. — В какой-нибудь из других спален вашего дома есть такие же графин и стакан, как в спальне вашего мужа?

Краем глаза Батлер замечал, что доктор Фелл слушает его с интересом и одобрением. Сейчас добрый доктор с нетерпением ожидал ответа Люсии.

— Да, во всех комнатах! — Ненависть в ее взгляде была почти устрашающей. — Дик считал, все готовы следовать его привычке.

— Вернемся к Китти. Перед уборкой у нее было достаточно времени, чтобы растворить дозу сурьмы в другом графине с водой и спрятать этот графин в вязальной корзине?

Снова пауза.

Люсия казалась потрясенной. Ее рот открылся, а в голубых глазах мелькнуло смутное понимание.

— Пэт, что вы...

— Не пытайтесь думать. Предоставьте это мне. Просто закройте глаза и вспоминайте!

— Хорошо, постараюсь...

— Китти вошла в комнату, чтобы заняться уборкой. Она взяла графин со столика у кровати, пошла в ванную, вылила воду из графина в раковину умывальника, ополоснула графин и наполнила его снова. Была тогда при ней вязальная корзина?

— Да.

— Вы — думаю, и мисс Кэннон — наблюдали за ней, стоя в середине комнаты? Отлично! — Батлер закрыл глаза, представляя себе эту сцену. — Как я заметил, умывальник в ванной находится напротив двери в спальню?

— Да, как раз напротив.

— Значит, вы могли видеть спину Китти, стоящей перед умывальником?

— Да, конечно.

— Тогда где она держала вязальную корзину? Сбоку или впереди?

— Думаю, впереди, где фартук.

— И вы не могли видеть, что именно она делает?

— В точности — не могла.

— Фактически вы только *слышали*, как Китти опорожняет, всполаскивает и наполняет графин. Это все, что вы можете удостовериться?

— Да.

Черные свечи продолжали гореть. Батлер выпрямился. С этого момента он не задавал вопросы, а констатировал факты.

— Теперь становится очевидным, что сделала Китти Оуэн. Она потихоньку спрятала графин из спальни с чистой водой в вязальную корзину, достала оттуда графин с отравленной водой, принесла его к столику у кровати, поставила туда и, для полноты картины, надела на горлышко перевернутый стакан.

По вискам Батлера струился пот, но он выглядел хладнокровным, как судья, когда медленно повернулся к доктору Феллу.

— Чудо объяснено, — промолвил он. — Что вы об этом думаете?

Глава 16

Доктор Фелл неторопливо двинулся вокруг алтаря, не издавая ни звука благодаря ковру, несмотря на свой вес и обычно стучащую трость.

Когда он стоял на фоне гобелена, одна лишь его английская солидность сводила на нет эффект зловещей надписи, словно присутствие старого короля Коула.

Но вот он подошел к Батлеру, и, казалось, воздух наполнился ядом. Все снова ощутили взгляд налитого кровью глаза на потолке, тусклое пламя четырнадцати свечей и общую атмосферу сатанизма.

Слегка побледневший доктор Фелл окинул Батлера взглядом с головы до ног.

— Вы удивляете меня, сэр, — сказал он.

— Надеюсь, приятно.

— Да. И даже восхищаете.

— Разумеется, я докопался до правды?

— Ну... не совсем. Погодите! — остановил доктор Фелл Батлера, собиравшегося протестовать. Он закрыл глаза и потер виски под густой шевелюрой. — Никогда еще я не видел человека, стоящего так близко к простой, хотя и безобразной правде. Вы стоите, прижимаясь к ней лоб ко лбу, глаз к глазу, нос к носу, как будто прижимаясь к зеркалу. Афинские архонты! Ваши рассуждения были абсолютно логичными. Но чтобы увидеть правду, вам придется отодвинуть голову от зеркала хотя бы на дюйм.

— Говорю вам, Китти Оуэн виновна!

— Ах да, Китти. Подвергните ее жесткому допросу, как я посоветовал Хэдли, и она наверняка расколется. Но вы не узнаете от нее имя убийцы и главы сатанистской секты, несмотря на шестьдесят четыре шанса в вашу пользу. Хотя вам, вероятно, удастся оправдать миссис Реншо от обвинений в убийстве.

— Я по-прежнему ничего не понимаю, Пэт, — шепнула Люсия. — Но по-моему, вы чудо.

На сей раз Батлер не стал возражать против комплимента.

— Скажите, — обратился он к доктору Феллу, — Китти добавила яд в тот графин?

— Нет.

— Тогда о чем, черт возьми, мы говорим?

— О черте, — просто ответил доктор Фелл.

— Если вы так много об этом знаете, — огрызнулся Батлер, — то почему не можете рассказать мне?

— Могу и сделаю это завтра утром. Но боюсь, это приведет меня к одному из моих вечных странствий вокруг амбара Робина Гуда¹. Разрази меня гром, сэр, мы ведь пришли сюда искать документы секты сатанистов! Мы должны найти их, иначе не сдвинемся с места!

Его взгляд упал на доктора Бирса. Все трое забыли о нем. Бирс, сдвинув кепку на затылок веснушчатого черепа и нахмутив рыжеватые брови, не сводил глаз с гобелена за алтарем.

---

¹ «Амбаром» для легендарного Робина Гуда служили поля вокруг Шервудского леса. Выражение «Бродить вокруг амбара Робина Гуда» означает ходить по кругу.

— Очень сожалею, — заговорил он, судорожно глотнув. — Я почти ничем не помог расследованию...

— Не помогли? — воскликнул доктор Фелл. — Мой дорогой сэр, если не считать реконструкцию, осуществленную мистером Батлером, вы сделали самое полезное замечание из всех, какие были произнесены этим вечером!

— Благодарю вас, — отозвался врач, либо не поверив Феллу, либо толком его не слышав. — Но я не могу помочь поискам! Сорвите занавеси и вспорите подушки! Уничтожьте алтарь! Посмотрите на эту роскошную скамеечку для коленапреклонений! — Он указал на нее костлявым пальцем. — Мне не нравятся такие штуки — они отдают папизмом. Но даже папизм не следует осквернять. Сожгите ее!

— Спокойно, приятель! — прогремел доктор Фелл. — Это место должно оставаться нетронутым до прибытия полиции. А подушки и скамеечки нам не нужны — мы ищем целую кучу бумаг. Ну что, начнем?

И они приступили к поискам.

Часы Батлера показывали ровно полночь. Черные свечи начали распространять душистый туман, оказывающий странное действие на мозг, но отказаться от них было невозможно из-за недостатка освещения; мерцание свечей все-таки добавляло света в густом черно-красном полумраке часовни.

Стены и пол, под занавесями и ковром, были выполнены из крепкого бетона, что исключало возможность тайника. Подушки после обследования собрали в кучу, освободив значительную часть пола. В шкафу, встроенном в бетон слева от алтаря, Батлер обнаружил превосходного качества облачение священника: несколько риз, одна из которых была расшита серебряными оккультными знаками, а другая — изображениями свиньи и женщины.

На полке лежал один из дорогих «требников» черной мессы с красными буквами на тонком пергаменте. Бирс перевел одну фразу с латыни: «Мы будем спасены через плоть», после чего швырнул требник через всю комнату.

— Полегче! — предупредил доктор Фелл сквозь сладкую дымку.

На другой полке, откуда ее можно было переставить на алтарь для поклонения, стояла тяжелая статуэтка Сатаны в виде черного козла. Бирс попытался разбить ее, бросив на пол, но

она только отскочила и перевернулась лицом вверх, усмехаясь при свете налитого кровью глаза.

Сцены в красном сумраке выглядели все более дикими. Люсия предположила, что документы находятся в мешке или сумке, прикрепленной за одной из драпировок. Занавеси колыхались, когда она скрывалась за ними и появлялась вновь.

— По-моему, — заявил Батлер, — бумаги в одной из исповедален.

— Мой дорогой сэръ, — возразил доктор Фелл, обследуя колонны черного дерева, поддерживающие крышу, — там невозможно ничего спрятать...

Это соответствовало действительности. Батлер стоял перед исповедальней у стены справа. Эта гротескная пародия с двумя открывающимися внутрь дверями, украшенными резьбой с изображением триумфа Сатаны, почему-то напомнила ему два шкафа фокусника, стоящие бок о бок. С одной стороны, очевидно, сидел глава секты в маске черного козла, доходящей до плеч, склонив голову к другому отделению, где женщина шептала о...

Но полы были слишком тонкими, а резные потолки слишком узкими для тайников.

Дважды раздался грохот, когда Люсия нарочно опрокинула две металлические жаровни в углу, словно ненавидя их за какой-то причиненный ими вред. Доктор Фелл, умудрившись взгромоздиться на стул, изучал тяжелые резные балки. Доктор Бирс старательно резал хирургическим ножом жесткую кушетку-алтарь в поисках спрятанных бумаг. Половина первого... Без десяти час...

— Бесплезно, — уныло произнес доктор Фелл.

В час ночи четверо грязных искателей тайника собрались перед алтарем.

Бирс все еще держал скальпель, которым проводил эксперименты с подушками и ковром. Люсия потеряла шарф; ее старое черное платье, как и обнаженные руки и плечи, было покрыто пылью. Пелена от пламени догорающих черных свечей проплывала мимо них по часовой.

— Документов здесь нет, — тем же скучным голосом сказал доктор Фелл. — С сожалением признаю себя побежденным. Возможно, они хранятся в каком-то банке...

Люсия круто повернулась.

— Чья это была тень? — спросила она.

— Какая тень? — Доктор Бирс оторвал взгляд от скальпеля.

— Только что она двигалась за одной из колонн. Она казалась... больше человеческой.

Было бы неправдой сказать, что группу охватила паника. Тем не менее Сатана, даже если рассматривать его как абстракцию, может оказывать угнетающее воздействие.

— Там никого нет. — Бирс положил скальпель в саквояж и защелкнул замок. — Это наши тени в отблесках свечей. Хочу отправить свечи на анализ. Они источают какой-то магический запах, от которого перед глазами возникают видения и... Давайте убираться отсюда! — резко закончил он.

— Согласен, — буркнул доктор Фелл.

— И я! — подхватила Люсия, поднеся руку к горлу. — Пошли, Пэт?

— «Магический»... — повторил Батлер, глядя в пространство. Потом он пробудился от размышлений и улыбнулся. — Нет, дорогая. Вы все идите и ждите меня наверху, у наружной двери часовни. Я присоединюсь к вам ровно через три минуты.

— В чем дело, Пэт? Почему вы хотите остаться здесь?

— Потому что, — ответил Батлер, — я знаю, где спрятаны бумаги.

Слово «сенсация» было бы очень смягченным описанием произведенного эффекта.

— Только что, — продолжал Батлер тем же беспечным тоном, — я объяснил, как в действительности был убит ваш муж. Когда я спросил у доктора Фелла, что он об этом думает, он ответил загадками или простой мистификацией. А теперь, с вашего позволения, я сам для разнообразия займусь мистификацией. Обещаю передать документы в ваши руки через три минуты. Вы согласны подождать меня наверху или отложим это до завтра, как объяснения доктора Фелла?

Прислонившись к красно-черному занавесу на стене, он скрестил на груди руки.

— Послушайте! — запротестовал искренне озадаченный доктор Фелл. — Я всего лишь имел в виду, что...

— Вы уходите, сэр?

— Мы все уходим, — отозвался доктор Бирс, взяв Люсию за руку. — Вы сказали, через три минуты?

— Совершенно верно.

Стоя у стены, Батлер наблюдал, как они удаляются, растворяясь в красном полумраке. Люсия протестовала, но вскоре они оказались у лестницы с перилами черного дерева и исчезли из поля зрения.

Батлер надеялся, что, когда он останется в одиночестве, его нервы не начнут дергаться как у наркомана. Он боялся только воображения. Впервые подумав об исповедальне как о шкафе фокусника, он не оставлял эту мысль, пока она не приобрела четкие формы после слова «магический», произнесенного доктором Бирсом.

Потолки в шкафах фокусников, как слышал Батлер, всегда выглядели такими узкими, что казалось, будто на них ничего невозможно спрятать. При поверхностном взгляде, особенно в случае наличия резьбы, возникал обман зрения.

Быстро, как кот, Батлер подбежал к исповедальне, которую обследовал раньше, сел внутри отделения, предназначенного для козлоподобного божества, и закрыл резную дверцу с изображением черных свитков. Потом он достал из кармана зажигалку, высек огонь и встал, чтобы обследовать потолок.

Но потолок, по крайней мере с этой стороны, состоял только из фанеры, покрашенной в черный цвет.

Сердце Батлера тяжело колотилось. Пальцами правой руки он провел по краям фанеры...

Тонкая внутренняя сторона потолка начала опускаться на петлях. Увидев, что она падает, осыпая его папками, документами и записными книжками, Батлер инстинктивно отпрянул и сел.

— Нашел! — произнес он вслух, едва сознавая, что так оно и есть.

Бумаги всевозможного размера падали рядом с ним на пол. Пока Батлер сидел на месте исповедника, наблюдая бумажный дождь, собралась изрядная куча. Вскоре он поднял голову — и застыл как вкопанный.

Поверх груды сатанинских свитков застыло лицо Золотозубого. Золотые коронки поблескивали под сильно распухшей и покрытой засыхающими трещинами верхней губой.

За две секунды, покуда оба оставались неподвижными, Батлер успел обдумать ситуацию во всех деталях.

Золотозубый не мог войти сюда! Нет, мог! Ключ Люсии от двери верхней часовни был в ее сумочке, которая, оставшись

вместе с пальто в клубе «Любовь под маской», легко могла быть идентифицирована как принадлежащая женщине, убежавшей оттуда в компании Патрика Батлера. Если Золотозубый что-то знал о часовне...

Выходит, он знал.

Батлер, глядя сквозь черные свитки, видел, что Золотозубый держит правую руку на некотором расстоянии от тела. Рука эта сжимала маленькую пачку бумаг — белых и не то серых, не то зеленоватых, — соединенных скрепкой.

Золотозубый оказался здесь раньше. Бумаги, которые он держал, были опасными или компрометирующими документами Клуба убийц. Он заполучил их, но, надо надеяться, ненадолго. А бумаги, оставшиеся в исповедальне, были простым хламом.

— Привет, — заговорил Золотозубый сквозь черную резьбу.

— Привет, — отозвался Батлер и тут же метнулся к двери.

Он выбежал из исповедальни, как бешеный бык — дверца захлопнулась за ним. Золотозубый, все еще лицом к нему, отпрыгнул назад скачком, который любому, кроме Батлера, помог бы распознать боксера.

С трудом сдерживая гнев, Батлер принял вежливо-небрежный вид и улыбнулся. Оба стояли на открытом пространстве перед алтарем, где на темно-красном ковре не было ни колонн, ни подушек. Только статуэтка Сатаны с черной козлиной физиономией лежала чуть правее Батлера, усмехаясь при свете зловещего светильника-глаза.

— Давайте их сюда, — сказал Батлер.

— Что?

— Письма или что там у вас.

Но у Золотозубого, все еще в грязном вечернем костюме, но без воротничка и галстука, казалось, на уме было совсем другое.

— Вы меня ударили, — заявил он, притронувшись к распухшей губе. Его злые глаза оставались неподвижными.

— Совершенно верно. Если хотите, могу повторить.

— Вы ударили меня, когда я этого не ожидал. Но сделали это как любитель. — Верхняя губа приподнялась. — Вам редко приходилось драться. Верно, мистер?

Батлер снова улыбнулся. Золотозубый был на полголовы ниже его.

— Верно, мистер? — повторил Золотозубый.

— Я не удосужился этому научиться.

— Он не удосужился этому научиться! — передразнил Золотозубый с хмылкой, способной вывести из себя любого. — А вы могли бы справиться со мной?

Батлер всего лишь посмотрел на него и засмеялся.

Впервые на лице Золотозубого появилось выражение, похожее на человеческое.

— Тогда попробуйте! — На его лбу вздулись вены.

Золотозубый быстро сунул в карман пачку бумаг. Его правая рука метнулась к левому рукаву и выхватила закрытую бритву. Но он не стал ее открывать, а швырнул в темноту, где она со стуком упала на пол.

— У меня нет ни бритвы, ни картошки, — сказал он. — Я собираюсь драться с вами честно.

— А вы умеете это делать?

Золотозубый похлопал по бумагам в кармане:

— Подойдите и возьмите их.

Батлер медленно двинулся к нему. В тот же миг в дальнем углу комнаты на стене позади Батлера раздался негромкий взрыв, сопровождаемый вспышкой желто-голубого пламени. Струйка огня побежала вверх по занавесу, осветив полутемную часовню.

— Не нравится? — усмехнулся Золотозубый. — Таких штук здесь полным-полно. Струсил, мистер?

Батлер прыгнул на него, нанеся удар правой, который был бы смертоносным, если бы попал в цель.

Но он не попал. Произошло совсем другое.

Следующие тридцать секунд Батлер ощущал не столько боль, сколько замешательство. Его зрение словно перестало функционировать. Он видел перед собой несколько горизонтальных коперов для заколачивания свай, один из которых постоянно метил ему в лицо, как бы он ни пытался увернуться, а остальные колотили куда попало...

Внезапно Батлер с удивлением обнаружил, что лежит боком на ковре. Он смутно ощущал запах дыма и видел желтый свет, который, как ему казалось, горел у него в голове.

— Нет, — произнес ненавистный голос, тяжело дыша, — вам нечасто...

Шок унижения пробежал сквозь тело Батлера, прежде чем голос закончил фразу. Никогда в жизни, даже в школьные дни, он не падал так низко. Его выставил неуклюжим и неопытным хвастуном тот, которого он презирал как грязь под ногами. Перед его мысленным взором предстали друзья, потешающиеся над ним.

— ...нечасто приходилось драться. Верно, мистер?

Патрик Батлер вскочил на ноги и, по чистой случайности, нанес противнику удар в живот, который едва не завершил схватку. Но отступление Золотозубого продолжалось недолго. Коперы заработали снова, молотя по голове Батлера, ударяя в челюсть, вбивая живот в позвоночник. Если бы он только мог обхватить Золотозубого руками...

Но он не мог, так как снова оказался на полу.

«Комический спектакль! Батлер избит мелким уголовником! Помните, как он хвастался?»

Батлер снова поднялся, шатаясь из стороны в сторону. Мысли о своем позоре вызывали почти физическую тошноту. Он попытался броситься на Золотозубого, но инстинктивно остановился.

Золотозубый вроде бы тоже потерял голову и забыл, где находится. Он тупо озирался вокруг.

Под давлением распространяющихся газов алтарный гобелен надулся, как парус, когда пламя охватило его. Соскользнув на алтарь, он опрокинул канделябры, и искры посыпались на ковер.

Теперь помещение горело с трех сторон. С правой стороны, где начался пожар, клочки занавеса слетали с уже почерневшего бетона. Огонь побежал по двум балкам, сопровождаясь треском лака. Черный дым тянулся к потолку, а коричневатый туман заползал в ноздри и рот.

Батлер и Золотозубый уставились друг на друга.

— Что с вами? — крикнул Батлер. — Поднимите руки!

— Вы что, спятили?

Батлер выбросил вперед правую руку, но Золотозубый уже бежал к лестнице. Батлер ухватил его за лодыжку и опрокинул на пол.

Искры от упавших свечей подожгли ковер. Оставшийся нетронутым ряд подушек, тянувшийся поперек часовни, тоже

вспыхнул. Золотозубый лягался как бешеный, предпринимая отчаянные попытки вырваться.

Наконец шнурок на его ботинке лопнул. Освободившись, Золотозубый, в оставшемся ботинке и одном белом носке, кинулся к лестнице. Но ряд горящих подушек преграждал путь, и он благоразумно метнулся вправо, чтобы обойти их.

Батлер, не будучи столь благоразумным, помчался прямо к подушкам и перепрыгнул через них, но потерял равновесие, упал и покатился к подножию лестницы.

Не задумываясь, хватит ли ему сил, Батлер схватил обеими руками статую нимфы и сатира, поднял ее над головой, с трудом одолел три ступеньки и повернулся, когда Золотозубый подбежал к лестнице.

Они снова посмотрели в упор друг на друга. Их глаза слезились от дыма, оба кашляли.

— Что за игра? — Золотозубый опять приподнял верхнюю губу.

— Не двигайтесь!

— Почему?

— Потому что статуя упадет вам на голову. Я не могу промахнуться.

— Бросьте, мистер! Вы же не хотите оставаться здесь!

— Почему нет?

— Потому что мы оба сгорим! — логично ответил Золотозубый.

— В таком случае, пусть мы сгорим.

Почерневшая от дыма физиономия Золотозубого слегка изменилась.

Треск огня позади становился все громче, а балки на потолке полыхали, как рождественские поленья. Занавеси на четвертой стене вспыхнули ярким пламенем. Диалог продолжался, перемежаясь кашлем.

— Что вам нужно?

— Эти письма.

— Черта с два!

— Тогда вы останетесь здесь.

Глаза Золотозубого устремились к потолку.

— Балка вся в огне! — Он указал пальцем вверх головы Батлера. — Она свалится вам на макушку!

— Знаю. Письма!

До сих пор Батлер почти не ощущал усиливающийся жар, как и полученные в драке ушибы. Но сейчас жар обволакивал его, надевая на лицо огненную маску. Черный дым клубился все ближе. Глаз в потолке с грохотом взорвался.

— Письма! — повторил Батлер. Он едва мог видеть и дышать.

Золотозубый рванулся к лестнице, но отпрянул, заметив, как напряглись руки Батлера, готового к броску.

— Господи! — Золотозубый снова указал наверх. — Она падает!

С потолка послышался треск, и горящая балка полетела вниз.

Она упала в пяти дюймах от Батлера в ореоле искр, задев перила, но не разрушив их, так как ее другой конец уже коснулся пола, потом отскочила и пролетела над головой Золотозубого, свалившись позади него в огненном гейзере.

Нервы Золотозубого не выдержали. Он выхватил из кармана пачку бумаг.

— Что мне делать?

Дым добрался до лестницы.

— Бросайте пачку на ступеньку, где я стою.

— Откуда я знаю, что вы потом меня не прикончите?

Несмотря на обожженное горло, Батлеру хватило дыхания, чтобы четко произнести:

— Слово джентльмена.

Золотозубый так и не узнал, что выражение его лица при слове «джентльмен» вплотную приблизило его к смерти. Руки Батлера, держащие бронзовую статую, задрожали, но он вовремя сдержался.

Пачка бумаг, белых и зеленоватых, взвилась в воздух и опустилась на ступеньку. Батлер наступил на нее правой ногой и бросил статую через перила.

— Убирайтесь.

Золотозубый колебался.

— Что вы сказали?

— Вы дрались честно. Все обвинения сняты. Убирайтесь.

Золотозубый, спотыкаясь, побежал вверх по ступенькам. Полуослепший и избитый, неспособный даже кашлять, он промчался мимо Батлера и скрылся в отверстии люка.

Батлер, пытаясь переместить ногу, поскользнулся и едва не скатился с лестницы. Ему казалось, что прошли минуты, прежде чем он нащупал и подобрал ставшую раскаленной пачку

бумаг. Огонь уже добрался до занавесей рядом с ним, когда он начал подниматься.

В наполненной дымом комнате, среди желтых языков пламени, усмехалась черная статуэтка Сатаны.

Глава 17

На следующий день в половине третьего мистер Чарлз Денем сидел в своем офисе, переваривая ленч и просматривая газету, которую утренние неотложные дела не позволили ему прочитать вовремя.

Была среда 22 марта — прошел месяц со дня смерти миссис Тейлор. После бомбардировок и обстрелов Лондона снарядами «Фау-2» многие барристеры и солиситоры в Темпле сменили офисы, но Чарли Денему удалось сохранить прежние комнаты у входа в Джонсонс-Корт.

Сидя за столом у окна, выходящего на узкий переулок, Чарли выглядел прилизанным, как кот, — тонкая линия усов, темные волосы, аккуратно разделенные пробором. В камине потрескивал уголь.

Ради моральной устойчивости Денем всегда приносил в офис «Дейли телеграф», но при этом неизменно читал «Дейли фладлайт», которая хоть и состояла всего из нескольких страниц, но умудрялась быть более американской (в самом дурном смысле слова), чем любой американский таблоид.

Нахмурившись, Денем прочитал один из заголовков:

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ ЗАДУШЕН КРАСНЫМ ШНУРОМ

И далее:

«ПОЛИЦИЯ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НАПАЛА НА СЛЕД»

День был холодным, но ясным и солнечным. Денем быстро пробежал глазами статью:

«Вчера вечером, в начале седьмого, тело мистера Люка Парсона, главы частного детективного агентства, было обнаруже-

но уборщицей, подметавшей офисы в доме 426 на Шафтсбери-авеню. Жертва найдена сидящей на стуле за своим столом. Мистер Парсонс был задушен красным шнуром, брошенным ему на шею и медленно затянутым при помощи вращения карандаша. До того, по словам полиции, его оглушили ударом по голове».

Нахмурившись еще сильнее, Денем продолжил чтение.

«Мисс Маргарет Вилларс, секретарь покойного (см. фото на с. 1) заявляет, что мистер Парсонс выглядел очень взволнованным после разговора с клиентом, назвавшимся Робертом Реншо, посетившим его в половине четвертого. В пять часов мистер Парсонс сказал мисс Вилларс, что она может уйти раньше. Время смерти...»

На столе зазвонил телефон. Денем с раздражением снял трубку, но, услышав от своего клерка, кто хочет поговорить с ним, стал возбужденным, как мальчишка.

— Алло, — послышался голос запыхавшейся Джойс Эллис.

— Привет, Джойс, — отозвался Денем. Он взял карандаш и начал рисовать в блокноте, словно стараясь скрыть эмоции.

— Вы уже видели газету? — спросила Джойс.

— Да. — Денем был слегка раздосадован. Он изобразил пару крестов и начал рисовать дом. — Это весьма неприятно, Джойс. Я был слегка знаком с ним.

Денем живо представлял себе Джойс с ее черными, завитыми на затылке волосами, серьезным лицом и большими серыми глазами, откинувшуюся на спинку стула, глядя на телефон.

— Слегка знакомы? Разве он не один из ваших ближайших друзей?

— Господи, Джойс, я никогда... — Денем оборвал фразу. — О ком вы говорите?

— О Пэ... мистере Батлере!

— О Пэте Батлере? — Денем уронил карандаш. — Что с ним случилось?

— Газеты никогда не печатают всей правды. Все может оказаться куда хуже, чем они сообщают. Не то чтобы меня это так уж волновало, — быстро добавила Джойс, — но я чувствую, что... У вас здесь есть «Дейли телеграф»?

— Э-э... да. Где-то лежит.

— Подождите! Она у меня рядом. — В трубке послышался шорох бумаги. — Это просто маленький абзац внизу средней полосы под заголовком «Королевский адвокат пострадал во время пожара».

— Ну?

— Я прочитаю вам его. «Мистер Батлер, знаменитый королевский адвокат, иногда называемый «Великим защитником»... — голос Джойс дрогнул, но она быстро продолжила чтение, — слегка пострадал на пожаре, который произошел прошлой ночью в одной из церквей Бэлема. Насколько мы знаем, мистер Батлер в основном отделался ушибами, которые заработал, выводя других из церкви. Причина пожара до сих пор неизвестна». Чарли, что ему могло понадобиться в церкви среди ночи?

— Понятия не имею.

— Но вы же его друг! Не могли бы вы навестить его и убедиться, что он серьезно не пострадал?

— Конечно, мне очень жаль Пэта. — Денем стиснул в пальцах карандаш. — Но неужели мы должны говорить только о нем?

Пауза.

— Простите...

— Вы сами можете навестить его, не так ли? — осведомился Денем, чье лицо выражало страстную надежду на отрицательный ответ.

— Не могу. Пока еще...

— Отлично! Я имею в виду, это печально. А почему нет?

— Потому что я уже была у него. Я хотела сообщить ему кое-какую информацию... — Джойс снова помедлила. — Его невнимательность я могла бы вытерпеть — иначе он не может, — но, когда он начал актерствовать, я сказала, что не вернусь, пока не смогу доказать, кто настоящий убийца.

— Убийца? Что вы об этом знаете?

— Думаю, я обо всем догадалась, — медленно ответила Джойс. — Но я не могу это доказать.

Денем колебался, теребя карандаш и наконец бросив его.

— Послушайте, Джойс! — Если бы в этот момент вошел клерк, он бы удивился, услышав, что Чарлз Денем говорит почти умоляющим голосом. — Давайте забудем о Пэте, ладно? Почему бы вам не пообедать со мной сегодня вечером? А до того я мог бы навестить Пэта, если хотите.

— Большое спасибо, Чарли. С удовольствием пообедаю с вами. Пэт живет на Кливленд-роу. Интересно, что там сейчас происходит?

То, что происходило в доме на Кливленд-роу, можно было охарактеризовать как шум или даже скандал.

Миссис Пастернак открыла дверь доктору Гидеону Феллу, который шагнул в маленький коридор XVIII столетия вслед за водителем такси, тащившим тяжелый деревянный ящик с книгами. Со стуком опустив его на пол, водитель пулей вылетел из дома, как только доктор Фелл рассеянно сунул ему фунтовый банкнот за поездку стоимостью в шесть шиллингов и девять пенсов.

Из-за закрытой двери слева доносились сердитые голоса.

— Это врач, сэр, — виновато прошептала миссис Пастернак.

— Слушайте! — послышался голос врача — очевидно, старо-го друга. — Отек на лице практически исчез. Вам повезло — вы отделались фонарем под глазом, не потеряв ни одного зуба. Но ушибы на теле и на руках очень болезненны.

— Черт бы вас побрал! — рявкнул голос с дублинским акцентом. — Да что вы понимаете в медицине?

— Не важно, что я понимаю. Важно то, что мистер... мистер...

— О'Брайен, сэр, — подсказал третий голос. — Теренс О'Брайен.

— Мистер О'Брайен не будет давать вам сегодня урок бокса.

— Не буду, доктор, — с достоинством отозвался мистер О'Брайен. — Но можете поверить? Этот идиот ожидает, что я обучу его нашему благородному искусству за один урок!

— А почему бы и нет? — взвился мистер Батлер.

— С ним всегда так! — простонал мистер О'Брайен. — Ладно, приду завтра.

— Я тоже, — сказал врач.

Оба прошли мимо доктора Фелла, направляясь к выходу. Миссис Пастернак постучала в дверь слева. Доктор Фелл, пробравшись в нее боком, очутился в маленькой, но уютной библиотеке, уставленной от пола до потолка книжными полками со всех сторон, кроме стены с двумя окнами, выходящими на Кливленд-роу, и той части стены напротив, где в камине потрескивали поленья.

Патрик Батлер в не слишком презентабельном халате стоял спиной к огню. При виде доктора Фелла он хотя и принял обычный беспечный вид, но отнюдь не успокоился. Указав на кожаное кресло с одной стороны камина, Батлер опустился в другое, рядом с диктофоном.

Какое-то время тишину нарушало только свистящее дыхание доктора Фелла.

— Вы... харрумф... чувствуете себя лучше? — осведомился Фелл.

— Откровенно говоря, не слишком, — мрачно ответил Батлер. — Прежде всего мне больно говорить. Но разговор, сэр, роскошь, которую я буду позволять себе, даже когда катафалк повезет меня на кладбище.

— Кстати, о разговорах, — сказал доктор Фелл. — Вы звонили миссис Реншо сегодня утром?

Батлер стиснул зубы, что также было болезненным процессом. Простой ночью ему снова снилась Джойс Эллис, которую он целовал, как целовал Люсию. Это бесило его.

— Я не звонил никакой женщине, — отозвался он.

— Мой дорогой сэр! Подумайте о том, что произошло прошлой ночью!

— Я думаю, уверяю вас!

— Нет-нет! Миссис Реншо, доктор Бирс и я стояли снаружи — у двери верхней часовни. Мы понятия не имели ни о драке, ни о пожаре. Внезапно из часовни выбежал человек с закопченной физиономией, в чем-то вроде вечернего костюма и помчался к передним воротам. Через несколько минут появились вы. Представляете, как вы тогда выглядели?

— Как ни странно, у меня не было времени об этом подумать.

— Вы передали мне пачку бумаг, — продолжал доктор Фелл, — извинились за то, что задержались больше чем на три минуты, и свалились в обморок.

— Я никогда в жизни не падал в обморок, — холодно произнес Батлер.

Доктор Фелл скорчил свирепую гримасу.

— Ну, скажем, вы почувствовали недомогание. Миссис Реншо — не скрипите зубами! — бросила взгляд на вас, на ваши бумаги и пошла прочь. Она была шокирована и расстроена. Афинские архонты! Неужели вы не можете рассматривать женщину просто как женщину...

— Это моя неизменная привычка.

— ...а не как свой женский дубликат? Не понимаю, как она добралась домой. Во всяком случае, с нами она не поехала...

— Подумав, доктор Фелл резко добавил: — И наконец, как я понял со слов Хэдли, вы отказались предъявить какое-либо обвинение Джорджу Грейсу, которого называете Золотозубым.

Настроение Батлера изменилось. Все мысли о Люсии вылетели у него из головы.

— Золотозубый! — радостно повторил он и повернулся к доктору Феллу с выражением, способным вызвать приступ тошноты даже у самого хладнокровного человека. — Я не знал, что этого типа зовут Джордж Грейс, пока не позвонил Хэдли сегодня утром. А на окнах, по обеим сторонам входной двери, миссис Пастернак нашла утром две одинаковые записки. Взгляните!

Батлер достал из кармана халата клочок бумаги, на котором было написано печатными буквами, слегка стершимися при отклеивании от оконного стекла:

МЫ С ВАМИ ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧИЛИ. ДЖ.Г.

В камине трещали последние тлеющие угольки. За окнами клубился туман, и в комнате стало холоднее.

— Это раскрытие карт. — Батлер постучал по подлокотнику кресла. — Третий и последний раунд.

— Да, — согласился доктор Фелл, уставясь в пол.

Батлер повысил голос:

— Помните, что предлагал Хэдли вчера вечером? Что, если я зайду в Скотленд-Ярд, они легко обеспечат мне лицензию на огнестрельное оружие.

— Да, помню.

— Я послал туда Джонсона, поручив ему купить оружие и патроны. Понимаете, я изменил мнение после разговора с Хэдли в «Кларидже» в среду. Этих червяков мало просто перехитрить. Они даже не поймут, что их перехитрили, так как понимают только один язык.

Поморщившись от боли, Батлер поднял лежащий с другой стороны кресла револьвер «уэбли» 38-го калибра в кожаной офицерской кобуре.

— Пускай этот сукин сын придет этой ночью, — процедил он сквозь зубы. — Игра окончена. Либо я покончу с ним, либо он со мной.

— А вы понимаете, — странным тоном отозвался доктор Фелл, — что если он посетит вас ночью, то будет не один?

— Прекрасно! Пусть приводит своих головорезов. Я не возражаю.

Доктор Фелл покачал головой. Ощущение тревоги, исходившее от него, стало ощутимым, как тепло камина.

— Я имел в виду не только громил Золотозубого, — заметил он. — Неужели вы не понимаете, что если ночью вас попытаются убить, то это будут две компании врагов и две взаимосвязанные линии атаки?

— Почему две?

— Вы забываете о лидере сатанистской секты! — Доктор Фелл распалялся все сильнее. — Золотозубого, Эма и их безумных подручных мы можем классифицировать как гангстеров. Сомневаюсь, что кто-то из них, за исключением Золотозубого, вообще знает о секте.

— Но Золотозубый, безусловно, знает!

— Разумеется. Он знал достаточно, чтобы выбрать нужные бумаги из кучи, спрятанной в потолке исповедальни, и не тронуть остальные.

В водовороте событий Батлер забыл о документах, из-за которых его едва не убили.

— Что было в этих бумагах? — осведомился он.

— Достаточно, чтобы разогнать секту и предъявить обвинение ее нынешнему главе.

— Значит, вы думаете...

Доктор Фелл надул щеки, отчего его разбойничьи усы встопорились, и заерзал в кожаном кресле.

— Лидер секты и, возможно, его приближенные наверняка пришли в ярость, — сказал он. — Кто, по всей вероятности, заполучил и прочитал эти бумаги? Вы! Золотозубый, выбегая из часовни, даже не заметил нас. Если он передал начальству информацию, то только о вас. Так что мишенью являетесь вы.

Сделав паузу, доктор Фелл достал из мешковатого бокового кармана портсигар, вынул из него сигару и проткнул ее спичкой.

— Респектабельность! — с отвращением прогремел он. — Все гангстеры вселенной, мой дорогой Батлер, выглядят не более опасными, чем это, — Фелл щелкнул пальцами, — если сравнивать их с внешне респектабельными и богобоязненными личностями, которым угрожает разоблачение! Так что ищите респектабельность — и найдете ответ на всю проблему!

Батлер улыбнулся, взвешивая в руке «уэбли» 38-го калибра.

— И все же, — заметил он, — козлиная маска сатанистского культа, похоже, годится только для организации отравлений в других городах.

Доктор Фелл, зажигая сигару, испуганно покосился на него.

— Разве Хэдли ничего вам не сообщил? — осведомился он, выпустив облако дыма. — И вы не читали сегодняшние газеты?

— Нет.

— Ваш друг Люк Парсонс из агентства «Смит-Смит. Конфиденциальность гарантирована» вчера был задушен между пятью и шестью вечера. Это произошло в его же офисе. Его оглушили, а потом задушили длинным отрезком какого-то эластичного материала, выкрашенного в красный цвет кустарным способом.

Патрик Батлер положил револьвер и вскочил. Уже многие часы в голове у него время от времени вертелись слова «веревка, тесемка или шнурок». Он стоял неподвижно, спрятав руки в карманы голубого халата и чувствуя себя как в кошмарном сне.

— Неужели снова подвязка?

— Что-то вроде того. Сатанисты всегда использовали ее при казни за... определенное прегрешение.

— Какое?

— Предательство, — ответил доктор Фелл.

Наступило молчание. Батлер, чувствуя себя виновным в том, что уплатил за предательство, вызвал в воображении потное, испуганное лицо с поникшими крашеными усами и тут же постарался отделаться от неприятного видения.

— Современные тайные общества, — продолжал доктор Фелл, — всего лишь новички, если говорить о скорой расправе. В Шотландии в 1618 году человек по имени Джон Стюарт должен был предстать перед судом за колдовство. Он был скован кандалами в своей камере, когда его посетили два священника. Они едва успели уйти, как в камеру явились стражники, чтобы

сопровождать Стюарта в зал суда, и обнаружили его задушенным — я цитирую — «пеньковой веревкой или шнуром — предположительно его же подвязкой или шнурком от шотландской шапки».

Доктор Фелл снова надул щеки и выпустил кольцо дыма.

— Сошлюсь также на таинственное дело Джона Рида, снова в Шотландии, в Ренфрушире в 1698 году. Его тоже должны были судить за колдовство и нашли задушенным собственным шарфом. Я опять цитирую: «Было решено, что это работа сверхъестественных сил, поскольку дверь комнаты охранялась, а окно заколотили доской, которой не было прошлой ночью, когда заключенного оставили там». Разрази меня гром, если это не одна из первых проблем запертой комнаты! Невежды полагают, что они существуют только в головах у авторов детективной литературы, но даже старый тупица вроде меня мог бы с ходу назвать вам полдюжины подобных случаев. Кстати...

Но Батлер не слушал его.

— Я принес вам, — продолжал доктор Фелл, — целый ящик книг о колдовстве и смежных искусствах. Некоторые из ранних авторов, вроде Скота или Глэнвила, могут показаться вам трудными для чтения. Но более поздние авторитеты — Ноутстайн, Саммерс, Марри, Л'Эстрейндж Юэн, Олливер — читаются куда легче...¹

— Подождите, доктор Фелл!

В камине снова затрещал огонь. Весь день Батлер пытался смотреть на него, не пробуждая в памяти события прошлой ночи. Но черная козлиная физиономия статуи, охваченной пламенем, то и дело мелькала перед его глазами среди поленьев. Но это было не самое худшее.

— В котором часу, вы сказали, умер Люк Парсонс? — спросил он. — Между пятью и шестью?

---

¹ Реджиналд Скот. «Открытие колдовства» (третье издание, Лондон, 1665, по первому изданию 1584 г.). Джозеф Глэнвил. «Saducismus Triumphatus» (Лондон, 1681). С.У. Олливер. «Анализ магии и колдовства» (Райдер и Компания, 1928). С. Л'Эстрейндж Юэн. «Колдовство и демонизм» (Хит Крэнтон, 1933). Маргарет Элис Марри. «Сатанизм в Западной Европе». Монтегью Саммерс. «История колдовства и демонологии» (Киган Пол, 1926). Уоллес Ноутстайн. «История колдовства в Англии с 1558 по 1718 г.» (Вашингтон, 1911). «Saducismus Triumphatus» — «Торжествующий садуцизм». Глэнвил сравнивает колдовство с учением саддукеев — иудейской секты, существовавшей во время Христа и отрицавшей бессмертие души. (Примеч. авт.)

— Да. Приблизительно.

— Я расстался с ним в четыре!

— Да, Хэдли говорил мне. Вас ему хорошо описали. Секретарша Парсонса утверждает, что он не выходил из своего кабинета и что посетителей больше не было. Но он звонил по телефону сразу после вашего ухода, и она не запомнила номер. Часа через два — может быть, еще раньше... — Рука доктора Фелла сделала рубящее движение. — Быстрая работа, а?

— Но как вы можете быть уверены, что это дело рук секты сатанистов?

— У полиции есть улика, хотя о ней не упоминалось в прессе. — Доктор вздохнул с присвистом. — Вероятно, вы заметили, что офис Парсонса не был чисто убран и подметен. В пыли на его столе кто-то нарисовал три перевернутых креста.

— Это решает дело, — промолвил Батлер после паузы.

— Боюсь, что да. После ухода секретарши в пять любой мог незаметно проникнуть в эти офисы. Достаточно подняться на один пролет.

Батлер посмотрел на огонь и на сей раз увидел в нем не только козлиную голову, но и лицо Парсонса.

— Один убийца! — Он пнул ногой поленья. — Один и тот же убийца прикончил миссис Тейлор, Дика Реншо и Люка Парсонса!

— Убийство Парсонса, — сухо заметил доктор Фелл, — не доверили бы кому-то вроде Золотозубого или Эма. Поэтому вы понимаете, друг мой, что вам угрожает нападение с двух сторон...

Батлер поднял с кресла кожаную кобуру с револьвером, потом позвал шофера:

— Джонсон!

Когда вошел Джонсон, невозмутимый как всегда, с шоферской кепкой в руке, Батлер стоял у камина в небрежной позе аристократа XVIII века.

— Между прочим, Джонсон, — заговорил он тоном, который мог бы очаровать любого, — вы установили мишени в подвале?

— Да, сэр. У мешков с песком, чтобы они не упали.

— Слушайте, старина! — Батлер походил на старшего брата. — Сегодня четверг — выходной у вас и у миссис Пастернак. Разве я не сказал, чтобы вы оба ушли три часа назад?

Джонсон сосредоточил взгляд на кепке в руках.

— Если не возражаете, сэр, я хотел бы остаться. Я могу вам пригодиться.

— Нелли будет в ярости.

— Ничего, она может подождать.

— Не могу воспользоваться вашей любезностью, старина. Разве вы не слышали, что я сказал мистеру Хэдли по телефону?

— Ну, сэр...

— Я сказал ему, — продолжал Батлер, — что если он посмеет предоставить мне так называемую «полицейскую защиту», я с огромным удовольствием отстрелю уши первому чертову копу, которого увижу. Это мое шоу, Джонсон. Вы англичанин. Неужели вы не можете меня понять?

— Могу, и очень хорошо, сэр.

— Значит, вы обещаете, что уберетесь из дома вместе с миссис Пастернак через десять минут?

Джонсон кивнул. Подойдя к двери, он повернулся и произнес негромко, но внушительно:

— Разделайтесь с ними так и этак, сэр. Оторвите им то-то и то-то.

— Спасибо, Джонсон. Постараюсь.

Дверь закрылась. Батлер достал из кобуры «уэбли», открыл барабан так, что блеснули кончики медных патронов, и с громким щелчком закрыл его.

— Золотозубый! — буркнул он.

— Ради любви к Бахусу, — рявкнул доктор Фелл, — объясните, почему вы до сих пор испытываете такую ненависть к Золотозубому?! Из вашего вчерашнего рассказа, как я подозреваю... э-э... очищенного от нежелательных выражений, вы сбили с него спесь.

— Это было нетрудно.

— И получили то, что хотели. Тогда что не так?

«Он дважды сбил меня с ног и мог делать это, пока бы я не свалился в обморок. Из-за него я выглядел глупым, неуклюжим и беспомощным. У моих предков было хорошее правило: некоторые вещи можно уладить только с помощью стали или пули».

— Как вы можете понять, — ответил Батлер вслух, — между нами остались кое-какие счета.

— А почему вы думаете, что он явится сюда этой ночью?

— Во-первых, из-за записок на окнах. А во-вторых, я послал ему оскорбительную телеграмму через клуб «Любовь под мас-

кой». Если он ее не получит, ему передадут сообщение. Я предупредил, чего ему следует ожидать.

— Вы имеете в виду оружие?

— Естественно! — Батлер поднял брови. — Я посоветовал захватить его. — Он усмехнулся. — На почте пришлось объяснять, что это шутка. Но они поверили.

Учитывая цвет лица доктора Фелла, побледнеть он не мог. Не вынимая сигару изо рта, он выпустил струю дыма и заговорил сравнительно мягким тоном:

— Вдобавок к возможной перестрелке с Золотозубым на Кливленд-Роу, у вас в перспективе атака куда более изощенного лидера секты с неизвестного направления. Приятель, вы не понимаете!..

— Не понимаю, — согласился Батлер. — Но рассчитываю понять, благодаря вашему обещанию.

— Обещанию?

— Вчера вечером я продемонстрировал вам единственно возможный способ, которым мог быть убит Дик Батлер — если исключить из подозреваемых Люсию, что я делаю. Я доказал, что виновной может быть только Китти Оуэн. Я объяснил, как она заменила графин в спальне Реншо другим графином с отравленной водой, который она принесла в вязальной корзине. В ответ вы только произносили бессмысленные фразы. Но вы поклялись объяснить все завтра утром. Время пришло.

— Да, — вздохнул доктор Фелл. — Полагаю, мне лучше объяснить.

Батлер опустил в кресло, свесив руки за подлокотники и держа рукоятку «уэбли».

— Давайте начнем с самой сути, — предложил он. — Как я сказал, мы имеем дело с тремя убийствами и одним убийцей.

Доктор Фелл нахмурился:

— В каком-то смысле да.

— В каком-то смысле?

— Одно из упомянутых убийств... — Доктор не окончил фразу. — Возникает вопрос о слугах. В этом деле фигурируют две горничных с абсолютно непохожими характерами. Одна из них — Алиса Гриффитс, служанка миссис Тейлор, обычная домработница средних лет. Теперь я знаю, что Алиса Гриффитс говорила правду, как и знаю, что Джойс Эллис невиновна. Но вторая — Китти Оуэн, горничная миссис Реншо, отнюдь

не обычная прислуга и не говорит правду. Следовательно, она не должна быть ниже подозрений.

— Одно из многих ваших свойств, которые мне нравятся, — с интересом заметил Батлер, — это поразительная ясность вашей речи. Эддисона¹ нет и в помине. Маколи² безнадежно отстал. Анатолий Франс изнемогает от зависти. Черт возьми, неужели вы не можете излагать обычные вещи обычным способом?

— Могу.

— Тогда что означает «ниже подозрений»?

— В детективной литературе... — доктор Фелл затянулся сигарой, — никто не бывает выше подозрений. Но некоторые персонажи ниже их. Например, сыщик, эпизодические персонажи и слуги, так как слуга, который появляется, только чтобы сказать: «Архиепископ ждет», — деревянная маска, лишенная характера. Но Китти Оуэн, разрази меня гром, принадлежит к иной категории, она не может быть вне подозрений. И наконец... Но лучше я все расскажу вам. Прошлой ночью я мог... э-э... невольно ввести вас в заблуждение.

И доктор Фелл начал объяснять.

Глава 18

Когда доктор Фелл заговорил, стрелки маленьких мраморных часов на каминной полке показывали без десяти четыре. Когда же он закончил, часы как раз пропищали половину шестого.

Патрик Батлер сидел с закрытыми глазами, стиснув руками голову. Быстрый ум при наличии дополнительной информации приводил его к тем же выводам, о которых говорил доктор Фелл. Это было своего рода интеллектуальным упражнением.

Исключая некоторые детали, требующие уточнения, дело казалось завершенным, как собранный на столе пазл. Но, в отличие от картинка-загадки, оно было простым — все ключи обладали яркими цветами, бросаясь в глаза.

---

¹ Эддисон Джозеф (1672–1719) — английский поэт и эссеист, отличающийся чистотой литературного стиля.

² Маколи Томас Бэбингтон, 1-й барон (1800–1859) — английский историк и писатель.

— Понимаете? — осведомился доктор Фелл.

Огонь в камине погас, осталась только кучка белой золы с пробегающими красноватыми прожилками. Вздвогнув, Батлер осознал, что в комнате стало холодно и почти темно. Половина шестого. Нужно привести себя в боевое настроение для...

Поднявшись с трудом из-за боли от ушибов, Батлер подбросил в камин несколько поленьев, сразу взметнувших искры. Учтывая, что прошлой ночью ему удалось нанести несколько сильных ударов, не приходилось удивляться тому, что у него онемели руки. Потом он зажег свечи в настенных подсвечниках по обеим сторонам камина.

— Лучше задернуть портьеры, — сказал Батлер.

Подойдя к противоположной стене, он посмотрел в окна. В этой части Кливленд-роу открытое мощеное пространство Конюшенного двора казалось таким же безжизненным, как переулок в Древнем Риме. Справа от него тусклый уличный фонарь освещал темно-красную кирпичную стену пустующего западного крыла Йорк-Хаус. Напротив темнели призрачные арки музея.

Возле одной из арок мелькнула и растаяла тень. За домом уже наблюдали.

Батлер задернул портьеры и вернулся к камину.

— Черт возьми! — вырвалось у него. — Дело не только в убийствах. Когда подумаешь о том, кто сейчас возглавляет секту... — Он постучал себя по груди, подыскивая слова. — Внутри все переворачивается!

— О да, — согласился доктор Фелл и встал, тяжело опираясь на трость. — Конечно, сэр, помощи от меня не больше, чем при восхождении на гору. Но, может быть, мне остаться?

— Нет. Вы понимаете причину.

Доктор Фелл печально смотрел на него:

— Слушайте, приятель, незачем так расстраиваться!

— А я и не расстраиваюсь, — отозвался Батлер, глядя ему в глаза. — У меня нет для этого никаких оснований.

— Документы, которые вы передали мне прошлой ночью, неопровержимо доказывают, что Ричард Реншо был прежним главой секты, а миссис Тейлор — его помощницей. Следовательно, преемник Реншо...

— Простите, доктор Фелл, но уже поздно.

Среди прочего Батлер думал о тени, мелькнувшей в пустом Конюшенном дворе.

— Тогда я пойду, — промолвил доктор Фелл, очевидно читая его мысли. — На всякий случай, вот мой номер телефона в Хампстеде.

— Спасибо. — Батлер сунул клочок бумаги в карман.

Он первым направился к двери, сжимая в правом кармане халата ореховую рукоятку револьвера «уэбли», что было очевидно, как развевающийся флаг. Разумеется, доктор Фелл споткнулся о ящик с книгами на полу коридора у входной двери.

— Какой я неуклюжий, — пробормотал он. — Можете сократить время, читая одну из этих книг. Большую их часть я нашел в доме миссис Тейлор. Интересно, околачивается ли рядом ее призрак?

— Чей-то, во всяком случае, околачивается, — сказал Батлер, взявшись левой рукой за ручку двери.

— Визитеры уже появились?

— Пока в единственном числе. Но когда выйдете, не задерживайтесь. Идите налево, а потом сверните на Сент-Джеймс-стрит. Постарайтесь поймать такси.

Он открыл дверь.

— Сэр, — доктор Фелл приподнял широкополую шляпу, — я желаю доброй ночи человеку, которым, несмотря на его... харумф... эксцентричность, искренне восхищаюсь.

Пару минут Патрик Батлер стоял в дверном проеме, его фигура четким силуэтом вырисовывалась на фоне тусклого света позади. Дрожь опять пробежала по его телу. Хотя он пренебрегал занятиями спортом, но был хорошим наездником и первоклассным стрелком. Если бы не онемение и боль, он бы с радостью предвкушал встречу с Золотозубым.

Холодный воздух проникал сквозь халат. Батлер ощущал запах тумана, не видя его, если не считать тонкой дымки вокруг фонаря. Когда слоновьи шаги и стук трости доктора Фелла замерли вдали, он снова бросил взгляд на мрачный пустой квадрат, именуемый Конюшенным двором.

Кто-то стоял в арке музея, глядя на него.

Вдалеке прогудело такси.

Правая рука Батлера не двигалась — незачем целиться, если не собираешься стрелять. Секунды шли одна за другой...

Очень медленно, словно предоставляя противнику время для маневра, Батлер шагнул в дом, закрыл дверь и, подумав, повернул в замке ключ.

Собственно говоря, с саркастической усмешкой подумал он, почему бы не быть перестрелке на Кливленд-роу? Разве совсем недавно не стреляли из автомобилей, мчавшихся по Вест-Энду? До войны лондонцы сочли бы такое возможным только в американском фильме — причем это выглядело бы преувеличением, даже для Америки.

Отходя от парадной двери, Батлер наткнулся на ящик с книгами. Это привело его к мысли о главе сатанистской секты, отвлекая от сосредоточенности на Золотозубом.

Его взгляд скользнул по страницам лежащего сверху посеревшего от пыли трех столетий памфлета, ухватив начало заголовка: «Похотливые и нечестивые изображения...»

— С этим пора заканчивать, — произнес он вслух.

В столовой напротив библиотеки зазвонил телефон.

После ухода Джонсона и миссис Пастернак в доме стало так тихо, что даже ход часиков в библиотеке был слышен повсюду, а телефонный звонок разорвал тишину на кусочки.

Батлер поспешил в столовую. Миссис Пастернак задернула там портьеры и поставила под тускло поблескивающей хрустальной люстрой холодный ужин. Не без колебания Батлер поднял трубку.

— Пэт? — слышался спокойный голос Чарли Денема.

Помедлив мгновение, Батлер дружелюбно отозвался:

— Привет, Чарли! В чем дело?

— Я обещал навестить тебя, Пэт, но так погряз в делах, что...

Как ты?

— Никогда не чувствовал себя лучше, старина. А почему ты спрашиваешь?

Короткая пауза.

— Но газета сообщает, что ты пострадал на пожаре в какой-то церкви среди ночи! Никогда не подозревал, что ты вообще посещаешь церковь, — заметил Денем, известный своей ортодоксальной религиозностью.

— Это частная часовня в старом поместье, — объяснил Батлер. — Мы просто забавлялись. Ничего страшного не произошло.

— Значит, о тебе можно не беспокоиться? — Голос Чарли звучал весьма холодно.

— Конечно. Спасибо за звонок. Пока.

Положив трубку, Батлер какое-то время сидел глубоко задумавшись. Потом он встрепенулся и посмотрел на холодный ужин на столе. Пища, за которой миссис Пастернак часами стояла в очередях, была настолько скудной, что выглядела комично и даже виновато. Но Патрик Батлер против этого не возражал. Его выводили из себя воспоминания о елейном голосе, заверяющем радиослушателей, что они никогда в жизни не питались здоровее, чем при нынешней диете.

Поднявшись, Батлер посмотрел в щель между задернутыми оконными занавесями.

Теперь в Конюшенном дворе стояли двое, наблюдая за домом.

Быстро, но без спешки Батлер приступил к приготовлению. Сначала он закрыл и запер все ставни на окнах в нижних комнатах, потом запер заднюю дверь.

Как его однажды информировал болтливый взломщик, лучшей защитой дома были старомодные ставни — их нельзя было взломать, не поднимая шум. Патрик Батлер хотел не избежать атаки, а точно знать, с какой стороны она начнется.

Скрип его шагов по старым деревянным ступенькам был единственным звуком, когда он поднимался вверх. Даже стенные панели не поскрипывали, как бывало обычно. Наверху Батлер также закрыл и запер ставни, закончив собственной спальней в передней стороне дома.

Хотя под халатом у него была только пижама, он решил не одеваться, выказав таким образом больше презрения к Золотозубому и компании. Прикрепив кобуру к кожаному поясу, он надел его и положил в кобуру «уэбли». Тем не менее.

— Под халатом кобура выглядит неуклюже, — произнес вслух Батлер. — Если бы я мог...

Ну конечно! Это подойдет! Вытащив из халата матерчатый пояс, он приколол булавками воротник халата к воротнику и плечам пижамной куртки. Теперь халат висел на нем, как накидка дуэлянта, оставляя руки свободными.

Все еще сомневаясь в состоянии задней двери, Батлер снова спустился, придвинул к запертой двери стул и взгромоздил на него несколько кастрюль и сковородок, дабы любое движение

двери вызвало адский грохот. Испытывая гордость художника, он увенчал сооружение кухонной воронкой, словно шляпой.

Теперь пусть приходят!

С мрачным удовлетворением Батлер подошел к входной двери и распахнул ее. Он стоял в дверном проеме, словно дыша вечерним воздухом, и смотрел в сторону Конюшенного двора. Там, где прежде были два наблюдателя, теперь находились трое.

Холодная война? Для победы в ней нужно только превосходство в разуме и терпении.

Закрыв дверь, но оставив ее незапертой, Батлер вернулся в библиотеку. Не закрывая дверь в комнату, он мог наблюдать за парадной дверью у противоположной стены возле камина.

Неужели они весь вечер намерены топтаться напротив и глазеть, ожидая, что у него не выдержат нервы? В таком случае он должен продемонстрировать свое хладнокровие, сев и начав наговаривать в диктофон отчет о деле против настоящего убийцы. Господи, если бы только у него перед глазами не маячило лицо без маски!..

Кроме того, он едва ли сможет использовать оружие против...

«Прекрати!»

Преодолевая боль, Батлер повернул свое кресло у камина так, чтобы краем глаза мог поглядывать через открытую дверь библиотеки на входную дверь. Огонь снова полыхал вовсю. Часики на каминной полке пропищали половину седьмого.

— Я не говорил с тобой, — обратился он к диктофону, — так как со вчерашнего дня делал кое-какие записи. Давай-ка посмотрим...

Батлер слегка отодвинул стрелку назад с целью вспомнить то, что наговорил вчера, прежде чем выключить запись. Потом он включил диктофон, переведя рычаг таким образом, чтобы микрофон не записывал, а говорил.

Его собственный голос — микрокосм из зала суда в Лилипутии — зазвучал из громкоговорителя.

«Люсия Реншо с самого начала проявляла благосклонность, граничащую со страстью, к... к П. Б. — Здесь громкоговоритель сделал небольшую паузу и смущенно кашлянул. — Не потому ли, что голос и внешность П. Б. обладают сильным сходством с покойным мужем Л. Р., Диком Реншо? Не перенесла ли она

подсознательно свою привязанность на похожего на него мужчину?»

Батлер внезапно выключил диктофон и дрожащими руками снял с оси восковой цилиндр, потом встал, повернулся и швырнул его на каменную плиту под очагом. Цилиндр разбился, и кусочки воска полетели в огонь.

Снова сев, Батлер надел на ось новый цилиндр. Как же он был глуп!

— Теперь, — заговорил он, — я диктую полную запись фактов того, что мы можем назвать делом об убийствах, совершенных сатанистской сектой.

Батлер не забывал о парадной двери, о револьвере у себя на бедре, о коробке патронов с другой стороны кресла. Тем не менее он произносил одну за другой четкие и логичные фразы. Когда цилиндр закончился, он положил его в футляр на полке внизу и вставил новый.

Голос продолжал свое повествование. Сколько неподвижных фигур ожидало теперь в Конюшенном дворе или на Кливленд-роу? Попытаются ли они ворваться через незапертую входную дверь? Но мозг держал эти вопросы в другом отделении.

— ...Таким образом, мы начинаем понимать, — говорил Батлер, — работу ума убийцы. Новый абзац.

Допустим, я совершил убийство. Это занимает все мои мысли и отражается на всех моих действиях. Если я не великолепный актер, то не смогу не выдавать себя обмолвкой, жестом, выражением лица. Меня переполняет чувство вины, хотя оно может остаться незамеченным.

Но опять же предположим, что кто-то абсолютно искренне считает и верит, что он — или она — не совершал убийства. Такой человек вообще не думает о преступлении. Поскольку он не испытывает чувства вины, его реакции на вопросы частных детективов или полиции будут реакциями невиновного.

Неожиданно Батлер прервал речь, отпустив кнопку записи.

Пришедшая ему в голову мысль — нелепая и в то же время приводящая в ярость — заставила его устремиться к двери, но, вспомнив о диктофоне, он быстро вернулся и отключил его.

Что, если наблюдатели снаружи не враги, а полицейские? Конечно, Хэдли едва ли мог прислать трех человек, но, с другой стороны, это объясняло бы их молчание.

Подкравшись к задней двери, Батлер открыл ее и вышел из дома. Он даже не вспоминал о том, что на нем только халат, пижама и шлепанцы, но, если бы вспомнил, это не помешало бы ему перейти Кливленд-роу и войти в Конюшенный двор. К тому же в этом уединенном месте прохожих практически не было.

Туман сгустился, и уличные фонари превратились в искорки. Чувствуя асфальт под шлепанцами, Батлер шагнул в Конюшенный двор. Наблюдателей стало четверо.

Двое стояли за арками музея, третий — в тени дальнего конца Йорк-Хаус, а четвертый был почти не виден на фоне железной решетки у ворот, которые выходили на дорожку, спускающуюся к Мэлл.

— Здесь есть полицейский? — громко осведомился Батлер. Казалось, его голос отозвался эхом. — Если есть, отзовитесь!

Никто не ответил и не двинулся с места. Где-то шаркнула нога.

Правая пола халата Батлера откинулась. Он взвел курок револьвера, придерживая его указательным пальцем.

— Даю вам последний шанс, если это шутка!

Это не было шуткой.

Батлер понял, что в гневе совершил две глупости. Во-первых, если наблюдателей было еще больше, они могли оказаться у него за спиной, а во-вторых, плохое освещение препятствовало меткой стрельбе.

Слыша цапрапание собственных шлепанцев о гравий, он начал пятиться назад. Из-под ноги выскользнул и отскочил камешек. Знакомые лондонские трубы окружали пустое пространство. В музее как-то выставляли подлинную дверь Ньюгейтской тюрьмы и реконструкцию камеры смертников.

«Это не полицейские и даже не головорезы Золотозубого. Это члены сатанистской секты, потеющие в своей респектабельности. Но они думают, что я единственный, кто знает о них, и поэтому вынуждены убить меня».

Батлер добрался до парадной двери своего дома. На сей раз он тут же запер ее. Он тоже потел, но не от обычного страха. Ему казалось, будто снаружи собирается все больше людей, безмолвно направляя на дом силы зла.

«Респектабельность! — прозвучал у него в голове презрительный голос доктора Фелла. — Все гангстеры вселенной, мой дорогой Батлер, выглядят не более опасными, чем это, — щелчок пальцами, — если сравнивать их с внешне респектабельными и богобоязненными личностями, которым угрожает разоблачение!»

Батлер положил револьвер в кобуру и запахнул халат.

По всей вероятности, револьвер бы ему не понадобился. Очень может быть, что наблюдатели не были вооружены. Но кто-то должен прийти, чтобы убить его...

А тем временем нужно было закончить диктовку. Если бы не убийства, да еще при помощи яда, он, возможно, не стал бы порицать сатанистов. Они искали способ отвлечься от унылого существования. Когда индивидуалист считался национальной гордостью, Англия пребывала в блеске славы и ее легчайшее дыхание сотрясало мир. А теперь личность была подавлена массой, к лучшим образцам которой относилась, скажем, Агнес Кэннон, а к худшим — Золотозубый. Тех и других Батлер одинаково презирал.

Он снова сел перед диктофоном, заняв позицию, дающую возможность присматривать за входной дверью. Видя, что второй восковой цилиндр почти использован, Батлер заменил его и взял микрофон.

— Последние пункты обвинения убийцы, — заговорил он, потом зажег сигарету и продолжал с тем же безжалостным хладнокровием: — Рассмотрев работу его ума, я перехожу к следующему и, вероятно, наиболее важному в психологическом смысле пункту: Китти Оуэн и яд в зеленой вязальной корзине.

Как нам известно, Ричард Реншо имел огромное влияние на женщин. В его привычке было сближаться с ними, а потом выбрасывать, как ненужный хлам, что произошло и с его собственной женой.

Китти Оуэн всего восемнадцать лет, она валлийского происхождения и легко поддается внушению. Но нет никаких доказательств, позволяющих связывать Китти с Реншо. Напротив, ее замечания и поведение свидетельствуют не более чем о легком увлечении, возможно, даже о страхе. Но у нас есть неопровержимые доказательства (смотрите выше), что Китти испытывала безобидное обожание школьницы к кому-то другому.

Именно Китти заменила графин с безвредной водой графином с отравленной. Моя первоначальная мысль была правильной, но я неверно истолковал весь эпизод и его смысл — многое в этом деле оказалось перевернутым, как крест Сатаны.

Таким образом, подлинный метод...

— Добрый вечер, — прервал Батлера голос позади.

Секунд десять он сидел, не оборачиваясь, как парализованный. Почти бесшумное урчание воскового цилиндра стало громким.

Но Батлера парализовал не страх — у него было мало причин бояться обладателя этого голоса. Его оглушило сознание собственной глупости — казалось, со времени последней встречи с Золотозубым он совершал одну ошибку за другой.

Выйдя из дома, Батлер на несколько минут оставил парадную дверь открытой. Любой мог войти и сесть в кресло напротив, а он, сосредоточенный на другом, ничего бы не заметил.

— Добрый вечер, — машинально отозвался Батлер и выключил диктофон.

Джойс Эллис в вечернем платье шагнула из-за камина и встала лицом к нему.

— Я говорила вам, — спокойно сказала она, — что больше не увижусь с вами, пока не смогу доказать личность убийцы. Ну, я принесла мое доказательство.

— В самом деле, дорогая?

Платье Джойс было цвета пламени и с буфами на рукавах. Оно не изменило ее внешность — лишь подчеркивало красоту серьезного лица, серых глаз и темных волос, завитых на затылке. В руках она держала туго набитую сумку.

— Я не отравляла миссис Тейлор, — продолжала Джойс, — и теперь могу это доказать!

Батлер лениво откинулся на спинку кресла.

— Я и так это знаю, — улыбнулся он. — Это был несчастный случай. И разве не случай привел вас сюда?

Казалось, он дал ей пощечину.

Лицо Джойс неуловимо изменилось — глаза стали глубже, а на губах мелькнула хитрая усмешка. Чувственная фигура словно наполнила до отказа огненное вечернее платье.

— Я глава сатанистской секты, — сказала она. — И это я убила Дика Реншо.

Глава 19

Теперь в библиотеке находились две силы, более опасные и изощренные, чем те, с которыми до сих пор когда-либо имели дело Джойс Эллис или Патрик Батлер. Ибо этими силами были два различных темперамента, которых подсознательно влекло друг друга, которые могли быть любовниками и даже супругами.

— Ну? — осведомилась Джойс хорошо знакомым Батлеру спокойным голосом, правда с едва уловимым оттенком насмешки.

— Это я тоже знал, — ответил Батлер, коснувшись диктофона.

— Знали? — с легким недоверием переспросила Джойс.

— Конечно! — Батлер вскочил.

— Вам меня не напугать, мистер Батлер. Могу я есть?

Она придвинула другое кожаное кресло так, чтобы оба сидели спиной к камину, видя при этом лица друг друга. В очаге трещали поленья. Джойс, опершись обнаженным локтем на подлокотник кресла, подпирала ладонью подбородок. Глядя на ее улыбку Моны Лизы под темными волосами и складки платья огненного цвета, обрисовывающие фигуру, Батлер почувствовал, что гнев вспыхивает в нем с новой силой.

— Когда я увидел вас в Холлоуэе, — сказал он, живо припоминая маленькую комнату с багровым небом за окном, — то мысленно пришел к выводу, что вы чертовски чувственная и страстная натура...

Джойс улыбнулась.

— А также, — продолжал Батлер, — что вы ловкая и законченная лгунья, чьи слезы выглядят почти как настоящие. Но при такой респектабельности и ангельской внешности вы бы не признались в своей вине даже вашему защитнику. Короче говоря, я сразу понял, что вы виновны, как сам дьявол. Разве я не говорил вам, что никогда не ошибаюсь? Но, — добавил он, глядя в странные серые глаза Джойс, — мне следовало обратить внимание на кое-что еще. Помните, дорогая? Мы сидели друг против друга за маленьким столиком с голой крышкой. Я говорил о смерти миссис Тейлор, а вы рисовали на столе пальцем. Сначала вы прочертили вертикальную линию, а потом

поперечную горизонтальную у нижнего конца вертикальной. Перевернутый крест — символ Сатаны! Вы сделали это у меня на глазах, а потом повторили, думая, что я не знаю, о чем это свидетельствует.

— Да, — согласилась Джойс, полузакрыв глаза. Ее щеки пылали.

Батлер наблюдал за ней. Он не собирался напоминать, что доктор Фелл тоже посетил ее в тюрьме, отметил ту же привычку и сообщил об этом ему. В час своего триумфа он предпочитал помалкивать о докторе Фелле.

— Я молилась своему божеству. — Лицо Джойс вновь стало спокойным. — Вы верите в Бога и силу Добра?

— Да.

— Значит, вы должны верить в Сатану и силу Зла, — просто сказала Джойс. — Они неразделимы. Разве я не говорила вам, что я дочь священника?

— Говорили. И о том, какой скучной и ужасной была ваша жизнь.

— Поклонение Богу скучно и утомительно. А поклонение Сатане... — она провела руками по своему телу, — дарует огонь, безумие и радость. Он истинное божество, но еще большим божеством был для меня...

— Ричард Реншо? — осведомился Батлер. — Человек, похотевший на меня?

— Да. — Улыбка Джойс стала злой.

Батлер ощутил легкую тошноту.

— Любой, у кого функционируют все пять чувств, — процитировал он доктора Фелла, — должен был понять по ситуации в доме миссис Тейлор, что вы были одним из главных членов секты сатанистов. Вы сами говорили мне, что прожили там почти два года. Миссис Тейлор, одинокая старуха-сатир, у которой было так мало друзей, и вы, недовольная убогой жизнью. Было очевидно, что она уже давно нашептывала вам о радостях «старой религии», как гораздо позже нашептывала Люсии Реншо.

В «Приорате» ощущалась атмосфера преисподней. Я сам обратил на нее внимание во время двух визитов туда. Она таилась в углах, отравляя воздух. Во время второго визита, когда я встретил полицейского, я увидел на столе в холле два серебряных канделябра — такие же, как в доме Реншо, и, веро-

ятно, тоже со следами черного воска. А когда вы пришли в мой дом этим вечером, то наверняка заметили ящик с книгами в коридоре?

— Да, но я не стала их разглядывать.

— Это книги о колдовстве. Многие из них лежали на виду в доме миссис Тейлор, где любой из его обитателей мог их прочитать. Я имею в виду образованных обитателей — мы можем исключить чету Гриффитс и кухарку. Доктор Бирс знал, что там что-то не так. И тем не менее вы уверяли меня, что два года ничего не замечали и считали миссис Тейлор обычной старой леди, которая вам нравилась.

Взгляд Джойс, контрастируя с бесхитростным лицом дочери священника, стал жестким, а ногти начали царапать кожные подлокотники кресла.

— Сказать вам, что произошло ночью 22 февраля, когда умерла миссис Тейлор? — спросил Батлер. — Это очень просто.

Повернувшись, он бросил в камин сигарету.

— Вы не собирались убивать миссис Тейлор — во всяком случае, пока. Той ночью вы вышли из дома, чтобы отравить Дика Реншо.

— Почему? — Слово плеснуло в него, как кислота.

— В основном, — ответил Батлер, — потому, что он бросил вас, как бросил многих других женщин.

Он молчал, покуда пальцы Джойс на подлокотниках не стали неподвижными.

— Но с тех пор, как это произошло, вы поняли, что после его смерти можете приобрести контроль над сатанистской сектой — а это сулило прибыль, дорогая моя. На пути у вас стояла только старая миссис Тейлор.

Батлер склонился вперед.

— Вас вообще не было в доме миссис Тейлор примерно с половины десятого вечера 22 февраля до половины второго ночи. Вы отправились в дом Дика Реншо, в Хампстеде отравить воду в его графине, зная, что он в отъезде. Вот в чем секрет, в результате которого вас едва не повесили за не ту смерть.

Он снова откинулся на спинку кресла. Джойс оставалась неподвижной.

— Подтверждения? — продолжал Батлер. — Они повсюду. Уильям и Алиса Гриффитс, кучер-садовник и служанка, кля-

лись, что слышали, как около полуночи задняя дверь хлопала от сильного ветра. Потом они сказали, что замок, очевидно, зашелкнулся — что было истинной правдой — и дверь перестала хлопать. Я не подстрекал их. Они были правдивыми свидетелями.

Конечно, вы не могли уйти через парадную дверь. Я обратил внимание, что на ней есть не только замок, но также засов и цепочка. Как бы вы тогда могли вернуться, дорогая моя?

Каждый раз, когда он произносил слово «дорогая» — с дублинским акцентом или без него, — это производило на нее какой-то странный эффект.

— В половине десятого вы взяли сурьму в банке из-под соли Немо в конюшне, отнесли ее в свою комнату и насыпали достаточное количество, чтобы отравить Реншо, в бумажный пакет или еще куда-нибудь. Банку вы спрятали у себя в спальне. Потом вы вышли из дома через заднюю дверь — взяв с собой ключ по вполне понятной причине — но, сердце мое, забыли ее запереть.

Батлер сделал паузу.

— И что же произошло в ту бурную, ветреную ночь? Давайте на некоторое время отвлечемся от вас и переключимся на старую миссис Тейлор, пыхтящую от злости в своей кровати из-за отсутствия соли Немо. — Его тон стал ироничным. — Переключимся на миссис Тейлор, которая в минуту гнева назвала вас тем, что на суде деликатно именовали «скверным словом, обозначающим уличную девку». Но воздадим вам должное, милая моя. Вам незачем бродить по улицам в поисках клиентов.

Джойс улыбалась искренней улыбкой — ее щеки покраснели, а глаза блестели. На шее у нее висела тонкая серебряная цепочка, концы которой скрывались за вырезом огненного платья. Она медленно извлекла цепочку с прикрепленным к ней маленьким перевернутым крестиком из слоновой кости, который прижала к губам.

— Я поклоняюсь *ему*! — объяснила Джойс в экстазе.

Потрескивающее в камине пламя усиливало румянец на ее щеках. Батлер с внутренней дрожью чувствовал, что девушка одержима дьяволом в самом древнем смысле этого термина. Но его мысли вновь перенеслись к старой толс-

той миссис Тейлор с ее крашеными волосами, которая обучала Джойс сатанинскому культу, как ведьма, читающая вслух «Гримуар»¹.

— От доктора Бирса, — продолжал он, — мы получили информацию, которая проказалась доктору Фе... показалась мне самой важной из услышанного вчера вечером. Когда миссис Тейлор думала, что кто-то спрятал что-то от нее, она могла перерыть весь дом.

Ответа не последовало.

— Миссис Тейлор сидела в своей кровати, — снова заговорил Батлер, — думая о соли Немо. Вы сами говорили, что она ругала вас из-за этого в половине восьмого и вы ей не ответили. Это продолжалось и позже. Во всем доме нет соли Немо? Невероятно! Значит, кто-то спрятал банку! Кто мог это сделать? Очевидно, вы.

Далее я позволю себе пофантазировать. Миссис Тейлор позвонила в звонок и, не получив ответа, вскоре спустилась в вашу комнату. Ее не удивило, что вас там не оказалось — вы могли уйти в часовню. Но она обыскала комнату и нашла банку с этикеткой «Соль Немо» и похожим на этот медикамент кристаллическим порошком внутри.

Как вы помните, на банке были ваши и ее отпечатки пальцев, но на стакане — только ее. Она растворила дозу в воде и умерла в своей кровати, в страшных мучениях.

Батлер не смотрел на Джойс, которая вернула опрокинутый крест в вырез платья. Будучи не в силах справиться с бешеной яростью, он вскочил на ноги.

— А теперь, дорогая моя, давайте проследим, что вы делали той самой ночью с 22 на 23 февраля, ровно месяц назад. — Батлер судорожно глотнул. — Черт бы вас побрал!

Как ни странно, Джойс выглядела довольной.

— Вы знали Люсию Реншо?

Выражение лица девушки изменилось.

— Не очень хорошо, — ответила она. — На процессе Люсия казалась мне довольно простодушной, несмотря на косметику. А потом я не думала о ней, пока...

Батлер едва слышал ее.

---

¹ «Г р и м у а р» (*фр.* grimoir — чертовщина) — так назывались средневековые книги об оккультизме.

— Мне и в голову не приходило, что все доказательства, свидетельствующие против нее, о которых я думал или говорил в этот диктофон, — он указал на него, — в той же степени — даже в куда большей — применимы к вам! Ладно, вернемся к вашим действиям той ночью. Как вы добрались из Бэлема в Хампстед и обратно? Конечно, на метро. В доме Реншоу вас был друг и информатор, сообщавший вам по телефону обо всем, что там происходит...

— Кто?

— Китти Оуэн. Она явно не любит Люсию — видели бы вы, как она один раз посмотрела на нее в моем присутствии! Но вас Китти обожает, как школьница. Ради вас она готова на все. Тем не менее я мог бы поклясться, что Китти ничего не знала о вашем визите в дом Дика Реншо той ночью. Она только передавала вам информацию. Доказательства? Вы услышите их позже.

Вы знали, что в ту ночь в «Доме аббата» не будет никого, кроме Люсии, которая спала не в комнате мужа, а в другой спальне на галерее. Вы знали, что за день до того Дик Реншо отправился в поездку разведать ситуацию в отдаленных городах, которые предназначались для отравлений, совершаемых сектой. И вы считали, что Реншо вернется через день или два.

Так считали все — Люсия говорила нам об этом. Даже мисс Кэннон не стала убирать в его комнате и менять воду в графине перед его возвращением. Поэтому вы пробрались в дом, пользуясь тем, что в задней двери был замок «Грирсон», как у миссис Тейлор, и растворили смертельную дозу сурьмы в графине Реншо почти за месяц до того, как он выпил ее.

Картина меняется. Все опрокидывается вверх дном, как дьявольский крест, который вы носите. Фактически вы нарисовали перевернутые кресты на пыльном подоконнике тогда же, когда отравили воду в графине.

Батлер умолк и опустился в кресло.

Его гнев иссякал, а голос становился спокойным и саркастическим. Джайс Эллис улыбалась ему, словно не думая об убийстве.

— Той ночью все действительно происходило именно так, — заговорила она. — Я вернулась домой последним поездом мет-

ро, чувствуя приятную сонливость. Заперев заднюю дверь, я оставила ключ в замке и даже не вспоминала о банке с сурьмой, ложась спать. Но следующим утром, когда я впустила в дом Алису...

— Вероятно, вы испытали шок? — вежливо осведомился Батлер.

— Ужасный шок! — подтвердила Джойс.

Она устремила на него простодушный взгляд серых глаз, слегка приоткрыв рот, как в тюрьме Холлоуэй. Искренность этого взгляда потрясла Батлера.

Но он не понимал, что в душе она ликовала, восторгаясь своей способностью надевать различные маски. Это было частью ее религии.

— Помните, — продолжала Джойс своим мягким голосом, — Алиса Гриффитс заявила в суде, что, обнаружив тело миссис Тейлор, она побежала «в задний коридор» и крикнула кухарке: «Ради бога, иди сюда! Случилось что-то ужасное!» Задний коридор и лестница находятся рядом с моей спальней. Услышав это, я сразу вспомнила о банке с сурьмой, которую спрятала в своей комнате. Банка исчезла, и я поняла, что произошло. Когда звонок начал звонить, я...

— Вы не знали, что делать, бедное невинное дитя?

В глазах Джойс мелькнуло торжество.

— С вашей стороны было очень умно объяснить мои слова: «В чем дело? Она умерла?» — и так заморочить голову Алисе и Эмме, что они больше не были уверены, прикасалась я тем утром к банке или нет. Я бы до такого не додумалась. Но как только я встретилась с вами, я сразу поняла, что вы добьетесь моего оправдания.

— Почему, дорогая моя?

— Из-за вашей самоуверенности. Вы обращались со мной почти как...

— Как Дик Реншо?

— Да, как эта грязная свинья! — Джойс коснулась перевернутого крестика, чтобы успокоиться. — Но, конечно, я не могла рассказать вам больше, чем рассказала полиции, о том, где действительно была в ночь смерти миссис Тейлор. Какой толк от меня и от учения моего Повелителя, если все уверены, что я говорю правду? Поэтому я согласилась сказать то, что вы мне велели. В суде был ужасный момент — вы заметили, как я рас-

строилась? — когда Алиса поведала о хлопавшей двери. Конечно, я думала, что не убила Дика, но меня могли связать с нашими священными ритуалами в часовне.

— Знаете, — сказал Батлер, — я бы хотел прочитать ваши мысли.

Джойс склонилась вперед — выражение ее лица не имело ничего общего с мыслями об убийстве.

— А я бы хотела прочитать ваши, — сказала она.

Эта женщина обладала поистине гипнотической или наркотической притягательностью. «Мы будем спасены через плоть», — гласил ритуал черной мессы. Какой-то момент Батлер боролся с наваждением.

— Я имею в виду... — Он оборвал фразу. — Полиция подозревала вас с самого начала. Через неделю вас арестовали, а до того вы находились под наблюдением на случай, если вы нанесете кому-нибудь визит. Вы пытались связаться с кем-то по телефону?

— Я звонила Китти. Дик сам привлек ее в секту, но она любила меня. Я спросила Китти, вернулся ли мистер Реншо. Китти ответила, что нет, но что он обязательно вернется до конца недели. Я предупредила ее, что воду в том графине нельзя менять ни под каким видом.

— Так я и думал! — воскликнул Батлер. — Вы не могли позвонить Китти и не осмеливались увидеться с ней после ареста. Но вам позволили читать газеты, а в них не было ни слова о смерти Реншо. Естественно, вы решили, что воду вылили, что вполне могло случиться.

— О да. Я боялась, что он не умер...

— Иными словами, вы считали себя невиновной. Сознание вины никогда вас не тревожило. Про себя вы могли негодовать на иронию судьбы и ее несправедливость, как делали вслух в разговоре со мной. Но — разрази меня гром, как говорит один мой друг — больше ничего вас не беспокоило. Если бы кто-то мог записать ваши мысли в тюрьме и во время процесса, то в детективном романе они выглядели бы абсолютно честными. Но не после суда, когда любая дневная газета сообщила бы вам о смерти Реншо.

— Что за странная фраза! — улыбнулась Джойс. — Но меня ужасно к вам влекло. Мне хотелось быть рядом с вами. А разве вы никогда не находили меня привлекательной?

Батлер, мысленно сражавшийся с тенями, поднялся с кресла.

— Я видел вас во сне прошлой ночью. — Признание вырвалось у него помимо воли.

Девушка тоже встала. Они стояли так близко, что могли коснуться друг друга. Джойс придвинулась еще ближе.

— Вот как? И что же именно вы видели?

— Во сне я целовал вас, как до того целовал Люсию.

— Только целовали? — пробормотала Джойс. — Какие же у вас скучные сны.

— А когда я обнимал Люсию... — желание обнять Джойс было почти непреодолимым, — то думал о вас.

Розовые губки скривились.

— Почему?

— Потому что в глубине души я знал — или можете назвать это каким угодно дурацким современным термином, — что вы убийца и я должен вас забыть. Но до сегодняшнего вечера я не догадывался, что вы занимались массовыми отравлениями ради прибыли, хотя мы вышли на след сатанистской секты в первый же вечер после вашего оправдания.

Любое упоминание о секте, факт существования которой Джойс стремилась сохранить в тайне, даже рискуя жизнью, сразу делало ее холодной и настороженной.

— Вы сказали «мы». Кто вышел на след, кроме вас?

— Честное слово, дорогая, я выразился фигурально! Никто не знает о секте, кроме меня.

Джойс облегченно вздохнула.

— Так о чем вы говорили?

— Я отправился в дом Люсии в Хампстеде и обнаружил там черный свечной воск и перевернутые кресты, а также услышал упоминание о красных подвязках...

Во время короткой паузы в голове у него промелькнуло все, что доктор Фелл говорил ему тем вечером.

Прибыв в дом Люсии во вторник вскоре после Батлера, доктор Фелл уже понимал подлинный смысл происходившего в суде. «Сэр, должным образом никто не обдумал доказательства». «Обе стороны смотрят на ветки в поисках корней и роются под землей в поисках веток». Джойс Эллис была невиновна в смерти миссис Тейлор, потому что ее не было дома. Где же она была? Джойс бы объяснила это, не будь ее миссия

настолько смертоносной, что она не осмелилась рисковать, пускаясь в объяснения. Что это за миссия? Ну, Уильям Гриффитс заявил, что из банки взяли две большие дозы сурьмы... «Не могу сказать, что я был удивлен, услышав потом об отравлении мистера Реншо, — промолвил доктор Фелл. — Я ожидал, что кто-то будет убит. Это было, по крайней мере, вероятным!»

Но доктора выбило из колеи, заставив бормотать, стонать и корчить гримасы, заявление Люсии, что графин с водой, убившей Дика Реншо, был ополоснут и наполнен заново перед его смертью. Значит, Джойс не могла это сделать...

Пробудившись от размышлений, Батлер снова обратился к девушке:

— Однако версия, что вы не могли отравить Реншо, так как находились в тюрьме, была опровергнута после обследования графина на столике у его кровати.

— Каким образом?

— На донышке оставалась вода. И она была несвежей.

— Несвежей?

— Да. Полной крошечных пузырьков, которые собираются в воде, когда она стоит несколько дней или даже недель. Могли они образоваться за двадцать четыре часа, прошедшие с тех пор, как Китти якобы заново наполнила графин? Это не казалось возможным, учитывая стакан, надетый на горлышко и оберегавший воду. В любом случае, в доме миссис Тейлор провели эксперимент. Графин с перевернутым стаканом на горлышке оставили на двадцать четыре часа. После этого вода в нем была кристально чистой, без единого пузырька. Она оставалась бы свежей еще долгое время.

В воображении Батлера эхом отзывались голоса в темном доме.

«Что вы там видите?» — «Рад сообщить, что абсолютно ничего!» — «Но яд...» — «Эксперимент не имел ничего общего с ядом!»

Батлер зажег сигарету. У него дрожали руки, но голос звучал спокойно.

— Вода в графине Дика Реншо простояла очень долго. Если сопоставить этот факт с некоторыми странными чертами *вашего* дела, он начинает выглядеть более чем странным. Но как вода в этом графине могла быть несвежей, если Китти ополаскивала его?

Дело в том, милая моя, что я сначала слегка неверно интерпретировал факты. Я знал, что Китти подменила графин, пользуясь корзиной для вязания как прикрытием. Но я в упор смотрел на правду, не видя ее.

В среду 19 марта пришла телеграмма, сообщающая, что Реншо вернется домой поздно вечером. Необходимо было убрать комнату и заново наполнить графин. Но Китти, безукоризненно следовавшая вашим указаниям, данным за неделю до того, не стала бы менять воду. Что же она сделала?

— Китти рассказала мне, — холодно произнесла Джойс. — Она предана не только мне, но и *ему*.

— Ему?

Джойс снова достала перевернутый крест и поцеловала его.

— Китти, — сказал Батлер, — принесла в вязальной корзине из другой спальни графин, наполненный чистой водой. Направляясь в ванную, она поставила в корзину графин с несвежей отравленной водой. В ванной она опустошила, ополоснула и наполнила заново графин с *чистой* водой. Его она вернула в корзину, а на столик поставила прежний графин с отравленной водой. Разве я не говорил вам, — с сарказмом добавил он, — что мы видели все доказательства перевернутыми вверх дном?

Джойс засмеялась.

— Дик Реншо вернулся домой в дурном настроении. Более того, он поскандалил с Люсией. В результате он не заметил, что пьет несвежую воду. — Куривший сигарету короткими нервными затяжками Батлер бросил ее в камин. — Реншо думал, что это сделала Люсия. И большинство людей считало, что вы вне подозрений.

В суде вас оправдали по обвинению в убийстве миссис Тейлор. — Батлер воздержался от упоминания, что доктор Фелл постоянно твердил о ее невинности в том, что он даже именовал не «убийством», а «смертью». — Поэтому, когда убили Реншо, большинство, естественно, считало вас невинной в обеих смертях.

Но не забывайте о Китти Оуэн! Независимо от того, догадывалась ли она раньше, что вода отравлена, после смерти Реншо она в этом не сомневалась. Но Китти оставалась лояльной! Она уже оказала вам услугу, когда за три ночи до гибели Реншо в часовне должна была состояться черная месса.

Джойс, опустившись в кресло рядом с объемистой сумкой, сразу напряглась.

— Откуда вы знаете, что должна была состояться...

— Пятна черного воска были свежими, — прервал Батлер. — А какая ночь была наиболее подходящей? Черная месса пародирует христианский ритуал, не так ли? 16-го числа было воскресенье.

Не знаю, почему Реншо не вернулся служить мессу — вероятно, этого мы не узнаем никогда. Миссис Тейлор, его первая помощница, была мертва. Вы, следующая по рангу, находились в тюрьме. Для церемонии не хватало священника, даже если бы черные свечи горели на алтаре, а статуэтка божества в козлином облике была извлечена из шкафа. Кто-то должен был пойти в часовню и сообщить прихожанам в масках, что церемония не состоится.

Кто мог это сделать? Конечно, Китти! Она была близка к двум из трех лидеров. А канделябры являлись личной собственностью — Реншо и миссис Тейлор нравилось держать по паре у себя дома. О, Китти всегда была готова продемонстрировать свое превосходство над Люсией Реншо!

— Вы не правы, говоря, что я делала это ради денег, — сказала Джойс. — Я бы использовала деньги для службы *ему*.

Она опять коснулась креста. Застывшая на ее лице полуулыбка начинала нервировать Батлера. Он прошел мимо диктофона и встал спиной к догорающему огню.

— Когда вас оправдали 20-го числа, — спросил он, — что вы сделали, уйдя из кафе? Связались с Люком Парсонсом, Золотозубым или с обоими?

— Золотозубым? О, вы имеете в виду бедного Джорджа! Да, я позвонила обоим. Но я думала о вас.

— Тогда — может быть. Но на следующее утро, когда вы пришли ко мне, а я бесцеремонно вас выставил, вы не начали меня ненавидеть?

— Возможно, я была немного раздосадована.

— Не по этой ли причине вы поручили Золотозубому и Эму атаковать меня с кастетами вчера вечером?

— Я об этом сожалею. Вы рассердили меня.

— Вчера, во второй половине дня, — каждое слово Батлера звучало как удар хлыстом, но без какого-либо видимого эффекта, — я посетил Люка Парсонса и с помощью подкупа (это

обошлось мне в двести фунтов) выудил у него сведения о том, где я могу найти Золотозубого и Эма. Разве Парсонс не позволил вам сразу после этого и не признался, что сделал это?

— Да.

Джойс лениво откинулась назад, свет бра поблескивал на ее гладких черных волосах, лицо было абсолютно безмятежным, если не считать едва заметных движений губ и глаз.

— Поэтому его убили?

— Человек, который предает вас в мелочах, — Джойс смотрела на Батлера в упор, прижимая к груди перевернутый крест, — предаст во всем. — Серые глаза широко открылись. — Таков закон веры.

— Это было чисто женское преступление. Люк Парсонс был стар, напуган и не отличался силой. Мужчина схватил бы его за горло спереди или сзади, а женщина сначала оглушила, а потом воспользовалась подвязкой в качестве удавки. Вы наслаждались, убивая его?

— Это было необходимо.

— А он был членом вашей... секты?

— Ну, вы ведь понимаете, что частный детектив может быть полезен, когда нужна информация о людях.

— А Золотозубый?

— Джордж? О, Джордж был моим *очень* личным другом. — Улыбка Джойс говорила о многом. Затем ее лицо омрачилось. — Но я никогда не думала... — Она оборвала фразу. — Когда он снимал золотые коронки, которые надевал для маскировки, то становился довольно привлекательным.

— Вы не слишком разборчивы, верно?

— Не будьте ревнивым. Я же не ревную к бедной глупой Люсии. Моим самым ужасным поступком... — Джойс пришла бы в ярость, если бы не ее поразительное самообладание, — был приказ Джорджу поджечь храм под часовней.

— Тогда почему вы это сделали?

— Люсия собиралась туда с вами, не так ли? Один из людей Джорджа нашел в клубе ее сумочку с ключом и прикрепленным к нему картонным ярлычком. Он сообщил Джорджу, хотя ничего не понял, а Джордж позвонил мне, и...

Теперь Джойс с трудом контролировала себя.

— Джордж не знал, что вы в Бэleme. Но он увидел свет за ставнями и заподозрил неладное. Тогда он пошел в часовню

забрать самые опасные документы и... сделать все остальное. Пожар. Это ужасно!

Но что мне оставалось? Я знала, что Люсия уже что-то подозревает. Я видела, как в зале суда, когда доктор Бирс говорил о нездоровой атмосфере в «Приорате», она встала и подала ему знак умолкнуть. Но я не догадывалась, сколько ей известно...

— Люсия ничего не знала, — прервал Батлер. — Если бы не доктор Фе... если бы не я, мы бы могли никогда не найти потайной люк для спуска вниз.

Несколько секунд Джойс оставалась неподвижной.

— Вы лжете. — Она улыбнулась.

— Нет.

— Я должна вас ненавидеть. — Джойс задумчиво смотрела на Батлера — ее неподвижные глаза притягивали его, как огонь притягивает ребенка. — Но я не могу — никогда не могла. Сейчас я чувствую то же, что тогда в кафе. Только... еще сильнее. Я поняла это, как только увидела вас снова.

Улыбка Джойс была ослепительной и одновременно жестокой.

— Вы получали много удовольствия от Люсии, — нежно спросила она, — если постоянно думали обо мне?

— Я не говорил, что думал о вас постоянно! Это было всего лишь...

Ее взгляд снова заставил его умолкнуть.

— Я уверена, что вы не выдадите меня, — сказала Джойс. — Потому что я всегда знала, что вы один из нас.

— Один из вас? Что, черт возьми, вы под этим подразумеваете?

— Вы думаете, что это не так, и притворяетесь шокированным. Но загляните в вашу подлинную сущность, и вы увидите, правда ли это.

Джойс встала с кресла и медленно подошла к Батлеру.

— В глубине души вы не сомневаетесь, — шепнула она, — что *он* существует.

— Не болтайте вздор! Ваш Сатана — аллегорический миф, представляющий...

— Тогда почему вы его боитесь? — осведомилась Джойс. — Почему ваши церкви боятся его? Почему они единодушно его проклинают, но ничего не могут с ним поделать? Почему он всегда остается непобедимым?

Патрик Батлер утратил дар речи. Аромат волос и плоти Джойс, ее близость, ощущение дьявольской власти, исходящее от нее... Он чувствовал, что в этом мире ему не нужно ничего, кроме Джойс Эллис.

— Вы думаете, — с трудом вымолвил Батлер, — что я стану соперником Золотозубого?

— Джорджа? — Джойс засмеялась. — Джордж вас никогда не потревожит. Он мертв.

— Мертв?! — Рука Батлера соскользнула с плеча Джойс, словно оно обожгло ее. — Как он умер?

— О, дорогой, разве это имеет значение?

— Вероятно, нет. И все-таки как?

Джойс опустила голову. В ее голосе звучало искреннее раскаяние.

— Прошлой ночью я разозлилась на вас из-за того, что вы забрали эти бумаги. Теперь я не сержусь! Но я... я велела Джорджу приклеить утром записки к вашим окнам. Ему это не понравилось, но он это сделал.

— Ну?

— Вы послали ему оскорбительную телеграмму — она была очень оскорбительной, дорогой! — подстрекая прийти сюда с оружием. Я все еще сердилась, поэтому сказала, чтобы он так и сделал. Но он не захотел.

— Что вы имеете в виду? Отвечайте!

— Дорогой, это так забавно! — Послышался смех, в котором, однако, звучало легкое недоумение. Джойс Эллис, которая могла надеть любую маску и имитировать любой голос, заговорила на чистейшем кокни, какой можно услышать на Коммершл-роуд. Казалось, в комнате говорил сам Золотозубый. — «Он сказал мне, что я дрался честно, что не станет выдвигать против меня никаких обвинений, и сдержал слово. Батлер настоящий джентльмен, и я не поступлю с ним грязно, даже если ты прикончишь меня за это».

Наступило молчание.

Батлер судорожно глотнул.

— И что произошло? — спросил он.

Джойс пожала плечами:

— Ну, естественно... он умер.

Тревожное ощущение от того, как дрогнули плечи Батлера и как напряглось его тело, проникло сквозь сонную дымку, об-

волакивающую чувства Джойс. Она медленно попятилась к креслу, ее глаза расширились от удивления. Прошло несколько секунд, прежде чем Батлер заговорил.

— Ты свинья! — негромко произнес он.

Изумление Джойс усилилось.

— Что-то не так, дорогой?

— Я не знаю, где сейчас Золотозубый, но хотел бы пожать ему руку и выпить с ним. Этот вечно ухмыляющийся рыжий боксер был настоящим спортсменом — то есть принадлежал к лучшей породе в мире. А ты убила его!

— Дорогой, я никогда не думала...

— Это верно. Ты никогда не думала.

Патрик Батлер не видел никакой иронии судьбы в том, что испытывал симпатию и сочувствие к Золотозубому, которого еще недавно ненавидел больше всех на свете. Его голос звучал хрипло, а в глазах ощущалось жжение. Протянув руку, он с грохотом сбросил диктофон на пол.

— А теперь, моя прекрасная ведьмочка, — рявкнул Батлер, — я скажу тебе кое-что! Ты думаешь, я единственный, у кого есть доказательства против тебя? Ну так ты ошибаешься!

— О чем ты?

— Доктор Фелл знает все. Суперинтендент Хэдли и вся полиция тоже. У меня нет твоих бумаг — они в Скотленд-Ярде. Догадываешься, что произойдет завтра утром?

Джойс вскочила с кресла, рывком схватила сумку. Смотреть на ее лицо теперь было не слишком приятно.

— Китти Оуэн отвезут в Ярд для допроса, — продолжал Батлер. — В этих бумагах нет ничего против тебя. Но показания Китти изобличат тебя с головой. Да, она тебе предана и верит в ваш сатанистский вздор. Но Китти молода и после восемнадцати часов допроса расколется как щепка. — Он щелкнул пальцами. — И знаешь, что случится с тобой тогда? Тебя повесят в Холлоуэе, откуда ты недавно вышла!

Джойс, рывшаяся в сумке, попятилась, остановившись в десяти футах от него. В ее руке он увидел мелкокалиберный пистолет.

— Тебе будет интересно узнать, — сказал Батлер, отбросив назад правую полу халата, — что я уже некоторое время держу тебя под прицелом моего «уэбли».

Джойс что-то крикнула — впоследствии Батлер не мог вспомнить ее слова. Несколько секунд он смотрел на нее, потом, презирая самого себя, швырнул револьвер в кожаное кресло.

— Пропади ты пропадом! — огрызнулся он, с отнюдь не притворным дублинским акцентом. — Я не могу стрелять в женщину!

Теперь Джойс целилась в него.

— Так ты знал, что я убийца? — крикнула она.

Патрик Батлер, стоя спиной к камину, выпрямился в полный рост.

— Разве я не говорил вам, — вежливо осведомился он, — что никогда не ошибаюсь?

Батлер отвешивал поклон в насмешливом стиле XVIII века, когда Джойс дважды выстрелила ему в грудь.

Глава 20

Письмо Гидеона Фелла, доктора философии, доктора права, члена Королевского исторического общества, Патрику Батлеру, королевскому адвокату.

«Раунд-Понд-Плейс, 13.

Хамстед, Северо-Западный округ, 3.

22 июня 1947 г.

Мой дорогой Батлер!

Похоже, у Вас снова неприятности. Не только, как я понял, из-за Вашего письма некоему юридическому светилу, которого Вы обвинили в мошенничестве при игре в покер, но и из-за дела Вашего клиента, в чьей невиновности Вы уверены. Я знаю, что Вы никогда не ошибаетесь, и, конечно, помогу Вам.

Что касается Ваших замечаний относительно Джойс Эллис, то теперь, когда процесс закончен, рискну ответить на них. Нет, девушка не безумна. У нее есть своя религия — столь же фантастичная, как та, которая недавно существовала в Германии, и та, которая существует в красной России. Думаю, присяжные знали, что она не сумасшедшая. Однако вердикт «виновна, но неменяема» кажется мне более милосердным и разумным.

Кажется, я уже поздравлял Вас по случаю помолвки с миссис Люсией Реншо. Она очаровательная леди, и я поздравляю Вас еще раз. Надеюсь только, что Ваш (прошу прощения) несколько необычный темперамент не помешает вам обоим добраться до алтаря.

Никогда не забывайте о галантности, дружище! В конце концов, если бы Вы не поклонились Джойс Эллис, когда она стреляла в Вас, эти пули угодили бы Вам в сердце, а не под ключицу. Надеюсь, Вы проживете еще долго, внося разнообразие в наш унылый мир.

Искренне Ваш
Гидеон Фелл».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНЬ УБИЙСТВА. Роман	
<i>Перевод с английского Е.В. Нетесовой</i>	7
ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ. Роман	
<i>Перевод с английского В.В. Тирдатова</i>	177

Литературно-художественное издание

Карр Джон Диксон

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

Романы

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректоры *А.В. Максименко, Т.В. Соловьева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 29.09.2008.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 19,58.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 6920

ЗАО «Центриполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

классика детектива

Джон Диксон

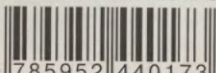
КАРР

ТЕНЬ УБИЙСТВА

ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

ISBN 978-5-9524-4017-3

9 785952 440173

ЦЕНТРОЛИГРАФ®